

Алан Фрид

ПАСПОРТ
предателя

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ СОЮЗА ССР

1946

АЛАН ХИНД

П А С П О Р Т ПРЕДАТЕЛЯ

ПРАВДИВАЯ ПОВЕСТЬ
О ШПИОНАЖЕ В АМЕРИКЕ

*Перевод с английского
Р. Э. МИЛЛЕР-БУДНИЦКОЙ*

*Предисловие
Д. ЗАСЛАВСКОГО*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР

1 9 4 6

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТРЕБОВАТЕЛЬНОГО советского читателя может, на первый взгляд, смутить литературная форма книги Алана Хинда. Это форма детективного романа. Он не пользуется у нас солидной репутацией. Мы привыкли к тому, что в произведениях этого рода истина слишком легко приносится в жертву занимательному сюжету и сенсационным положениям.

Детективные романы — это литературная специальность Алана Хинда. Он мастер в своем деле и искусно удовлетворяет литературные вкусы массового американского читателя. Эти вкусы, как известно, не отличаются особой тонкостью. В соответствии с этим и художественная сторона произведения Алана Хинда не отличается высотой. Нас, однако, всего меньше интересует эта сторона. Ценность предлагаемой советскому читателю книги не в ее литературно-художественных достоинствах, а в ее фактах. К фактической стороне книги советский читатель может отнестись с полным доверием. Автор ничего не выдумал. Он заимствовал весь свой материал из документов судебного следствия по делу о немецких шпионах в США.

Факты эти известны. Ими занималась американская печать. Судебных процессов было много. Они заполняли собой целые полосы в больших газетах. Внимание читателя дробилось между многочисленными преступниками, свидетелями, прокурорами и адвокатами. До советского читателя в свое время дошли только краткие сообщения. Даже из них видно было, какую густую сеть раскинул германский шпионаж в США перед войной и во время войны. Алану Хинду принадлежит та заслуга, что он отобрал важнейшие факты, свел их в одну общую картину, выделил главных организаторов. Он показал те приемы, методы, которыми пользуются немецкие шпионы. Из книги его ясно, какую опасность представляла для Америки эта деятельность сильной подрывной гитлеровской организации. Книга Алана Хинда интересна и тем, что показывает, какими способами эта опасная организация была раскрыта. Всем своим содержанием книга призывает к бдительности и говорит о том, как важны для государственной безопасности хорошо поставленная разведка и контрразведка.

Мы сказали, что советский читатель может с полным доверием отнестись к фактической стороне произведения Алана Хинда. Это не освобождает, однако, от критического отношения к общей картине, изображенной автором. Критические замечания сами собой напрашиваются при чтении этой интересной и во многих отношениях поучительной книги.

Нетрудно заметить, что автор на протяжении всего своего труда усиленно подчеркивает заслуги ФСБ (Федерального следственного бюро) и его главы Гувера в борьбе с германским шпионажем. Эти заслуги, несомненно, велики, а Гувер, возможно, выдающийся мастер своего дела. Если в манере автора есть элементы некоторой рекламы, то это надо в известной степени приписать американскому стилю в литературе. Скромность не значится в числе добродетелей, присущих американскому герою.

Но дело не в этом. Важнее то, что картина германского шпионажа, представленная по материалам преимущественно судебного процесса Дюкена, не связана с другими материалами, известными из американской литературы последнего времени. Получается у читателя такое впечатление, что следственным органам США удалось разгромить главные гнезда немецкого шпионажа, и победа, таким образом, была одержана полная, решительная, окончательная.

Такой вывод был бы, однако, по меньшей мере преждевременным и сомнительным. Гуверу удалось обнаружить весьма опасных врагов. Есть тем не менее основание предполагать, что во время войны продолжали орудовать в интересах Германии на территории США и соседних с ней американских республик еще сотни и тысячи не менее опасных шпионов и диверсантов. Таким образом, картина, изображенная Аланом Хиндом, охватывает лишь часть огромной шпионской и диверсантской сети, развернутой в США. Неизвестно, будет ли когда-либо распутана вся эта сеть. Вряд ли можно сомневаться в том, что она действует и ныне, после войны, завершившейся победой союзников.

Книга Алана Хинда дает достаточный материал для того, чтобы судить об опасности германского фашизма. Этот материал все же недостаточен для того, чтобы судить об эффективности той борьбы с германским шпионажем, которая велась и ведется в США. Лишь мимоходом и как бы вскользь автор останавливается на таких моментах, которые говорят о снижении этой эффективности. Эти моменты связаны с социальными, политическими и культурными чертами американской демократии.

Приведем один пример. Вся книга стремится внушить читателям представление о крайнем коварстве, таинственности, мастерстве конспирации немецких шпионов-заговорщиков. Автор не жалеет красок для

изображения этого глубоко запрятанного немецко-фашистского подполья. Увлекателен в стиле детективных романов рассказ о скрытых радиостанциях, о таинственных опытах с взрывчатыми веществами в глухих местах, о микроснимках, пересылаемых с поварами и официантами на океанских лайнерах, о ночных свиданиях в подозрительных пивных. Как не подивиться искусству работников ФСБ и их руководителя, проникающих во все эти места, с опасностью для жизни подслушивающих самые интимные разговоры! Чего как будто стоит эта ночная высадка с немецкой подводной лодки двух партий диверсантов в разных местах, с тяжелыми тюками, которые оставляют глубокие борозды на прибрежном песке...

Все это так, и надо отдать должное мастерству автора, скомпоновавшего из этих фактов увлекательные эпизоды. Но все же непредубежденному читателю во многих случаях бросается в глаза уж очень примитивная маскировка немецкого шпионажа. Диверсанты ни в малейшей степени не стараются замести следы, высадившись на американском побережье. Они тут же садятся в поезд на маленькой станции, словно именно за тем, чтобы их лица были замечены многими свидетелями. Они суют деньги попавшемуся на месте высадки свидетелю...

Опаснейшие организаторы шпионажа беспечно посещают германское консульство, словно с той целью, чтобы их заметили американские наблюдатели. Они ведут себя так, как будто поставили своей целью вызвать подозрение со стороны соседей. У читателя невольно, вопреки намерениям автора, складывается впечатление, что причиной разгрома данного немецкого шпионского гнезда является в такой же степени искусство ФСБ, в какой и крайняя неосторожность, более того, крайняя беспечность немецких шпионов.

Поразительным примером такой беспечности является удивительная поездка, которую устроил Людвиг, один из организаторов шпионажа, по гарнизонам США. Совершенно спокойно, не принимая никаких мер маскировки, этот негодяй садится в машину и вместе со своей сообщницей совершает экскурсию от гарнизона к гарнизону, от форта к форту. Всюду они выходят, делают фотоснимки, всюду вступают в разговор с солдатами, всюду получают интересующие их сведения. Всюду их встречают доверчиво и добродушно, выбалтывают им военные тайны, выпивают с ними в деревенских кабачках. Лишь в одном месте солдаты отнеслись к ним недружелюбно и отказались разговаривать. Но и здесь никто не задержал этих любопытствующих «туристов», не заподозрил в них шпионов.

Картина фантастическая! Вряд ли она возможна в другой стране во время войны. Но она вовсе не вымышлена. Так оно все и было. И это проливает свет на всю систему германского шпионажа в США. Мы ви-

дим тот общественный фон, на котором происходят события, описанные в книге Алана Хинда. Без этого фона и понять ничего нельзя. Деятельность врага протекает в определенной общественной, политической, культурной обстановке. Враг использует эту обстановку, все выгодные для него ее стороны. Но как раз об этой общественной и политической обстановке в книге Хинда почти ничего и не сказано.

Сделано это не случайно. Автор по возможности избегает всякого упоминания о социальных и политических условиях, благоприятных и неблагоприятных для шпионажа и для борьбы с шпионами. Рамки рассказа о шпионах очень ограничены. Автор усиленно старается не перешагнуть невзначай границу, отделяющую детектив от политики. В результате книга сразу становится односторонней. Факты сами по себе очень интересны, важны, поучительны. Отсутствует, однако, скольконибудь последовательный общественный анализ этих фактов. Шпионы вырваны из той среды, в которой они орудовали. Пред нами изолированные эпизоды, взятые, по существу, вне времени и пространства. Своего американского читателя автор убеждает всякими средствами в том, что ему нужна хорошая тайная полиция. Столь же усиленно его стараются отвлечь в сторону от вопроса, какова должна быть общая политика. А между тем именно к важнейшему этому вопросу неизбежно возвращают внимательного читателя как раз те факты, которые собраны и рассказаны автором, обнаруживающим такую политическую недалекость.

Гитлеровцы не только забрасывали в США своих шпионов и диверсантов. Они в любом количестве могли вербовать их и в самой Америке. Наиболее способные из них проходили школу шпионажа и диверсий в Германии. Почти все они были американские подданные, немцы по национальности или происхождению. В книге Хинда перед нами проходят, как это и было в судебных процессах, почти исключительно немцы. Складывается такое впечатление, что и шпионажем в пользу Германии занимались во время войны в США только немцы. Но это не совсем так, и рассказ Алана Хинда надо дополнить фактами, известными нам из других источников.

Немецкие шпионы и диверсанты были членами «Германо-американского союза». Автор попутно касается деятельности этой организации. Мы знаем, что она находилась под наблюдением ФСБ. Все же она освещена в книге Хинда недостаточно полно. Это объясняется отчасти тем, что и судебные процессы не раскрыли лицо и связи этой организации до самого конца.

Но основная причина неполноты освещения в том, что Алан Хинд, идя за следственными органами, и не ставил своей задачей всесторонне осветить деятельность той «общественной» и политической организации,

которая, как мы видим, поставляла и растила кадры для германского шпионажа.

Преступная деятельность «Германо-американского союза» стала предметом особого рассмотрения на позднейших судебных процессах, проходивших в США. Установлено, что это гитлеровская фашистская организация, руководимая из Берлина. Она имела свои ответвления и шупальцы во всех многочисленных немецких колониях в Америке. Она осуществляла контроль Германии над всеми американскими немцами. Руководители «Германо-американского союза» находились в теснейшем контакте с германскими дипломатическими представителями в США и в республиках Центральной и Южной Америки. Вся эта сложная сеть предателей и вредителей подчинялась различным органам германской разведывательной службы, а также известной «Аусландсорганизацион» — заграничной организации немецких фашистов.

Легальное существование многочисленной, охватывающей десятки и сотни тысяч немцев, организации было превосходным прикрытием для подпольной шпионской работы гитлеровцев в США. Они имели полную возможность на ходу заменять провалившихся шпионов новыми. Немецкие шпионы всюду располагали сотрудниками, помощниками, осведомителями. Немцы, члены «Германо-американского союза», проникали на важнейшие заводы, в учреждения, в общественные организации, в клубы, в газеты и журналы.

«Германо-американский союз» не скрывал своего фашистского облика. Он не видел в этом нужды. Фашизм не только пользовался, но и до сих пор пользуется полной свободой в США, ибо находит здесь покровительство со стороны весьма авторитетных реакционных политических кругов. Гитлеровцы полностью и без всяких помех использовали возможности, предоставляемые американской демократией, в интересах своей подрывной деятельности. Безнаказанность была так велика, что воспитала в гитлеровских бандитах и беспечность. В условиях американской терпимости к фашизму кажется совсем не фантастичной эта открытая автомобильная прогулка матерого немецкого шпиона Людвига по гарнизонам и фортам американского побережья. Его нигде не задержали. Он и не боялся того, что его задержат. Влиятельные лица, относившиеся терпимо к фашизму, вместе с тем насаждали беспечность в массах. Лишь впоследствии американцы спохватились и увидели, во что обшлась им их доверчивость, распушенность, болтливость. Систематические взрывы на заводах, неоднократное потопление американских пароходов стали открывать американцам глаза на широкую и беспрепятственную деятельность гитлеровцев в стране.

Первые же материалы, добытые в ходе расследования, показали, что дело не только в отдельных шпионах и диверсантах, скрывающихся в подполье. Никакая серьезная борьба с немецким шпионажем невоз-

можно, покуда беспрепятственно существует и действует обширная немецкая фашистская организация, представляющая собой «империю в империи», гитлеровский уголок «райха» в американской демократии.

Но расследование показало не только это. Выяснилось, что нити из Берлина ведут не только к немецким фашистским центрам в Америке, — они ведут и к чисто американским фашистским центрам. Вот что боится выдать в своей книге Алан Хинд. Вот что он тщательно обходит молчанием вслед за самим Гувером, который теряет свою откровенность и свою словоохотливость, когда выходит за пределы чистого детектива. Нет, не только среди американских немцев гитлеровская Германия находила своих агентов и сообщников. Их было много, они существуют и теперь среди чистопородных, «стопроцентных» американцев, даже среди тех, которые стали противниками Германии со времени начала войны, но в душе сохранили преданность ей. Общей почвой для всех этих пособников Германии явился фашизм. Он представляет собой и источник шпионажа, и прикрытие для него.

Алан Хинд рассказывает о том, как избалованные немецкие шпионы, все эти Дюкен, Людвиг, Борхарт и др., получали секретные сведения об орудиях, аппаратах, снарядах, машинах, изготовляемых на американских заводах. Всюду у немцев были «свои люди». Как они проникали на военные заводы? Как входили в доверие к руководителям заводов?

Об этом Алан Хинд не говорит. Но ничего тут загадочного нет. Достаточно вспомнить, что среди покровителей, защитников, сторонников американского фашизма, не только опекавших его пропаганду, но и финансировавших ее, находятся Форд, Додж и другие видные представители американского капиталистического мира.

На судебных процессах по делу немецких шпионов вопрос о связи шпионажа с фашистскими организациями всплывал неоднократно, но его каждый раз отводили в сторону. Суд не выходил из узких рамок следственного материала, направленного против подсудимых. Однако шила в мешке не утаишь. Связь немецкого шпионажа с фашистскими и профашистскими организациями в Америке слишком ясна. Следственные органы в конце концов вынуждены были заняться не только действующим корпусом немецких шпионов, но и его многочисленными резервами. Действовали эти следственные органы совсем не энергично, затянули работу на два с лишним года. Все же в 1944 году в Вашингтоне происходил судебный процесс американских фашистов. Материалы этого процесса служат как бы дополнением к работе Алана Хинда. Они как раз и воссоздают тот общественный фон, на котором выступают перед нами организаторы германского шпионажа. На процессе американских фашистов все время упоминались имена избалованных и уже осужденных немецких шпионов. Но подсудимые на этом

процессе обвинялись не в шпионаже, а в подрывной фашистской деятельности, угрожающей государственной безопасности США¹.

Соединяя материалы судебных процессов немецких шпионов и судебных процессов американских фашистов, мы получаем более полную картину (но все еще недостаточно полную) деятельности американской «пятой колонны». Мы видим в составе этой колонны и легальные общественные организации, американские и немецкие, а также польские, белогвардейские русские и украинские, мы видим многочисленные политические клубы, редакции газет и журналов, известных лекторов-пропагандистов, вроде пресловутого фашистского радиопопа Кофлина, гитлеровского агента Линдберга. Среди всей этой пестрой толпы, пользующейся покровительством американских законов, разгуливают беспечно и безнаказанно и немецкие шпионы. Где та грань, которая отделяет диверсанта от шпиона, шпиона от информатора, информатора от фашистского пропагандиста? Нет, такой отчетливой грани. Один служит другому, все делают общее дело, и это дело — государственная измена, предательство американской демократии.

Пред судом в Вашингтоне предстали руководители различных фашистских организаций и клубов. Установлено было, что происходили тайные съезды этих организаций, что намечался будущий «фюрер» для Америки. Опираясь на эту широко разветвленную фашистскую организацию, на свою американскую «пятую колонну», Гитлер хвастливо заявлял, что он без труда произведет фашистский переворот в США и покончит с той американской демократией, которая предоставила ему полную свободу подрывной деятельности.

Факты, вскрытые на суде в Вашингтоне, носят скандальный политический характер. Они проливают свет на источники американского изоляционизма. Они снимают завесу с источников антисоветской злостной кампании, которую вели и ведут поныне открытые и замаскированные американские фашисты.

Обнаружила ли американская демократия, давшая возможность развиться фашистской деятельности до степени грозной государственной опасности, способность раздавить фашистскую гадину и обезопасить республику на будущее время? Ход и исход судебного процесса не дают никакого основания для оптимизма. Факты, компрометирующие видных американских политических деятелей, были искусственно разводнены и потоплены в море деталей. Судебный процесс был умышленно растянут на месяцы, почти на год для того, чтобы остыл всякий интерес к нему. Подсудимые знали, что им не угрожает суровая кара. Они держались на суде с вызывающей наглостью.

¹ См. статью «Процесс американских фашистов в Вашингтоне» Б. Вронского в журнале «Война и рабочий класс» № 20 за 1944 г.

Однако и в этих рамках вскрылось многое. Установлено участие в активной фашистской деятельности видных сенаторов, членов конгресса. Реакционные сенаторы Рейнолдс, Най и др. непосредственно причастны к организации фашистских обществ, деятельность которых прямо смыкалась с деятельностью «Германо-американского союза». Со своей стороны, представители Гитлера в Америке, руководители «Германо-американского союза», предписывали всем своим подчиненным поддерживать реакционных членов конгресса, в их числе сенаторов Уилера и Холта, членов палаты представителей Тинкхема, Торкелсона и других.

Так в действительной американской жизни переплетаются детектив шпионажа и политика. Вывод ясен: корни германского шпионажа глубоко вросли в почву Америки, питаются фашизмом. Следственным органам удалось, и то с величайшим трудом, выловить несколько десятков наиболее неосторожных шпионов и диверсантов. Но сколько их осталось? И сколько еще их подрастает в бесчисленных фашистских организациях!

Мы видим, как в Америке свобода слова подменена свободой фашистской пропаганды, свобода организации — свободой шпионажа и диверсий... Остается демократическая форма, выветривается демократическое содержание. Народ теряет ценнейшие качества подлинной демократии — ее бдительность, обнаруживающую активность широких народных масс, их политическую сознательность, их боевую готовность стать в любой момент на защиту своего государства. Растущая безучастность граждан к политической жизни облегчает предателям их подрывную работу. Понадобилась война, поставившая под угрозу независимость США, чтобы общество встрепенулось и увидело себя в сетях вражеской организации.

Гитлеровцам не удалось довести до конца свое дело в США и произвести фашистский переворот, подобно тому, как это сделано было во Франции и в некоторых других странах Европы. «Пятая колонна» была подготовлена в Америке для такого переворота, который должен был совершиться в удобный, подходящий момент. В некоторых республиках Южной Америки он и был произведен. Мы видим его последствия в Аргентине, в Боливии. Мы видим следы подготовки в других государствах Латинской Америки.

Обширный план гитлеровской Германии провалился по той причине, что «удобный, подходящий момент» для фашистского переворота не наступил. Предполагалось гитлеровскими стратегами, что этот момент наступит после завоевания Советской страны, после разгрома Англии, как завершающий момент всей гитлеровской войны. Мы теперь можем оценить во всей полноте степень угрозы, какая встала бы перед американской демократией в момент торжества Гитлера в восточном полушарии... Но не торжество ожидало гитлеровскую Германию на рав-

нинах Советской страны, а глубокое, смертельное поражение. Красная Армия разгромила вооруженные силы Германии и сделала советско-германский фронт решающим в мировой войне. Могучая советская демократия сокрушила фашизм в центре Европы. Сталинская стратегия, основанная на ленинско-сталинской политике, повергла в прах немецко-фашистскую стратегию, основанную на разбойничьем шантаже, на предательстве, на подрывной деятельности «пятых колонн». Советская демократия, черпающая неиссякаемую силу из источников социалистического строя, ликвидировала фашистское логово и водрузила над Берлином знамя свободы народов.

Победа Красной Армии спасла цивилизацию Европы. Она спасла и американскую демократию. «Пятая колонна» в США потерпела морально-политическое поражение. Американский народ поднялся на защиту своего государства в союзе с Англией и советским народом. Симпатии к победоносной Красной Армии были в США сильнее, чем злобная антисоветская кампания американских изоляционистов, проводивших в жизнь политические установки «Германо-американского союза». Не медлительные суды стали угрозой и помехой для американского фашизма, не ФСБ проницательного Гувера, а могучее негодование американского народа против фашизма, его решительное стремление положить конец гитлеризму. Американский народ поддержал Рузвельта как верного сторонника победы над немцами.

* * *

Гитлеровская Германия ликвидирована. Красная Армия уничтожила в Берлине центры гитлеровской разбойничьей сети. Разгромлен и центр германского шпионажа.

Разгромлены филиалы германского шпионажа во многих странах. Они основательно разгромлены в тех странах, в которых после освобождения их от немцев пришла к власти подлинная демократия, вооруженная бдительностью, проникнутая стремлением положить конец фашизму во всех его видах, искоренить его полностью, так, чтобы и следов не осталось, чтобы семени на развод не было.

Не проделана такая очистительная работа до конца в тех странах, где перед подлинной демократией поставлены препятствия, где старое еще хватается за жизнь, где политическая реакция пытается восстановить все, как было до войны, где она, в страхе перед народом, пытается сохранить и замаскированные фашистские гнезда.

Уж не говоря об Испании и Португалии, об Аргентине и других столь же темных углах земного шара, есть государства, в которых правящие классы не хотят довести до конца разгром фашизма и укрывают его деятелей.

Гитлеровская Германия разгромлена. Но опасность фашизма еще не устранена полностью. Перед концом безнадежного сопротивления, предчувствуя свою гибель, руководители германского фашизма готовили уход своей партии в подполье. Они заранее переводили на нелегальное положение свои учреждения, рассчитывая, что, рано или поздно, придет такое время, когда они смогут открыто возобновить свою разбойничью деятельность. Гитлеровцы не скрывали, что они хотят сохранить свои кадры, чтобы использовать их во время «третьей» мировой войны, которую они начали готовить еще тогда, когда не закончилась вторая.

Из этого следует, что литература, подобная книге Алана Хинда, несколько не утратила своего актуального значения. Она не стала «исторической» книгой. От демократии требуется после победы над Германией не меньшая бдительность, чем во время войны. О чем думает Дюкен, заключенный на 18 лет в американской тюрьме? Быть может, о том же, о чем думают многие другие гитлеровцы, находящиеся в заключении. Они рассчитывают на то, что пройдут годы, военная буря окончательно уляжется, страсти остынут, и фашистским провокаторам откроется возможность продолжать свое дело, готовить новую войну. Мы видим признаки того, что не разоружились те профашистские организации в США, которые были резервами «Германо-американского союза». Они и не разоружатся добровольно.

Подготовка новой войны начинается с усыпления бдительности демократии. Над этим уже работают реакционные политические деятели и реакционная печать в некоторых странах.

Многие сторонники гитлеровской Германии, вынужденные носить личину ее противников во время войны, теперь после победы, когда опасность для США миновала, сбросили маски американского патриотизма и выступают с откровенной пропагандой новых коалиций, направленных против Советского Союза. Уинстон Черчилль и его друзья, потерпевшие поражение в Англии во время выборов в парламент, ищут поддержки у американских реакционеров и хотят объединить все силы агрессии под лозунгом англо-американского союза.

Дело не ограничивается словесными угрозами. В Германии, в зонах английской и американской оккупации, сохранялись с темными целями формирования разбитой гитлеровской армии. Английские империалисты поддерживают Испанию фашиста Франко как очаг реакции и агрессии в Европе... Все эти и еще многие другие проявления воинствующего империализма обнадеживают ушедших в подполье гитлеровцев. Они рассчитывают на то, что им удастся возродить фашизм в Германии и в других странах.

Советская демократия была бдительна перед войной и во время войны. Она остается бдительной и после блестящей победы над Германией. О бдительности напомнил Красной Армии и советскому на-

роду товарищ Сталин в приказе 1 мая 1945 г.: «Находясь за рубежом родной земли, будьте особенно бдительны!»

Бдительность всего народа — это черта подлинной демократии. Там, где народ дает усыпить себя, обмануть, там исчезает демократия.

«Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами» (И. Сталин).

Залогом этого являются сила и бдительность советской демократии.

Март 1946 г.

Д. Заславский

ОТ АВТОРА

Цель этой книги — впервые исчерпывающе ознакомить американское общество с деятельностью немецких шпионов и диверсантов с 1939 по 1943 год. История, которую я хочу рассказать, известна лишь относительно небольшой группе лиц — членам суда присяжных в Нью-Йорке, Бруклине, Хартфорде и Чикаго, некоторым членам корпорации юристов в указанных городах, нескольким федеральным судьям и, разумеется, ФСБ¹. Я присутствовал на некоторых процессах, чтобы дать правдивый, фактический фон... Постепенно из рассказов агентов ФСБ, признаний самих шпионов и свидетельских показаний предо мной вырисовывалась общая картина.

Старое изречение, что истина менее правдоподобна, чем вымысел, приобретает новый смысл в применении к фактам, изложенным в книге «Паспорт предателя». Если б я хотел написать основанный на фактах детективный роман, то не мог бы пожелать более богатого источника, чем предоставленные в мое распоряжение различными юристами Соединенных Штатов сухие официальные архивы. Но даже допросто описывая факты так, как их излагали агенты ФСБ и работники прокуратуры, я пришел к убеждению, что имею дело с материалом, содержащим все элементы захватывающего романа. В известном смысле книга эта — действительно плод воображения: воображения преступных умов в Берлине, которые измыслили невероятные вещи, осуществленные шпионами и диверсантами.

Основная задача автора — ознакомить среднего американца с методами немецко-фашистских шпионов, раскрыть ему глаза на актуальность этой угрозы, разоблачить лицо врага и дать оружие для распознавания шпионажа и борьбы с ним.

Автор, как и работники прокуратуры, любезно согласившиеся просмотреть рукопись с точки зрения документальной достоверности, считает, что народ, хорошо осведомленный о действиях вражеских шпионов и диверсантов, — это народ, хорошо вооруженный.

Нью-Йорк, 21 февраля 1943 года.

¹ ФСБ — Федеральное следственное бюро — Federal Bureau of Investigation (FBI).

Глава первая

МЕТОДЫ ГЕСТАПО

В ИЮНЬСКИЙ ДЕНЬ 1939 года по трапу парохода «Дейчланд» в Гамбурге сходил на берег высокий, слегка сутулый человек лет сорока. Это был Вильям Себольд, уроженец Германии и американский гражданин, работавший в последнее время чертежником авиационного завода «Консолидейтед Эркоффт Компани» на тихоокеанском побережье. Мысли, занимавшие его в этот жаркий и душный день, были самого приятного и невинного свойства. После длительного отсутствия он вернулся в Германию. Его привели сюда сентиментальные побуждения: хотелось посетить места своего детства и, быть может в последний раз, повидаться с матерью, с двумя братьями и сестрой, ныне подданными Третьей империи. Разумеется, у Вильяма Себольда, ожидавшего своей очереди в таможне на гамбургской пристани, и в мыслях не было, что сейчас поднимается занавес над драмой, центральную роль в которой суждено сыграть ему самому.

Кто-то дотронулся до его плеча. Себольд обернулся и увидел хмурое лицо. Человек показал значок гестапо. Себольд рассказывал потом, что в тот момент вся кровь вскипела в нем: он ненавидел гестапо и все связанное с ним. Вильям Себольд теперь был таким же настоящим американцем, как если бы родился где-нибудь в Индиане, а не в Мюльгейм-на-Руре.

Человек из гестапо сказал:

— Пойдемте со мной; нам хотелось бы побеседовать с вами.

Он говорил по-английски, как немец, который несколько лет прожил в Соединенных Штатах.

— Что это значит? — спросил Себольд по-немецки,

— Это простая формальность, — ответил гестаовец.

Себольд пожал плечами и последовал за ним к будке на другом конце пристани, очевидно, предназначенной для подобных случаев. В будке за маленьким некрашеным столом сидел человек с неприятным лицом; держался он прямо, с военной выправкой, и одет был в костюм из блестящей черной саржи. Он внимательно изучал небольшую табличку, которую достал из папки со стола; казалось, человек в черном не заметил вошедших.

Затем, даже не ответив на приветствие, он начал перечислять по-английски цифры продукции на заводе «Консолидейтед Эркафт» в Калифорнии. Некоторые из этих данных, которые Себольд случайно знал, были абсолютно точны; его ужаснула и поразила мысль о том, какими путями эти секретные данные очутились здесь, в гамбургском порту. То было первое подтверждение слухов о могуществе гиммлеровской организации. Закончив перечисление, агент гестапо спросил:

— Правильны ли эти данные, герр Себольд?

Себольд обернулся к человеку, который привел его с пристани.

— Так вот что у вас называется простой формальностью! — воскликнул он гневно.

— Берегитесь, герр Себольд, — сказал человек за столом. — Вы находитесь в Третьей империи. Вы обязаны оказывать почтение фюреру.

— Я американский гражданин, — резко ответил Себольд, — и не собираюсь выдавать секреты моей второй родины, которые могут быть использованы против нее.

— Я прошу только подтвердить эти цифры.

— Отказываюсь, — ответил Себольд. — А теперь могут итти?

Человек за столом поднял голову.

— Хорошо, — сказал он, — можете итти. Но вы еще вспомните об этом несчастном инциденте.

Себольд знал, что квартира, где жила его семья в Мюльгейм-на-Руре, невелика. Поэтому он остановился в отеле Хандельсхоф, а затем отправился повидаться с родными. Он не был в Германии уже пятнадцать лет. Все вокруг выглядело точь в точь, как в дни его детства, и в то же время нечто неопределенное, но явственно ощущаемое меняло облик этого уютного маленького приречного городка. «Переменились

люди», говорил себе приезжий, приближаясь к родному дому. Некоторые вели себя вызывающе, другие казались испуганными.

Встреча с родными прошла тепло и радостно. Но когда он упомянул об инциденте на гамбургской пристани, в комнате воцарилось молчание.

— Как, ты отказался дать гестапо сведения?! — спросил, наконец, один из братьев.

— Разумеется.

— Ну, дело плохо. Ты на всех нас накличешь беду. С гестапо шутки плохи.

Братья Себольда, работавшие на военных заводах, объяснили, что Третья империя готовится обороняться против агрессии США. Рузвельт, сообщили они, замышляет завоевать Германию с тех самых пор, как занял свой пост в 1932 году. Себольд спросил, откуда это известно. «Фюрер сказал», — ответила сестра тоном, не допускающим возражений.

Родные Себольда не были нацистами; но и они были заражены микробом нацизма, и когда Себольд попытался вправить им мозги и подверг сомнению лживые рассказы геббельсовских пропагандистов, — молодые Себольды только смутились и были даже рассержены.

В первую же ночь, вернувшись в отель Хандельшоф, усталый от переживаний, Себольд заметил, что кто-то шарил в его багаже. Но все осталось на месте. Видимо, какое-то учреждение Третьей империи — гестапо, по всей вероятности, — выполняло еще кое-какие «мелкие формальности». Себольд прилег, охваченный яростью. Хотелось сложить вещи и с ближайшим пароходом вернуться в Соединенные Штаты. Но Себольд, будучи человеком, склонным скорее повиноваться рассудку, чем чувствам, вскоре овладел собой и вернулся к первоначальному намерению — пробыть в Германии по крайней мере два месяца.

Германия опротивела ему еще после первой мировой войны, когда он был ранен в бою на Сомме. Себольд эмигрировал в Америку; там работал механиком — специальность эту он изучил еще в Германии; вскоре Себольд женился на американке и стал чертежником, что обеспечило хороший заработок.

Он изездил всю страну вдоль и поперек. Узнал Чикаго — шумный город-гигант в центре Северной Америки; узнал Сан-Франциско — самый своеобразный город Штатов;

он путешествовал по хлопковым плантациям Юга, по обширным пшеничным нивам Канзаса; он видел и мрачную, тесную Новую Англию и этот изумительный Юго-запад, где за короткий срок, благодаря черному золоту, изливавшемуся из недр земных, возникли сказочные богатства. Все, что он видел и слышал, накладывало глубокий отпечаток на его ум и душу. До сих пор, — говорил он себе в одиночестве своей комнаты в отеле Мюльгейм-на-Руре, — он сам не знал, насколько стал американцем телом и душой.

Несколько дней Себольд бродил по родному городу. Изредка он встречал людей, которых знал еще в детстве. Повсюду он видел то, что впервые бросилось ему в глаза в доме матери, — хороших людей, в различной степени поддавшихся нацистской заразе. Были и другие, — и таких оказалось огромное большинство, — которые сами стали носителями этой заразы. Себольд стыдился, что родился в стране, где большинство народа оставалось на столь низком интеллектуальном и моральном уровне, что способно поверить и соблазниться напыщенными разглагольствованиями крикливого человека с усиками.

Мать Себольда, видимо, почувствовала растущее отчуждение между своим сыном, ставшим американским гражданином, и тремя остальными детьми. Она пыталась заполнить эту все расширяющуюся пропасть материнской нежностью, но ее усилия были тщетны. Себольд был глубоко привязан к братьям и сестре. Но его огорчало, что «новый порядок» так сузил их кругозор, который и без того был не слишком широк.

В конце июня Себольд получил письмо, отправленное из Берлина на адрес отеля Хандельсхоф. Оно было написано по-английски. Некий Гасснер, — имя, встретившееся Себольду впервые, — писал:

«Дорогой друг!

Я хотел бы повидаться с вами 8 июля в отеле Дуисбургерхоф в Берлине в 12 часов дня. Хотелось бы вновь вспомнить старые времена. Ваш адрес я узнал от нашего общего друга. Если вы желаете себе добра, то во что бы то ни стало явитесь на свидание. Я узнаю вас».

8 июля в 12 часов дня Себольд сидел в вестибюле отеля Дуисбургерхоф. Как только часы пробили двенадцать, подошел Гасснер. Это был полный, смуглый человек средних лет. В плохо сидевшем на нем черном костюме он выглядел

так, словно был факельщиком и только что вернулся с похорон, которые доставили ему огромное удовольствие. Он с силой потряс руку Себольду.

— Я вижу, вы получили мое письмо, герр Себольд? — сказал он с улыбкой.

Подобно гестаповцу в будке на гамбургской пристани, Гасснер говорил по-английски, как человек, который пробыл некоторое время в США. Он взял Себольда под руку и повел в ресторан к столику в стороне от всех.

— Ну, как дела в Америке? — спросил Гасснер. И, не дожидаясь ответа, продолжал: — У Америки большие возможности. Мы собираемся использовать ее огромные естественные ресурсы.

Себольд недоуменно поднял брови.

— Третья империя будет действовать только в порядке самообороны, когда нападет на Соединенные Штаты, — сказал Гасснер. — У нас нет выбора. Мы вынуждены сокрушить Америку, прежде чем она сокрушит нас.

— Я не слыхал о подобных планах Соединенных Штатов, — возразил Себольд.

Гасснер улыбнулся.

— Разумеется, нет! Рузвельт умен и хитер. Страна не знает, что он делает. Но если бы я мог показать вам меморандумы нашего посольства в Вашингтоне. . . Увы, герр Себольд, волосы стали бы у вас дыбом!

— Почему же?

— За каждым событием на международной арене, которое вызывает гнев фюрера, стоят Рузвельт и Англия. Они знают, что фюрера легко вывести из себя, и стараются спровоцировать его на такие поступки, которые дали бы повод объявить нам войну. — Гасснер оглянулся, желая убедиться, что никто не подслушивает. Он придвинулся ближе и продолжал: — Рузвельт строит козни в Польше. Я боюсь, что мы вскоре вынуждены будем к нападению в порядке самообороны.

Слушая, Себольд испытывал противоречивые чувства. Он был оскорблен грубой клеветой на свою вторую родину. Одновременно смешил слащавый тон собеседника. Он решил, что Гасснер повторял эту историю так часто, что, быть может, стал верить в нее.

— Вы писали, — сказал Себольд, — что хотели бы вспомнить со мной старину. Я не помню, чтобы имел удовольствие встречаться с вами раньше.

— Мы встречались в Нью-Йорке пять лет назад в немецком музыкальном обществе, — уверенно ответил Гасснер. — Нью-Йорк — прекрасный город. Мне нравятся там женщины. Разве они не были бы довольны, если бы Третья империя завоевала США и любовниками у них оказались бы настоящие мужчины?

Себольд вновь заговорил о письме.

— Вы писали, что если я хочу себе добра, то явлюсь на свидание. Что вы хотели этим сказать?

Гасснер снова оглянулся; их никто не подслушивал.

— В порядке самозащиты фюрер в свое время приказал моему начальнику Гимmlеру создать в Соединенных Штатах нашу организацию. Теперь у нас имеется там значительно более совершенная организация, чем в прошлую войну.

— Это очень интересно. Но прежде чем продолжать беседу, позвольте спросить, почему вы рассказываете все это именно мне? Я — американский гражданин, как вам известно.

Грубое, лоснящееся лицо Гасснера сморщилось в принужденную улыбку.

— Нам известно все обо всем, герр Себольд. И рассказываю я потому, что вы будете работать для нас. Мы оставим без последствий инцидент на пристани в Гамбурге. Вы тогда не ведали, что творили.

Себольд коротко, отрывисто рассмеялся.

— Но, допустим, я не соглашусь?

Гасснер снова улыбнулся. Казалось, он счел эту реплику шуткой. Затем придвинулся к Себольду и прошептал:

— Не осмелитесь. Иначе вы никогда не покинули бы Германию живым.

Себольд принужденно засмеялся.

— Допустим, я сделал бы вид, что соглашаюсь, а затем, вернувшись в Соединенные Штаты, предал бы вас?

— Этого вы тоже не посмеете.

— Но как вы можете помешать мне?

— Кровь гуще воды, — сказал Гасснер. — Ваше звание американского гражданина — вода, а ваша мать, двое братьев и сестра — это кровь. — Лицо Гасснера просияло. — Понятно?

— Вы хотите сказать, что, если я когда-либо предам вас, вы отомстите им?

— Мы понимаем друг друга совершенно точно, герр Себольд.

— Но как можете вы знать, предал я или нет?

— Гестапо знает все, — сказал Гасснер. — Естественно, за вами будет установлена слежка даже в Соединенных Штатах. Мы узнаем также по характеру вашей работы, вкладываете ли вы в нее все, что можете.

— А что именно у вас имеется в виду для меня?

Гасснер объяснил, что прежде всего он хотел бы набросать Себольду общую картину шпионажа и диверсий в Соединенных Штатах. Шпионская сеть, расширяющаяся с огромной быстротой, уже охватывает весь континент. Люди эти — мужчины и женщины — большей частью американские граждане, родившиеся в Германии. Их работа заключается в собирании и согласовании сведений. Шпионы находятся на военных заводах, на верфях, в армии и в правительственных учреждениях в Вашингтоне. Как только удастся добыть ценные сведения, их отправляют в Берлин. Это делается разными путями — дипкурьерами посольства в Вашингтоне и нацистского консульства в Сан-Франциско (там работал пресловутый Фриц Видеман), шифрованными телеграммами и условными телефонограммами, зашифрованными или написанными невидимыми чернилами письмами, отправляемыми по почте в Португалию и Швейцарию.

— Все это очень интересно, — сказал Себольд, прикидываясь заинтересованным. — Но разве Федеральное следственное бюро ничего не знает об этом?

Гасснер согласился, что ФСБ, по всей вероятности, известно кое-что в общих чертах.

— Но они не знают подробностей, — добавил он. — И, разумеется, вы также не будете знать подробностей, пока сами не приступите к делу. И тогда вы будете знать только ту группу, с которой придется вам работать, — и то не всю, а лишь нескольких человек.

Гестаповец принялся объяснять, что нацисты никогда не кладут всех яиц в одну корзину.

— У федеральной полиции нехватит ума бороться с нами. Если бы им даже удалось напасть на след одной из наших групп, как это было около года назад, они смогли бы только вынуть один-единственный кирпич из всего здания. Нам было бы не так трудно положить новый кирпич на место вынутого.

Только Берлин знает в лицо каждого немецкого шпиона в Америке. Члены одной шпионской группы неизвестны другим, а во многих случаях работники одной и той же группы не знают друг друга в лицо. Таким образом, по рассказам Гасснера, в США не было никого, кто в случае ареста смог бы сообщить сведения, достаточно полные, чтобы причинить серьезный ущерб всему аппарату нацистского шпионажа.

Себольд, симулируя все усиливающийся интерес, спросил, как Германия собирается использовать сведения, доставленные шпионами.

— Двумя путями, — сказал Гасснер. — Во-первых, когда настанет время, будет отдан приказ ста тысячам лояльных немцев, проживающих в Соединенных Штатах. Одни из них займут командные посты на транспорте и на крупнейших военных заводах; другие устроят диверсионные акты в общественных местах, в магазинах и театрах. Вспыхнут загадочные пожары, произойдут необъяснимые железнодорожные и авиационные катастрофы.

— Когда же настанет время? К моменту начала войны?

— По всей вероятности, нет, — ответил гестаповец. — Это придет неожиданно, во время войны, подобно молнии в ночи, как сказал бы фюрер.

И Гасснер стал рассказывать о втором пути проникновения диверсантов в Соединенные Штаты.

— Мы уже вербуем на ответственную диверсионную работу специально подобранных американских граждан немецкого происхождения. Они приезжают сюда, чтобы пройти курс в организуемой школе диверсантов. Впоследствии вы ознакомитесь подробнее с этой школой. Поистине замечательное учреждение. Это — идея самого фюрера!

Тут Гасснер прервал беседу, чтобы позвать официанта. Дуисбургерхоф в тот день предлагал посетителям на завтрак небольшой кусок говядины с отварным картофелем, хлеб и эрзац-кофе. Когда официант отошел, Гасснер продолжал:

— После того как эти люди пройдут специальный курс обучения в школе диверсантов, или академии, как фюрер предпочитает ее называть, их пошлют в Соединенные Штаты с соответственной аппаратурой. Аппаратура эта будет последним словом техники. Мир никогда не видел ничего подобного. Наши диверсанты смогут носить при себе доста-

точно взрывчатых веществ, чтобы взорвать любой стратегический пункт, и никто не догадается об этом вплоть до самой катастрофы.

Гасснер бесстрастно поглядел на Себольда и помолчал, ожидая, чтобы слова его произвели должный эффект.

— Итак, что вы думаете теперь о нашем плане, герр Себольд?

Себольд в полном соответствии с истиной ответил, что никогда не слышал ни о чем подобном. Теперь он сделал еще более заинтересованное лицо.

— Подумайте, — сказал Гасснер. — Время терпит. Мы подождем еще годик-другой, прежде чем начать войну с Соединенными Штатами.

Себольд вернулся в Мюльгейм-на-Руре. Все сильнее становилось ощущение, что он может оказаться запутанным в нечто огромное и отвратительное. Он понимал, что в теории это звучит прекрасно — рассказать обо всем в ФСБ, быть лояльным и патриотичным американцем... Но впутаться в такое дело собственной персоной — нечто совершенно иное.

«Допустим, — думал Себольд, — он примет поручение гестапо, затем, когда вернется в Соединенные Штаты, выяснится, что он играл в Германии двойную игру. В таком случае матери, братьям и сестре грозит по меньшей мере концентрационный лагерь. Нет, нельзя требовать такой жертвы от кого бы то ни было. Гораздо лучше как-нибудь увернуться, а затем, после возвращения в Соединенные Штаты, написать Дж. Эдгару Гуверу». Но совесть все время твердила Себольду, что нет жертвы, слишком большой, когда стране, которая стала родиной, угрожают происки могущественной банды самых бессовестных негодяев, когда-либо известных миру.

Две недели Себольд терзался душевной борьбой. Он плохо спал, потерял аппетит и начал худеть.

Однажды ночью, вернувшись к себе в номер, он застал там Гасснера.

— Я был поблизости и решил заглянуть к вам, узнать, надумали ли вы что-нибудь?

— У меня еще только один вопрос, — ответил Себольд. — Гожусь ли я для такой работы?

— Разумеется, вы будете иметь большой успех, — сказал Гасснер, даже не пытаясь скрыть восторга по поводу того, что Себольд склонен принять паспорт предателя.

— Почему вы так думаете?

— Мы тщательно наблюдали за вами еще прежде, чем вы выехали из Соединенных Штатов. Нам известно о вас все. Прежде всего вы способный техник, как раз такой, какой нам нужен.

— Но как вам удалось столько разузнать, не вызвав у меня подозрений?

Гасснер сообщил, что у гестапо имеется агент на том самом авиационном заводе, где работает Себольд; человек этот поставляет все сведения, в которых нуждается гиммлеровская организация.

— Нам, между прочим, известно, — сказал Гасснер, — что вы человек, который больше руководствуется рассудком, чем чувством. Мы считаем, что можем довериться вам, ибо вы очень любите жизнь и своих родных, хотя у вас и произошла небольшая размолвка с ними, в особенности с одним из братьев.

Себольд был потрясен этим вскользь брошенным замечанием. Он воочию убедился в справедливости поговорки, что у агента гестапо глаза на затылке и уши устроены наподобие диктофонов. Вопрос о том, как цифры о продукции «Консолидейтед Эркафт» прошли путь из Калифорнии к будке на гамбургской пристани, также стал ясен для Себольда: человек, который сообщил сведения о нем, добывал и эти данные.

Себольд все еще не принял окончательного решения. Но Гасснер, видимо, не слишком торопился.

Когда Гасснер ушел, Себольд обнаружил, что паспорт, хранившийся в саквояже, исчез. Ему и в голову не пришло, что паспорт мог взять кто-нибудь другой, кроме Гасснера. Он сел на краю кровати, как и в первую ночь своего приезда в родной город, вне себя от ярости. Наглость чиновника тайной полиции, кража паспорта, — проделка незначительная, на первый взгляд, но мешающая уехать из Германии, — все это так взбесило и взволновало его, что у него началась мигрень. Но теперь он уже знал, что надо делать. Колебания исчезли. Опасно это или нет — он примет предложения гестапо, а в один прекрасный день нанесет нацистам сокрушительный удар.

Кельн, жемчужина Рейна, расположен как раз за рекой, напротив Мюльгейм-на-Руре. Себольд поехал туда. Он хорошо знал Кельн и направился в самый людный район в центре города. Здесь, он был уверен, удастся скрыться в толпе, если за ним установлена слежка. Затем

кружным путем он пришел в американское консульство.

Себольд сообщил всю историю одному из атташе. Все, что он рассказывал, записывалось точно и подробно. Он сам написал свои беседы с Гасснером.

— Если спросят, зачем вы зашли сюда, — предупредили его, — объясните, что хотели получить новый паспорт взамен утерянного.

Когда Себольд пришел в консульство в следующий раз, ему сообщили, что консул связался с Вашингтоном. Министерство внутренних дел и генеральный прокурор стоят всецело за то, чтобы Себольд продолжал свою тактику притворного согласия с намерениями гестапо. Но Себольду не сообщили, что государственный департамент связался с ФСБ, которое, по запросу секретаря Корделла Хэлла, произвело спешное, но тщательное расследование всех обстоятельств пребывания Себольда в США и нашло его поведение вполне лояльным. Дядя Сэм¹ не хотел, чтобы гестапо подсунуло ему своего агента.

Себольду были даны подробнейшие инструкции, как вести себя. Он получил возможность связаться с атташе, не приближаясь к зданию консульства и не боясь быть разоблаченным всевидящим и всеслышающим гестапо. Затем он поехал в Берлин и встретился там с Гасснером, который еще раньше сообщил, где можно разыскать его по определенному адресу на Вильгельмштрассе. Гасснер окинул посетителя холодным взглядом.

— Зачем вы заходили в американское консульство в Кельне?

— Я потерял паспорт, — ответил Себольд. — Собственно говоря, его украли в гостинице.

— А... — протянул Гасснер. Подозрения, видимо, рассеялись.

— Почему вы прямо не потребовали у меня мой паспорт? — спросил Себольд.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что паспорт взяли вы.

— Я? — Гасснер ткнул себя пальцем в грудь и сделал

¹ Дядя Сэм (Uncle Sam — по-английски) — так граждане Соединенных Штатов Америки в шутку называют свое государство. — *Ред.*

попытку прикинуться простачком. — Что бы я стал делать с американским паспортом?

— Он мог бы пригодиться агенту гестапо, чтобы попасть в Соединенные Штаты.

— Герр Себольд, мне нравятся ваш характер и ваш ум, вы для нас самый подходящий человек. Ну, а теперь скажите, когда сможете приступить к работе?

— Я хотел бы сначала немного отдохнуть, скажем, месяц или около этого.

— Прекрасно, заходите сюда к тридцатому сентября. Мы открываем новые классы в школе шпионажа в Гамбурге, вы зачислены туда.

Себольд спросил, чему будут учить и сколько времени займет курс обучения. Гасснер сказал, что придется совершенствоваться главным образом в фотографии и радиотехнике.

— В Соединенных Штатах вам будет поручено смонтировать коротковолновую радиостанцию, при помощи которой вы будете постоянно связываться с нами.

Когда Себольд собрался идти, Гасснер спросил:

— А что, эти американские балбесы в Кельне дадут вам новый паспорт?

— Это будет нелегко, — сказал Себольд, — но я надеюсь получить. А почему вы называете их балбесами?

— Почти все американцы — балбесы, — проворчал Гасснер. — Будь у них хоть малейшее представление о том, как наши агенты работают, с ними сделался бы припадок. Собаки! — Гасснер разразился смехом.

И смех этот все еще раздавался в ушах Себольда и после того, как он покинул кабинет Гасснера и притворил за собой дверь.

ГАМБУРГСКАЯ ШКОЛА ШПИОНОВ

В ВАШИНГТОНЕ Дж. Эдгар Гувер, директор Федерального следственного бюро (ФСБ), внимательно изучал копию донесения, которое пришло в министерство внутренних дел с дипкурьером из консульства в Кельне. В донесении подробно сообщалось обо всем, что произошло с Себольдом с момента, как он вышел на гамбургскую пристань и вплоть до первого визита в американское консульство. Гувер был одним из немногих людей в Вашингтоне, которые с первых же дней войны в Европе предвидели масштабы и размах надвигающейся бури. Первым таким человеком был, разумеется, президент Рузвельт. Государственный секретарь Хэлл специально посетил Белый Дом, чтобы информировать Рузвельта о предложениях гестапо американскому гражданину. Линдберг и другие изоляционисты уверяют народ, что у Гитлера нет злых умыслов против Соединенных Штатов. Рузвельт, осведомленный лучше, не мог ничего возразить, не выдавая источников своей информации. Но он многое говорил Гарри Гопкинсу и другим своим приближенным.

Только впоследствии, через несколько дней после вторжения Германии в Польшу, было отмечено следующее происшествие, которое агенты ФСБ сочли весьма серьезным.

Двое солдат береговой охраны на побережье Атлантики у Лонг-Айленда заметили небольшой баркас под названием «Лекала», стоявший на якоре на расстоянии мили от берега. Береговая охрана разглядела в бинокли семь человек, ходивших по палубе. Опытный глаз офицеров сразу же опознал в них неморяков, что возбудило подозрение.

Стража приблизилась к баркасу и заговорила со шкипером, угрюмым молодым человеком, по имени Эдуард Керлинг. Судьба готовила этому Керлингу мрачный сюрприз: ему предстояло в августе 1942 года сесть на электрический стул как шпиону и диверсанту, высадившемуся с подводной лодки на атлантическом побережье Америки.

Но в тот день, осенью 1939 года, когда береговая стража опрашивала его, Керлинг держал себя вызывающе. Он сказал, что никому нет дела до того, куда он направляется или как стал владельцем баркаса. Его взяли на берег и допросили. Выяснилось, что он работает метрдотелем в Шорт-Хилсе (Нью-Джерси). Береговой охране показалось стран-

ным, что заработков метрдотеля могло хватить на покупку баркаса стоимостью в несколько тысяч долларов.

Судебное преследование против Керлинга и его шести товарищей возбуждено не было. Это входило в тактику дяди Сэма. То была идея Дж. Эдгара Гувера — выпустить рыбку из сети и поглядеть, куда она поплывет. Керлинга задерживали всевозможными формальностями на берегу все время, пока производился осмотр судна.

«Лекала» имела достаточный запас пищи в виде концентратов, чтобы кормить команду в течение нескольких лет. Это привело к заключению, что баркас направлялся на встречу немецкой подводной лодке. Имелись и другие основания считать, что кто-то из этой гитлеровской стаи подводных пиратов должен был войти в контакт с «Лекалой». Наблюдения показали, что условия плавания в районе, где находилась «Лекала», особенно благоприятны для подводных лодок.

ФСБ установило слежку за Керлингом и его шестью спутниками. Все они пересекли реку Гудсон и высадились в Северном Нью-Джерси. Вскоре выяснилось, что вся эта группа принимает участие в деятельности «Германо-американского союза», в то время широко орудовавшего в этой местности.

30 сентября 1939 года, на исходе первого месяца немецкого «блицкрига», Себольд отправился в кабинет Гасснера на Вильгельмштрассе. Чиновник гестапо сделал все легко и быстро. С тех пор как Себольд видел его в последний раз, Гасснер сильно изменился: война взвалила на гестаповца чрезвычайные и разнообразные обязанности, и у него был измученный вид. Он вручил Себольду одновременно с железнодорожным билетом до Гамбурга запечатанный конверт и велел американцу представиться с этим конвертом фрау Гут, которая содержала пансион на улице Клопштока в северной части города.

Фрау Гут оказалась ловкой, энергичной женщиной средних лет. Она прочитала письмо Гасснера и сказала Себольду по-английски:

— Да, я ждала вас. Идемте, я покажу вашу комнату.

Очевидно, дом фрау Гут принадлежал гестапо. Когда Себольд спустился в столовую, он увидел более десяти мужчин, молодых и среднего возраста, двадцатилетних девушек и сорокалетних женщин; все они, видимо, проходили подготовку в гестапо. Над домом тяготела атмосфера взаимного недоверия; она давила всех, как могильный камень.

Себольд попытался было завязать беседу с соседом справа, но к нему тут же подошла Гут и резко оборвала его.

Школа шпионажа помещалась в многоэтажном здании рядом с гамбургским полицейским управлением. Комната, где Себольд должен был начать курс обучения, напоминала классную комнату в колледже. Преподаватель восседал за кафедрой на возвышении, а позади виднелись черные доски и большой лабораторный стол. Себольд оглядел своих товарищей по классу. Их было всего 35 человек, большинство — старше тридцати лет, в том числе несколько женщин. Американец заметил здесь лишь троих из тех, кого видел в пансионе Гут, и умозаключил отсюда, — как оказалось, совершенно правильно, — что пансион был лишь одним из домов, где расквартированы будущие шпионы.

В курсе фотографии, преподававшемся Себольду, основное внимание уделялось микропленкам. На микропленку — кусочек целлулоида величиной примерно с половину почтовой марки — снимки делаются с помощью фотокамеры, снабженной специальными линзами. Представьте себе исписанный на машинке листок бумаги размером 8×10 дюймов, который фотографируется на такую микропленку, и преимущества этого метода съемки станут для вас очевидны. Кусочек такой пленки легко можно спрятать под языком или в волосах, или же, подвергнув специальной обработке, проглотить, а потом снова извлечь. Когда пленка доходит до места назначения, ее увеличивают до таких размеров, чтобы написанное можно было прочесть невооруженным глазом.

Овладев искусством микрофотографии, американец начал проходить курс радиотехники. Его научили собирать из отдельных частей коротковолновую радию. Эти части он должен был закупить по приезде в США, но отнюдь не в одном и том же месте, дабы не возбудить подозрений.

Потом Себольд изучил азбуку Морзе и шифр. Но это было не так просто, как кажется на первый взгляд. Немцам не повезло с их кодами в прошлую войну, и они не забыли этого. Новый шифр в том виде, в каком его передали Себольду, слишком сложен, чтобы приводить его здесь. Но некоторые характерные черты общей схемы могут дать представление, как хитроумно он задуман. Прежде всего следовало взять основное число 20. К этому прибавлять число, в основу которого была положена дата отправки телеграммы. Если, скажем, Себольд послал телеграмму 28 марта, он прибавлял 3 к основному 20, ибо март — третий месяц года.

В итоге у него получалось 23. К этому числу он должен прибавить 28 — число, указывающее на тот день в марте, когда была послана телеграмма. Таким образом, окончательная цифра будет 51. Она-то и будет служить ключом к шифру на сегодняшний день, т. е. в данном случае на 28 марта.

Затем следовало взять экземпляр определенной книги и раскрыть ее на странице, номер которой соответствует шифру сегодняшнего дня; в данном примере это будет страница 51. Далее последуют новые расчеты, чрезвычайно сложные, в основном построенные на частоте чередования известных букв, появляющихся в известных строчках на известной странице книги. Вы видите, таким образом, что шифр меняется каждый день. Вы видите также, что даже если кто-нибудь уловит основную идею, он все-таки будет блуждать в потемках, пока не узнает, какая книга применяется в качестве ключа.

К концу ноября, когда Себольд прошел уже более половины курса, он все еще мог сообщить консульству в Кельне немногим больше того, что узнал в самом начале. Ему не удалось также ничего проведать о жильцах пансиона Гут и студентах школы шпионов.

В конце января Себольду сказали, что курс обучения закончен. Он приехал в Берлин, где беседовал с Гасснером, который вручил ему билет на американский пароход «Вашингтон», отходивший 30 января из Генуи в Нью-Йорк, и четыре микропленки. Он не имел ни малейшего понятия о содержании этих пленок. Даже сейчас, став уже винтиком в гитлеровской шпионской машине, Себольд, тем не менее, попрежнему пребывал все в том же неведении о характере и подробностях своего назначения.

Загадка частично разрешилась, когда Гасснер объяснил:

— Все эти микропленки ничем не отличаются одна от другой. Вы раздадите их четырем разным людям.

Затем Себольду велели запомнить четыре имени и адреса. Во главе списка находилось имя Дюкена, о котором Себольду уже приходилось слышать. Дюкен был немецким шпионом в прошлую войну. То был один из самых коварных и изобретательных негодяев современности. Красивый бур пятидесяти с лишним лет, Дюкен, как это знал Себольд, слыл отчаянным субъектом, готовым идти на все во имя своей ненависти к Англии.

— Дюкен — наш агент в Нью-Йорке, — сказали Себольду. — Вы получите от него инструкции. Этот адрес на Уолл-стрит — контора, которая служит для него ширмой.

Второе имя в списке ничего не говорило Себольду. То было имя Лили Штейн, занимавшей квартиру на 54-й Восточной улице в Нью-Йорке.

— Лили Штейн, — объяснили Себольду, — натурщица. У нее есть ценные связи с некоторыми руководящими работниками на заводах Детройта.

Третьим значилось имя принявшего американское гражданство немца Германа Ланга. Он жил в Лонг-Айленде и работал мастером на заводе авиаприцелов Нордена в Бруклине, где применялось одно из самых важных секретных изобретений американского военного производства.

Четвертую микропленку следовало передать служащему на заводе «Сперри Жироскоп Компани» в Бруклине, где изготовлялась большая часть авиаприцелов Соединенных Штатов. Человек этот, по имени Эверетт-Минстер Редер, был инженером-конструктором завода.

Себольд известил обо всем этом атташе при американском консульстве и отбыл в Геную. В Нью-Йорк он прибыл 8 февраля 1940 года. Агенты ФСБ по канатной лестнице поднялись на борт парохода. Один из них сказал Себольду пароль, и человек, который стал теперь главным козырем контршпионажа дяди Сэма, передал им пленки. Ему велели прямо с пристани направиться в Йорквилл, немецкий квартал Нью-Йорка в верхней части Ист-Сайда, и ждать там, пока агенты ФСБ не встретятся с ним под покровом ночной темноты. Гувер стал осторожен. Он опасался, как бы этот Дюкен не начал слоняться вокруг места стоянки «Вашингтона» исключительно для того, чтобы посмотреть, куда и с кем пойдет Себольд.

Наконец, увеличили микропленки. Все они, как и говорили Себольду, оказались одинаковыми. Письма к Дюкену и его трем помощникам были на немецком языке. Позвали переводчика и прочли следующее:

«1. Узнайте, предложило ли Международное общество телеграфной и телефонной связи французскому и английскому правительствам новый способ бомбометания. Изобретение, повидимому, заключается в том, что самолет управляется на расстоянии с помощью двух лучей

различной длины, один из которых вступает в действие непосредственно над целью. Постарайтесь раздобыть все подробности конструкции изобретения и узнайте, как оно действовало во время испытаний, а также велись ли переговоры о покупке с французским и английским правительствами.

2. Говорят, что в Монреале имеется отделение французских авиазаводов Потез. Узнайте точное местоположение, тип изготавливаемых самолетов... Строятся ли истребители?.. Сколько их выпускается в неделю? Численность рабочих?

3. Узнайте все, что возможно, относительно профессора (имя профессора должно остаться в тайне. — А. Х.), авторитета в области химической войны... Предполагают, что им открыто против горчичного газа новое средство... которым пропитывается ткань обмундирования. Каков химический состав этого нового средства?.. Испытывается ли оно или уже имеется распоряжение о массовом выпуске химической промышленности? Если это так, то какие фирмы и в каком количестве производят это средство?

4. Узнайте все, что возможно, о последних изобретениях в зенитной артиллерии. Нам нужно знать все: калибр орудий, вес снаряда, начальную скорость, дальность вертикальную и горизонтальную, скорострельность, управление огнем. Кем производятся и в каком количестве? Сроки сдачи заказа. Дайте подробности о фирмах, выпускающих зенитные пушки, — наименование, адрес, число рабочих, производственная мощность.

5. Производится ли где-нибудь в Соединенных Штатах зенитный снаряд с так называемым «электрическим глазом»? Узнайте все, что возможно, о результатах испытаний... Как невзорвавшиеся снаряды обезвреживаются? На какой дистанции (в метрах или футах) от самолета должен пройти снаряд, чтобы взорваться под действием отраженного луча?

6. Достаньте копию закона о шпионаже.

7. Держите нас в курсе всех изобретений в авиационной промышленности. Постоянно следите за всем, что делается на ведущих заводах, особенно Кертис, «Норт-Американ Эркрафт», Гленн-Мартин, Дуглас, Боинг, «Юнайтед Эркрафт» и на крупнейших заводах авиамооторов, особенно Райт и «Пратт-энд-Уитни».

8. Утверждают, что в «Белл Корпорейшен» изобретен новый кабель. Узнайте, введен ли он в американской армии, структуру кабеля, диаметр. Какой длины и где он применяется, на поверхности или под землей, как он выглядит? Имеется ли какое-нибудь специальное оборудование для закладки кабеля? Достаньте образец.

9. Что слышно об изобретениях в области борьбы с туманами?

10. Что слышно нового о бактериологической войне? Сообщите все детали.

11. Относительно «Сперри Рейндж Файндерс» узнайте, имеется ли у новейшего типа дальномера приспособление для регистрации изменения высоты и как оно действует.

12. Узнайте, отправляются ли в Европу целые воинские части или только так называемые добровольческие корпуса. Сообщите немедленно, имеются ли признаки мобилизации: вербовка волонтеров, учреждение мобилизационных пунктов, призыв офицеров и рядовых запаса в широких масштабах, отправка воинских частей США и массовая посылка в Европу военных материалов из складов армии и флота

США. Укажите названия пароходов и сроки отплытия. Для телеграмм пользуйтесь шифром».

Вдумчивый анализ этих вопросов привел работников ФСБ к заключению, что, хотя многое в военной подготовке США оставалось для Берлина неведомым, все же в некоторых областях немецким шпионам удалось достичь серьезных успехов. Кроме того, эти вопросы устраняли последнюю тень сомнения относительно намерений Гитлера по отношению к США. Очевидно, Дюкен и другие работали уже довольно долго. Некоторые из вопросов касались таких секретов, которые могли раскрыть лишь самые искусные шпионы.

У человека, менее уверенного в себе, чем Дж. Эдгар Гувер, или у сыскного агентства, менее приученного иметь дело с самыми крупными преступлениями, перспектива борьбы с Дюкеном, вероятно, вызвала бы беспокойство. Как следовало из досье, имевшегося в ФСБ, этот человек занимал одно из центральных мест в галлерее крупных преступников нашего времени, за исключением толстого каролинца, по имени Гастон Беллок Минс, бывшего чиновника министерства юстиции, который считается в официальных полицейских кругах самым изобретательным преступником XX века. Дюкен, по всей вероятности, был наиболее искусным злодеем современности. Более трех десятилетий он доставлял массу хлопот полиции, контрразведке и сыскным агентствам четырех континентов — Северной Америки, Южной Америки, Европы и Африки.

Дюкен родился в Африке, в Трансваале, и происходил из богатого бурского рода. Он утверждал впоследствии, что во время англо-бурской войны англичане якобы надругались над его матерью и сестрой и якобы этим объясняется его деятельность в последующие годы. Каковы бы ни были причины этого чувства, он фанатично ненавидел англичан. Еще до начала прошлой войны Дюкен, способный лингвист, усвоил оксфордское произношение английского языка и действовал в Англии как немецкий шпион.

Следуя инструкциям гестапо, Себольд навестил Дюкена в небоскребе на Уолл-стрит, где было теперь пристанище бура. В разные времена он выдавал себя то за корреспондента газеты, то за сотрудника журналов, назывался лектором, ботаником, ученым.

Себольд постучал в дверь.

— Открыто, — донесся изнутри низкий голос, — войдите!

Себольд очутился лицом к лицу с человеком, с которым ему предстояло померяться силами в борьбе.

— Я — Гарри Сойер.

То было имя, которое в гестапо дали американцу для работы, оно же должно было послужить паролем для Дюкена.

Дюкен окинул Себольда взглядом с ног до головы, прежде чем заговорить. Затем поднялся со стула и прошептал на ухо:

— Не здесь: как знать, где именно ФСБ поставило диктограф.

Оба отправились в кафетерий на углу Бродвея и Джон-стрит; Себольд передал одну из своих микропленок.

— Что там написано? — спросил Дюкен.

Себольд ответил, что ему это неизвестно.

Бур, который не отличался излишней скромностью, рассказал кое-что о себе, чтобы Себольд мог по достоинству его оценить. В частности, бур остановился на некоторых сторонах своей деятельности в прошлую войну, сообщив подробности, впоследствии оказавшиеся абсолютно точными. Между прочим, Дюкен побывал в Южной Америке, где выступал в качестве ботаника, собирающего редкие экземпляры флоры для Королевского ботанического парка в Амстердаме. Он прятал зажигательные аппараты в ящики с травами и луковичками, адресованные Королевскому ботаническому парку, и передавал эти посылки морякам на пароходах с боеприпасами, отправлявшихся в Европу. Когда суда выходили в открытое море, адские машины Дюкена вызывали пожары и взрывы; таким путем удалось погубить более десяти пароходов. Британская разведка, которой стало известно о «ботанике» от случайно уцелевшего члена экипажа погибшего корабля, направила в Бразилию своих агентов, но Дюкен успел во-время скрыться.

У Дюкена были смелые планы, связанные с надвигающейся войной между США и Германией. Он рассказал, что подготавливает поджог французского пассажирского пароходо-люкс «Нормандия», стоявшего тогда на якоре в нью-йоркском порту. Кроме того, им были уже собраны важные сведения от рабочих завода «Дженерал Электрик» в Скенектеди (Нью-Йорк) и пороховых заводов Дюпона в Уилмингтоне (Делавэр) с целью организовать на этих предприятиях диверсионные акты.

Но и это было далеко не все. Во время беседы в кафетерии Дюкен со знанием дела говорил о размерах производ-

ства вооружения и самолетов на множестве американских заводов от Пенсильвании до Калифорнии, от Массачусетса до Флориды. Когда Себольд передал полученную информацию ФСБ, выяснилось, что Дюкен называл факты и цифры с портящей точностью.

Следующим делом Себольда было передать микроленки остальным шпионам, имена которых назвали в Германии: Лили Штейн, выдававшей себя за натурщицу; Лангу — мастеру на заводе авиаприцелов Нордена; Редеру — инженеру-конструктору на заводе жироскопов Сперри.

Лили Штейн оказалась элегантной женщиной лет тридцати, которую можно было бы назвать хорошенькой, если бы ее не портила неприятная ушмешка, не сходявшая с губ. Когда Себольд пришел к ней и представился как «Гарри Сойер», она первым делом предложила ему рюмку виски.

— Мы делаем здесь большие дела, мистер Сойер, — сказала Штейн. — Мне известно все о каждом новом изобретении на заводах Детройта. Я надеюсь, что со временем вы сочтете возможным послать благоприятный отзыв о моей работе.

Лили поместила микроленку под лупу при сильном освещении.

— У меня уже есть ответы на некоторые из этих вопросов, — сказала она. — Что ж, мистер Сойер, очень мило с вашей стороны, что вы зашли. Надеюсь, у меня будет кое-что новенькое, когда вы заглянете в другой раз.

Герман Ланг, мастер на заводе авиаприцелов Нордена, жил в Глендейле (Лонг-Айленд), типичном американском пригороде. Только суровое, сумрачное лицо отличало Ланга, по крайней мере внешне, от остальных жителей Лонг-Айленда, которые рано утром уходят из дому, чтобы попасть на работу в центр Нью-Йорка, и возвращаются вечером.

Ланг повел Себольда в комнату, очевидно отведенную для секретной работы, отпер письменный стол и вынул лупу. Затем он четверть часа разглядывал микроленку. За все это время Ланг не промолвил и десятка слов.

Покончив с микроленкой, он буркнул:

— Ол райт!

— Может быть, желаете передать со мной что-нибудь? — спросил Себольд, который уже начал сомневаться, удастся ли когда-нибудь завоевать доверие Ланга.

— Я дам вам знать, — сказал Ланг тоном, указывающим, что тема исчерпана, во всяком случае на этот раз.

И Эверетт Редер, инженер-конструктор на «Сперри Жирокс Компани», который также жил в Лонг-Айленде, оказал Себольду ледяной прием. Это был усатый, длинноволосый субъект с массивной челюстью и в больших очках с толстыми стеклами. Он принял конверт с микропленкой из рук посетителя и стал в дверях, дожидаясь, когда Себольд уйдет.

— Скоро мы, возможно, узнаем много интересного, — сказал Себольд, пытаясь завязать беседу и познакомиться поближе с Редером.

— Каждый день приносит что-нибудь интересное, — сухо ответил Редер. — Всего хорошего, герр Сойер.

Тем временем ФСБ неприметно навело на Редера и Ланга свою «лупу». Оба были немцами, но приняли американское гражданство за несколько лет перед описываемыми событиями. Обоих окружающие считали добрыми гражданами, которые, невзирая на происхождение, оставались лояльными американцами. От Ланга, например, слышали такие замечания: «Не правда ли, этот Гитлер обходится с поляками чудовищно!», а Редер частенько говаривал своим соседям, как он рад, что он — американец, а не подданный «нового порядка».

Выяснить прошлое Лили Штейн, девицы, выдававшей себя за натурщицу, было труднее. Лили изредка позировала натурщицей для рекламы чулочных фирм. Уроженка Германии, она была привезена сюда еще ребенком и впоследствии натурализовалась подобно Редеру и Лангу.

*

Глава третья

СЕКРЕТНОЕ РАДИО

ПРИ ПОМОЩИ ФСБ Себольд закупил оборудование, чтобы смонтировать коротковолновую радиостанцию. ФСБ выбрало для станции коттедж на пустынной лесистой косе возле Сентерпорта в Лонг-Айленде. Двое агентов были откомандированы для работы с Себольдом, когда начнется прием и отправка радиogramм. Один из агентов был пять лет дипломированным любителем-радиостом и мог передавать тридцать зашифрованных слов в минуту; другой когда-то жил в Германии и в совершенстве владел немецким языком.

Подробности о коттедже нельзя рассказать до конца войны. Место было выбрано так, чтобы агенты ФСБ могли попадать туда без малейшего риска быть замеченными Дюкеном. Ведь Гасснер предупреждал, что в США за Себольдом будет установлена слежка. И у Себольда и у ФСБ имелись основания полагать, что это был один из тех редких случаев, когда Гасснер говорил правду.

Было очевидно с самого начала, что борьба с Дюкеном и его товарищами окажется долгой, утомительной и весьма рискованной. Надо было держаться с полной естественностью; если Себольд проявит беспокойство или вообще поведет себя как-нибудь психологически неправдоподобно, это тотчас же вызовет подозрения Дюкена. Тогда закроется самый ценный источник информации.

За несколько недель не произошло ничего особенного. Себольд смонтировал радиостанцию и повел Дюкена в Сентерпорт взглянуть на нее. Дюкен остался доволен, но не мог сообщить, когда именно Себольду будет дана возможность применить познания в коде и радиотехнике, полученные в Гамбургской школе шпионов. Было также неизвестно, когда, наконец, Себольд начнет свою деятельность в качестве специалиста по микрофотографии. Наверняка многое происходило вне его поля зрения, но ФСБ не могло выяснить этого. Себольд также не делал никаких попыток. Излишнее рвение могло погубить все дело. На предприятия Нордена и Сперри были посланы сыщики, чтобы следить за Лангом и Редером, но пока слежка ничего не дала. Ланг и Редер усердно занимались своим делом и не принимали у себя дома ночных посетителей.

Лили Штейн, видимо, тянула время так же, как и Дюкен.

Однажды ночью Дюкен привел Себольда в пивную под названием «Маленькое казино» — на 88-й Восточной улице, в самом центре Йорквилля, густо населенного немецкого квартала Нью-Йорка. Он познакомил Себольда с несколькими официантами, поварами и пекарями пассажирских пароходов «Северогерманского Ллойда», все еще совершавших рейсы между Нью-Йорком и Гамбургом. Эти люди, объяснил Дюкен, были курьерами, переправлявшими сведения в Германию и обратно; они же будут отвозить микроплёнки, которые «в свое время» заготовит Себольд.

Вскоре перед ФСБ, уже взявшим на заметку курьеров, стала вырисовываться общая картина.

Как-то вечером, это было в конце апреля, когда Себольд и

Дюкен, мирно беседуя, потягивали пиво в «Маленьком казино», к ним подошел человек, по имени Вильгельм Зиглер, шеф-повар на пароходе «Америка». Это был курьер, который привез письмо от гестапо. Себольд должен был начать связь по радио с Третьей империей 15 мая в 7 часов вечера. В этот час он должен слушать позывные, которые гестапо дало его станции. Вызывать будет гамбургская станция АОР.

Как это ни странно, Дюкен не выразил желания присутствовать при первой пробе новой шпионской рации. Дж. Эдгар Гувер заподозрил хитрость. Возможно, Дюкен нанесет неожиданный визит Себольду. Поэтому из предосторожности 15 мая в 7 часов вечера местность вокруг коттеджа в Лонг-Айленде кишела агентами ФСБ.

В самом коттедже Себольд и двое агентов напряженно следили за стрелками часов. Ровно семь.

Один из агентов начал выстукивать позывные. Потом подождал ответа. Снова дал позывные и снова подождал, но тишело. Так продолжалось целый час. Ответом было абсолютное молчание — тревожное и гнетущее.

На следующую ночь процедура повторилась с тем же результатом. Приемник оставался немым.

В ночь на 17 и на 18 мая повторилось то же самое.

Но 18 мая произошла странная вещь. Дом, где жил Дюкен, возле Центрального парка, разумеется, находился под постоянным наблюдением. В ночь на 15, равно как и на 16 и 17 мая Дюкен, очевидно, был у себя на квартире, по крайней мере в то время, когда делались попытки наладить радиосвязь с Германией. Он каждый вечер возвращался не позднее семи часов, и больше его не видели выходящим из дому.

Однако 18 мая, около 10 часов вечера, гуверовские агенты неожиданно встретили Дюкена на улице, шагавшим по направлению к Центральному парку. Между тем агенты были уверены, что он с четырех часов дня находится дома.

Не означало ли это, что у пройдохи Дюкена имелся про запас другой выход на квартиры? Не отпирался ли он каждую ночь в Сентерпорт, где учуял вещи, показавшиеся подозрительными? Не связался ли он с Гамбургом по телеграфу и не было ли это причиной молчания гамбургской радиостанции АОР?

Но беспокойство, созданное поведением Дюкена, рассеялось благодаря хорошим новостям, которые к полуночи пришли в нью-йоркское отделение ФСБ. Себольд, или, вернее,

агент ФСБ, наконец-то, связался с Гамбургом. И Гамбург передал зашифрованную телеграмму гестапо:

«Шлите передачи только два раза в неделю. Назначьте дни, в которые вы намерены передавать. Нам годятся любые. Для верности дублируйте передачи. Мы готовы в 7, 13 и 17 часов».

ФСБ ответило:

«Ваши сигналы очень слабы. Нельзя ли улучшить? Буду передавать по вторникам и четвергам в 13 и 17 часов. Слушать буду ежедневно, кроме вечера субботы и воскресенья».

Дюкен казался чрезвычайно довольным, когда Себольд сообщил, что радиосвязь установлена. Он повел Себольда в Сити-Холл-Парк; оба сидели на скамейке и беседовали, так как Дюкен чувствовал себя здесь в безопасности от диктографов. Но он не знал, что кинооператор ФСБ направил на него телеобъектив — все это для того дня, когда суду понадобятся документальные доказательства этой встречи.

Вскоре Дюкен взял с собой Себольда на Уоррен-стрит, где они сели на паром, направлявшийся в Джерси-сити. Дюкен сказал, что на пароме он может убить двух зайцев сразу: нужно передать кое-что Себольду для радиостанции и, кроме того, он хочет взглянуть на суда, стоящие на якоре на Гудсоне.

Сведения, которые Дюкен продиктовал для передачи на станцию АОР, были следующие:

«У Ролс-Ройса спроектирован авиаomotor, помещающийся в крыльях, как колбаса в бутерброде. У Ликоинга — также. Я послал чертежи через Китай. Союзники заказали дополнительно 10 000 пулеметов для мотоциклов и прицелов к ним. Разведка Соединенных Штатов получает сведения через Мирона Тейлора в Ватикане. Тамошний священник передает их. Пароход «Чемплен» производит погрузку военных материалов из США. Он вооружен против воздушных налетов и подводных лодок. На нем, возможно, будут находиться члены французской комиссии. Возле Бермудских островов он войдет в состав каравана конвоируемых судов и возьмет курс на Шербур».

Теперь перед ФСБ возникла дилемма. Некоторые из продиктованных Дюкеном сведений отличались абсолютной точностью, другие были ошибочными — частично или полностью. В передаче сведений, не соответствующих действительности, особой беды не было, но если задержат правильную информацию, немцы могут заподозрить Себольда. Было принято компромиссное решение. Ночью, когда связались со станцией АОР, некоторые факты, сообщенные Дюкеном, подвергли легкому искажению, другие же передали в точ-

ности так, как продиктовал Дюкен, но тем временем были приняты меры, чтобы эти данные более не отвечали действительности.

Следующий важный запрос, присланный по эфиру из Гамбурга, гласил:

«Срочно требуются... данные о месячной продукции авиационных заводов на экспорт во все страны, особенно в Англию и Францию. Нужны номер и дата отправки заказов и сведения о том, будут ли самолеты отправлены по воздуху или морем, данные об их оборудовании и вооружении. Укажите: оплата наличными или в кредит и т. д. Привет».

Немного погодя Себольд по поручению Дюкена запросил Гамбург:

«Джимми (псевдоним Дюкена. — А. Х.) спрашивает, получили ли вы маску и коробку противогаса, предназначенного для защиты от горчичного газа, которые он послал на „Конте ди-Савойя“ и „Рекс“».

Станция АОР ответила:

«Маска и коробка еще не получены».

ФСБ становилось все более ясно, что выявлена только самая небольшая часть шпионской сети Дюкена. Маэстро шпионажа был самым увертливым из всей шайки, и не раз агенты Гувера вынуждены были прекращать слежку, чтобы не подвергнуться риску быть обнаруженными.

Из радиограмм Гамбурга становилось очевидным, что Дюкен не зевал, когда оказывался вне поля зрения ФСБ. Запросы эти, бесспорно, основывались на сведениях, которые он пересылал в Германию иными путями, минуя Себольда.

Через месяц после установки радиостанции в коттедже на Лонг-Айленде Дюкен вернулся из поездки на Запад. Он привез сенсационную информацию — цифровые данные о производстве танков у Крайслера, а также другие сведения первостепенной важности и передал их Себольду для записи на микро пленку. Сведения подверглись изменениям, затем Лонг-Айлендская радиостанция запросила у станции АОР:

«Готовы микро пленки о танках Крайслера, сведения о сталелитейных заводах Файрстона в Акроне и другая информация. С кем переслать?»

Гамбург ответил:

«Перешлите с Зиглером на пароходе «Америка», который прибудет в течение суток или тридцати шести часов. Пожалуйста, обратите особое внимание на отправку военных материалов из всех портов восточной части Соединенных Штатов и Канады; эта информация нужна нашим подводным лодкам. Привет».

Все последующие месяцы Себольд и ФСБ продолжали рискованную игру. Гуверовская организация еще не могла нанести удар, опасаясь, что он будет преждевременным.

Однажды в разговоре с Себольдом в Сити-Холл-Парке тщеславный Дюкен обронил замечание, что Берлин собирается организовать в Нью-Йорке еще один самостоятельный шпионский центр. Дюкену это совсем не нравилось: Берлин, рассказал он, обещал сделать его большим человеком в Нью-Йорке, а теперь гестапо передает важнейшие задания другим. Шпион не сказал, кто должен возглавить новый центр, а Себольд не рискнул спросить.

Тем временем ФСБ не спускало глаз с Эдуарда Керлинга, который был замечен на баркасе, стоявшем на якоре у берегов Лонг-Айленда больше года назад.

Летом 1940 года Керлинг съездил в Чикаго. Там он связался с Отто Виллюмейтом, лидером Западного «Германо-американского союза», давно подозреваемого в принадлежности к «пятой колонне»¹. Через Виллюмейта, как установили агенты ФСБ, Керлинг близко познакомился с двумя чикагцами, Германом Нейбауэром и Гербертом Хауптом. Их имена знакомы всем, кто читал список диверсантов, казненных в августе 1942 года. Но эти люди далеко не пользовались такой известностью в день, когда ФСБ впервые занялось ими.

Нейбауэр служил поваром в отеле Луц, а Хаупт, которому было всего двадцать лет, работал подмастерьем на оптическом заводе Симпсона, где изготовлялись детали авиаприцелов.

Фотографии повара и подмастерья скоро очутились у ФСБ в Вашингтоне. Портрет Керлинга был там уже давно вместе с тысячами других субъектов, незаметно заснятых в немецких колониях по всей стране (люди, изображенные на этих фотографиях, были те самые, среди которых ФСБ зимой 1942—1943 гг. начало массовые аресты). Когда же Керлинг и Нейбауэр присоединились к орде молодых американизированных немцев, которые явились в нацистские консульства

¹ В 1936 году, во время итало-германской интервенции в Испании, мятежные генералы хвастали, что наступление на Мадрид ведется пятью колоннами: четыре действуют на фронте, а пятая находится в самом Мадриде, намереваясь нанести республиканцам удар изнутри. С тех пор под выражением «пятая колонна» подразумевается вражеская агентура, действующая внутри какой-либо страны. — *Ред.*

в конце 1940 года для репатриации, агенты стали следить за каждым их движением.

Достаточно было обладать хоть каплей здравого смысла, чтобы понять, что для таких парней, как Нейбауэр и Керлинг, возвращение в Германию не является поездкой на курорт. Их фотографии вместе со снимками остальных репатриировавшихся молодых немцев были переданы в государственный департамент и посланы представителям дяди Сэма в Берлине и в других городах Третьей империи.

Таким образом, несмотря на гестапо, за каждым движением людей, сфотографированных перед тем, как они покинули Америку, шла успешная слежка.

Некоторые из репатриированных стали работать на немецких фабриках, некоторые ушли в армию. Другие, в том числе повар из отеля Луп и молодой человек с подозрительного баркаса, очутились в том пресловутом здании в Берлине, которое вызывало столько слухов и споров среди американских журналистов и радиорепортеров, находившихся в немецкой столице, а также среди атташе нашего посольства.

Слухи исходили от хорошо осведомленных берлинцев, которые из инстинкта самосохранения прикидывались лояльными нацистами, но в глубине души ненавидели Гитлера. Эти сведения, а сомневаться в них не приходилось, гласили: в здании находилась так называемая гитлеровская академия диверсии. Затем разведка установила, что Керлинг и Нейбауэр, американские граждане, проходят там курс обучения. После объявления войны Америке они будут посланы снова в США, вооруженные всем необходимым, чтобы развернуть программу диверсий, какой еще не видел мир.

Итак, к началу 1941 года у Гувера имелось на руках несколько козырей. Он знал об академии диверсантов в Берлине, знал о Дюкене и о существовании неопознанного шпионского центра в Нью-Йорке.

Но существует ли второй шпионский центр, о котором упомянул Дюкен? Какой бы энергией ни отличалось ФСБ, на сей раз ему требовалась помощь. На помощь пришла сама судьба.

*

ЖЕРТВА УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

С НИМ ДЕЛО ПЛОХО, — сказал один полисмен другому во вторник 18 марта 1941 года, взглянув на очередную жертву уличного движения, лежавшую посреди мостовой на Таймс-Сквер в Нью-Йорке.

— Вызови-ка скорую помощь, а я попробую установить его личность.

Потерпевший, элегантно одетый человек лет пятидесяти, со смуглой кожей и черными волосами, лежал лицом вверх, потеряв сознание. Его ранило в голову при столкновении двух автомобилей в потоке уличного движения на этом оживленном перекрестке. В карманах его костюма была обнаружена пачка банкнот на сумму около полутора тысяч долларов и ключ от номера в отеле Тафт, расположенном на углу 7-й авеню и 51-й стрит, за пять кварталов отсюда.

Двое сыщиков, чье внимание было привлечено толпой, собиравшейся вокруг места происшествия, локтями проложили себе дорогу. Как раз в этот момент полисмен обыскивал карманы потерпевшего. Глаза одного из сыщиков широко раскрылись, когда он увидел пачку банкнот.

— Видать, важная персона, — пробормотал он своему товарищу.

Сыщики стали разглядывать окружающих. За полисменом стоял шофер и нервно мял в руках кепи.

— Это вы переехали его? — спросил сыщик.

Шофер кивнул:

— Я и вон тот парень, — он указал на другого шофера. — Человек этот шел, как бы ничего не видя, прямо на меня. Вот его и отбросило под машину того парня.

Второй шофер подтвердил рассказ и добавил только, что, мол, ничего не поделаешь, аварии никак было не избежать.

— Это все еврейские козни! Вот что это такое — еврейские козни! — крикнул кто-то с сильным немецким акцентом из самой гущи толпы. Один из сыщиков стал проталкиваться сквозь толпу в поисках того, кто произнес это.

— Он ушел, — сказали ему, — сразу же смылся, как только крикнул.

— Каков он на вид? — спросил сыщик.

— Маленький человечек в очках с толстыми стеклами. Подмышкой у него был светлоричневый портфель.

— Сколько ему лет?

— Наверное, около пятидесяти.

Сыщик вернулся к шоферам.

— Пострадавший был один или его сопровождал кто-нибудь в момент происшествия?

Шофер такси почесал в затылке.

— Мне кажется, что один. Впрочем, помнится, падая, он выронил портфель, но тотчас же кто-то подбежал и подхватил.

— Какого цвета портфель?

— Светлокоричневого... да, светлокоричневого!

— А тот, кто унес портфель, как он выглядел?

— Я был слишком взволнован, чтобы заметить, — ответил шофер. — Помню только большие очки.

Второй шофер запомнил в основном те же приметы, ничего больше. У детективов мелькнула мысль, что они случайно натолкнулись на нечто гораздо большее, чем уличная катастрофа. В портфеле было, верно, что-то очень важное, иначе спутник потерпевшего не подхватил бы его с такой поспешностью и не бросил бы товарища в беде. Злобный, бессмысленный возглас человека с портфелем, очевидно немца, заставил сыщиков заподозрить, что потерпевший и его спутник замешаны в какую-то нацистскую интригу.

Тем временем к месту происшествия подъехал автомобиль скорой помощи, и санитары положили пострадавшего на носилки.

Один из детективов вошел в санитарную машину. Он подозревал, что спутник жертвы несчастного случая оставался поблизости, чтобы заметить номер машины. Потом антисемитски настроенный субъект, наверно, зайдет в больницу, чтобы узнать о состоянии своего приятеля. Агент решил начать за ним слежку.

Второй сыщик пришел в отель Тафт и бросил на конторку ключ от номера.

— Чей это ключ? Человек попал под машину.

Портье посмотрел в книгу для приезжающих.

— Мистер Лопес, — сказал он. — Мистер Хулио Лопес из Аргентины.

— Элегантно одетый смуглый джентльмен, лет пятидесяти?

Портье утвердительно кивнул.

— Известно вам что-нибудь о нем?

— Так мало, что у нас он считался таинственным незнакомцем.

— Почему так?

— Как же! Жил он здесь уже больше месяца, редко покидал свою комнату, никто к нему никогда не приходил, сам он никому не звонил по телефону и ему не звонили никогда.

— Обед ему подавали в номер?

— Обычно да, за исключением тех случаев, когда он отпирывался в ресторан Брасс-Рейл на этой же улице.

— У вас громадный отель-ресторан, — сказал сыщик. — Как случилось, что вы все же помните этого постояльца, хотя он вел себя так незаметно?

— Из-за чаевых. Он постоянно заказывал самые дорогие блюда и всегда платил наличными из большой пачки банкнот, но никогда не давал официантам на чай больше пяти центов. Вот почему он стал у нас притчей во языцех.

— Понятно, — сказал сыщик, взяв ключ от номера Хулио Лопеса. — Не возражаете, если я осмотрю номер?

— Нет, пожалуйста, — сказал портье.

На первый взгляд, в номере Лопеса не было ничего особенного. Дорогой чемодан с маркой магазина в Буэнос-Айресе не имел секретных отделений, а осмотр элегантного гардероба не дал ничего интересного. Сама комната выглядела настолько опрятной, что детективу все это показалось даже неправдоподобным. В изысканной чистоте комнаты было нечто, указывавшее, что хозяин ушел, постаравшись не оставить ничего разоблачающего.

Агент обратил внимание на висевшую на стене картину. Когда он потянул край картины, несколько предметов упало на пол. Один из них был свертком писчей бумаги, перетянутым резинкой. Развязав, сыщик увидел, что бумага совершенно чиста. Вторым предметом был футляр с дюжиной маленьких металлических коробочек, содержавших таблетки от головной боли. Агента удивил столь грандиозный запас таблеток. Затем он увидел огромную карту США. На ней оказались пометки красным и синим карандашом. Они были разной величины, но все сосредоточены на Атлантическом побережье — от Бостона до Флориды.

Агент уже собирался уходить, унося белую бумагу, карту и таблетки от головной боли, как вдруг вспомнил нечто, на что еще раньше обратил внимание. То был утюг — обыкновенный складной дорожный утюг, чтобы гладить прижавшуюся в пути одежду. Он лежал в ящике письменного

стола, и агент подумал, что это не совсем обычное место для такой вещи. Сперва агент решил, что скупой Лопес возил с собой даже собственный утюг, чтобы самому гладить костюмы. Все же он позвонил коридорному и спросил, часто ли мистер Лопес посылал свои костюмы на утюжку.

— Да, довольно часто, — был ответ. — Джентльмен из Аргентины был хороший клиент и держал свой гардероб в образцовом порядке.

Значит, утюг применялся для каких-то иных целей. Но каких? Зачем человеку со средствами Лопеса таскать с собой утюг?

В это время в госпитале св. Винцента, где не пришедший еще в сознание Лопес боролся со смертью, в коммутаторной раздался звонок из города. Телефонистка, заранее предупрежденная агентом, который оставался в госпитале, подала ему знак. Агент запросил городскую телефонную станцию, откуда звонят, затем снял параллельную трубку и стал слушать.

Человек на другом конце провода говорил на правильном английском языке с испанским акцентом: ему стало известно, что друг его, Хулио Лопес, пострадал во время автомобильной катастрофы и отвезен скорой помощью в госпиталь св. Винцента. В госпитале еще не было известно имя жертвы несчастного случая на Таймс-Сквер, ибо агент, который производил обыск в отеле Тафт, еще не звонил. Это значило, что человек в больших очках — тот, кто схватил светлокориичневый портфель, произнес антисемитскую фразу и скрылся, — оставался где-то поблизости достаточно долго, чтобы заметить номер санитарной машины и сообщить человеку, звонившему сейчас в госпиталь.

После короткой паузы телефонистка ответила:

— У нас нет никого по имени Лопес. Можете вы сказать, как выглядит ваш друг?

Человек у телефона подробно описал внешность потерпевшего. Девушка у коммутатора сообщила, что привезли как раз такого пациента, но личность его пока не установлена. Тогда на другом конце провода спросили:

— Не найдено ли при нем чего-либо такого, что могло бы установить его личность?

Телефонистка сказала, что нет. После двух минут такого разговора сыщику стало ясно, что человек на том конце провода больше интересуется, не найдено ли у Лопеса разоблачающих документов, чем судьбой самого Лопеса.

Затем последовал звонок с телефонной станции, которая должна была выяснить, с кем был только что соединен госпиталь. Сыщик записал: «Испанское консульство, 515 Медисон-авеню».

Два часа спустя после несчастного случая на Таймс-Сквер в убранной коврами комнате в импозантном гранитном здании на Сентер-стрит в Ист-Сайде полицейский комиссар Валентин — бывший рядовой полисмен, выдвинувшийся благодаря своим способностям, — размышлял над присланным ему рапортом и разглядывал коллекцию разнообразных предметов, разложенных на столе. Кроме Валентина, в кабинете находились его ближайшие сотрудники, специальностью которых была борьба с теми, кто в Нью-Йорке занимался подрывной деятельностью против США.

— Похоже на нацистский шпионаж, — проговорил Валентин.

Комиссар показал на карту с красными и синими пометками.

— Эта карта размечена человеком, который знает много больше, чем следует, о численности и дислокации войск вдоль Атлантического побережья. Каждая пометка, красная или синяя, указывает либо на армейский лагерь, либо на военную верфь, либо на завод, работающий на оборону. У меня достаточно оснований думать, что человек, размечавший эту карту, был правильно информирован. Красные пометки указывают на крупные армейские или флотские соединения, или на большие военные заводы. Чем крупнее пометка, тем большее значение имеет данный пункт. Синим отмечены второстепенные пункты.

— А как насчет таблеток от головной боли и белой маги, комиссар? — спросил кто-то.

— Можете быть покойны, никакая головная боль не требует столько таблеток! — ответил комиссар. — Рецепт этих таблеток разработан в Германии, но они получили широкое распространение и в Соединенных Штатах. Это, действительно, превосходное средство от головной боли. Я сам пользовался ими. Но Лопес применял его, очевидно, для изготовления симпатических чернил.

Присутствующие удивились.

— Да, — продолжал комиссар. — Стоит только взять немного воды, скажем, стакан или даже меньше, растворить одну таблетку, и у вас готовы симпатические чернила. Вы обмакиваете перо или зубочистку в раствор, пишете, что нужно, и когда бумага просохнет, никому и в голову не придет, что на ней что-то написано. Но впоследствии, если нагреть письмо, все написанное четко проступает наружу, и вот почему Лопес повсюду таскал с собой этот утюг!

То, что из испанского консульства звонили в больницу св. Винцента относительно Лопеса, показалось Валентину многозначительным. Некоторых испанских дипломатов в Нью-Йорке, Вашингтоне и других городах давно подозревали в том, что они работают рука об руку с нацистскими агентами.

Нью-йоркский полицейский комиссар счел необходимым довести все до сведения Гувера.

Один из ближайших помощников Валентина, забрав с собой таблетки, бумагу, карту и утюг, найденные в номере отеля, отправился к нью-йоркскому уполномоченному ФСБ Фоксуорту.

Фоксуорт связался по прямому проводу с Гувером и кратко изложил факты. Гувер сразу же оценил все значение событий и приказал перевернуть вверх дном отель Тафт в поисках знакомых Лопеса, а самого Лопеса сфотографировать и взять у него отпечаток пальцев. Упоминание портье отеля о том, что Лопес иногда обедал в ресторане Brass-Рейл на 7-й авеню, меньше, чем за квартал от отеля Тафт, казалось Гуверу важным; Brass-Рейл, славившийся своими жаркими, был как раз подходящим местом для человека, который недавно приехал после долгого пребывания в Германии, где, как известно, трудно получить мясные блюда. Одновременно с Лопесом это заведение могли посещать и его сообщники. Поэтому Гувер распорядился установить наблюдение за завсегдатаями ресторана, который сам по себе не находился под подозрением.

Тщательно обыскивая комнату Лопеса, агенты ФСБ сделали еще одну находку; как и где они ее сделали, нас не касается, важно, что именно было найдено. Оказалось, что незадолго до появления в Нью-Йорке Лопес побывал на Гавайях. Он привез с собой, — а все это происходило за восемь месяцев до нападения японцев на Пирл-Харбор, —

подробные и абсолютно точные данные о вооруженных силах и оборонительных сооружениях армии и флота США в районе Гавайских островов. Как он заполучил такие сведения, которыми, рассуждая теоретически, располагали только армия и флот, было загадкой. Важно, что Лопес не только ухитрился достать правительственные сведения, но явно успел и переправить их в Берлин, ибо найденное агентами ФСБ было только копией подлинного отчета.

Восемь месяцев спустя — 7 декабря — японцы во время нападения на Пирл-Харбор использовали сведения Лопеса. Если когда-либо выяснится во всех подробностях история этого нападения — история ужасающих оплошностей, распрей и личного тщеславия в военных кругах, — ее центральным пунктом станет связь между документами, найденными в номере нью-йоркского отеля, и внезапным нападением японцев. Ибо Гувер своевременно передал добытые им сведения соответствующим официальным лицам, и если бы эти люди действовали, как повелевал их гражданский долг, катастрофу при Пирл-Харборе можно было бы предотвратить.

Между тем врачи больницы св. Винченца признали положение Лопеса безнадежным. Его перевели в отдельную палату, где агенты ФСБ сделали несколько снимков — в анфас, три четверти и в профиль — и взяли оттиски пальцев. Фотографии спешно проявили и вместе с оттисками пальцев отправили в Вашингтон. Одежда Лопеса, как и его чемоданы, носила фабричные марки южноамериканских фирм.

Через двадцать четыре часа после катастрофы Лопес скончался. Один из мелких чиновников испанского консульства — видимо, стреляный воробей — явился в госпиталь и потребовал выдачи тела. У него был с собой испанский паспорт Хулио Лопеса. Он объяснил агенту ФСБ, разыгравшему роль представителя госпитальной администрации, что сеньор Лопес приехал в Америку с дипломатической миссией и испанское консульство собирается устроить ему похороны.

Представителя консульства спросили, есть ли у Лопеса семья. Ответ был отрицательный. Каким образом, пожелал знать агент, в консульстве так скоро узнали, что Лопес сделался жертвой автомобильной катастрофы? По лицу испанца пробежала тень, но он тут же ответил, что стал звонить во все городские больницы, когда сеньор Лопес, всегда исклю-

чительно пунктуальный, не только не явился в консульство на важное совещание, но его не оказалось и в отеле Тафт.

— Покойный,— продолжал человек из консульства,— всегда был не в ладах с уличным движением в Нью-Йорке, так что, едва услышав о несчастном случае на Таймс-Сквер, я заподозрил самое худшее.

Гуверовские агенты знали, что испанец лжет. Когда он ушел, один из агентов ФСБ последовал за ним.

*

Глава пятая

БЛОНДИНКА ИЗ МАСПЕТА

ДВА АГЕНТА ФСБ сидели и играли в карты в номере Лопеса. Они ждали, что, быть может, на свидание с Лопесом придет кто-нибудь, кому неизвестно о несчастном случае. Учитывая эту возможность, полицейский комиссар Валентин постарался скрыть от репортеров имя потерпевшего, и в печати появилось только коротенькое сообщение: человек, личность которого установить не удалось, был смертельно ранен во время несчастного случая на Таймс-Сквер.

Номер Лопеса находился рядом с лифтами; сыщики прекращали игру и застывали в ожидании всякий раз, как слышали стук открывающейся двери лифта. Шел уже пятый час их бдения, и положение казалось столь безнадежным, что они и думать перестали о посетителях, когда послышался легкий стук в дверь. Сыщики переглянулись. Кто бы то ни был, ясно было одно,— стучавший не вышел из лифта. Дверца хлопнула в последний раз за несколько минут до этого. Один из сыщиков хлопотливо убрал карты, другой направился к двери.

Прежде чем распахнуть ее, он быстрым взглядом окинул номер. Все было на месте. Образчики тканей, положенные так, чтобы они бросились в глаза, должны были произвести впечатление, что обитатели номера — это приезжие коммерсанты.

Дверь распахнулась. На пороге ее стояла совсем молоденькая девушка, лет восемнадцати. У нее были светлые волосы, голубые глаза, кокетливые манеры. Когда она увидела сыщика, глаза ее широко раскрылись. Она взглянула на металлические цифры, прикрепленные к наружной стороне двери.

— О, — сказала девушка, улыбаясь, — я кажется, ошиблась.

— А может быть, и нет! — сказал агент, ухмыляясь. — Вы не от «Консолидейтед Фабрик Компани»?

— Нет! — Девушка глядела мимо этого сыщика и, заметив другого, хлопочущего с деловым видом подле образцов тканей, поспешно повторила:

— Нет, нет! Я ошиблась, я вышла не на том этаже.

— Все в порядке, — сказал сыщик, притворяя за ней дверь.

Когда блондинка подошла к лифту, открылась дверь номера напротив того, который занимали «торговцы мануфактурой». Третий сыщик, посаженный сюда, чтобы следить за каждым, кто постучит в номер Лопеса, тоже вошел в лифт и нажал кнопку спуска. Девушка мельком взглянула на него и больше не обращала внимания. Очевидно, она не опасалась его. Внизу сыщик незаметно указал на девушку четвертому агенту, который ожидал в холле специально на такой случай.

Тем временем агенты просматривали все книги записей приезжающих в отель Тафт с момента, когда Лопес там остановился. Особое внимание обратали на тех, кто выбыл сразу же после несчастья с Лопесом. Таких обычно задерживали. Служащих отеля, особенно коридорных и официантов, допрашивали, чтобы получить побольше сведений о смуглом джентльмене, который давал на чай не больше пяти центов. Но ничего существенного узнать не удалось.

В Вашингтоне оттиски пальцев Лопеса никак не совпали с дактилоскопическими снимками, имевшимися в картотеке ФСБ. Так же обстояло дело и с фотографией покойного. Но Гуверу черты Лопеса казались явно немецкими, а не испанскими. Испанский паспорт, по всей вероятности, был фальшивым, решил Гувер. Лопес, быть может, даже красил в темный цвет волосы и в смуглый — кожу, чтобы придать себе облик настоящего испанца.

У Брасс-Рейл два официанта узнали Лопеса на фотографии. Человек этот, сказали они, часто занимал столик в глубине зала. Компаньонами его были совсем молодая голубоглазая блондинка, которая как будто записывала все, что он говорил, и человек средних лет с бледным лицом и в больших очках. Очевидно, девушка и человек в очках, как вспоминали официанты, были подчиненными этого смуглого джентльмена, ибо иногда ждали час или больше, покуда он не входил со светлокоричневым портфелем подмышкой. Порт-

Фель этот с каждым часом начал играть все большую роль; Лопеса никогда не видели без портфеля.

Официанты из Брасс-Рейл понятия не имели, чем занимались эти трое, и никогда не слышали, чтобы те разговаривали по-немецки. Но они заметили, что у человека с портфелем был испанский акцент, а мужчина в больших очках и девушка говорили с несомненным немецким акцентом.

К концу второго дня расследования фотография белокурой девушки, заходившей в номер к Лопесу, была уже на столе у представителя ФСБ в Нью-Йорке. Снимок сделал сыщик, дежуривший у входа в отель Тафт: он прикинулся уличным фотографом, который моментально снимает прохожих и затем пытается получить заказ на только что сделанную фотокарточку. Блондинка ничего не заподозрила.

Девушку выследили до самого ее дома в Маспете (Лонг-Айленд). Соседи сказали, что то была Люси Бемлер, дочь немцев, приехавших сюда пять лет назад. Насколько удалось установить, мать и отец ее не симпатизировали гитлеровскому режиму. Мать Люси заявила как-то в бакалейной лавке, что они уехали из Германии из-за Гитлера. Однако, если верить соседским сплетням, собранным агентами мистера Гувера с помощью местной полиции, Люси была активным работником в организации немецко-американской молодежи. Деятельность таких организаций тесно связана с «Германо-американским союзом», а нити от этого союза вели в Берлин.

Агенты узнали, что Люси недавно окончила школу в Манхаттане и примерно месяц назад нашла работу. Работала она, как говорили соседи, у одного крупного дельца в Нью-Йорке и должна была каждый день ездить в город. Но она никогда не оставалась в городе долго и, очевидно, большую часть работы делала на дому.

Фотографию Люси доставили в Брасс-Рейл. Здесь снимок опознали: именно она частенько сживала за столом с обоями мужчинами. Лифтеры в отеле Тафт тоже моментально узнали фотографию. Молодая леди, сказали они, посещала отель ежедневно и всегда выходила на одном и том же этаже. Так было с тех пор, как Лопес остановился здесь. Но выходила она этажом выше, а не там, где жил Лопес.

Видимо, смуглый джентльмен был опытным конспиратором и научил девушку появляться так, чтобы ее визиты не могли быть поставлены в связь с его проживанием в отеле.

На третий день агенты, следившие за мелким чиновником из испанского консульства, проследовали за ним до здания на Баттери-Плейс, № 17. Не было нужды входить вслед за ним: все было ясно — здесь помещалось германское консульство.

Это хорошо вязалось с догадкой Гувера, что Лопес, видимо возглавлявший шпионский центр, членами которого были Люси Бемлер и еще не опознанный человек в больших очках, работал с помощью германского консульства в Нью-Йорке. Гувер добился ордера прокуратуры, дававшего его людям доступ к регистратуре Американской телеграфной и телефонной компании; они смогли проверить все телефонные переговоры, которые велись германским консульством: 18 марта — в день, когда Лопес попал под автомобиль, и 19 марта — в день, когда он умер, Гувер мог убедиться, что число телефонных звонков из консульства в Нью-Йорке в германское посольство в Вашингтоне резко увеличилось, начиная с того самого часа, как Лопес стал жертвой несчастного случая на Таймс-Сквер.

Что именно сообщалось во время переговоров, оставалось неизвестным, но само увеличение вызовов было симптоматично. Ни одно событие в Нью-Йорке не вызывало такой лихорадочной деятельности в недрах германского консульства, как несчастный случай с Лопесом.

Затем агенты ФСБ явились в Американскую радиокорпорацию и предъявили секретный ордер на право ознакомиться со всеми радиogramмами, которыми германское посольство в Вашингтоне обменивалось с министерством иностранных дел в Берлине в дни происшествия на Таймс-Сквер. Гувер несколько не удивился, узнав, что как раз в те дни эфир буквально кишмя кишел шифрованными радиogramмами, передаваемыми из Вашингтона в Берлин и в обратном направлении.

Это резкое увеличение числа передач утвердило Гувера в мысли, что радиogramмы относились к смерти Лопеса.

Через день Люси Бемлер привела следивших за ней агентов в шведский ресторан на 52-й Западной улице. Было около часа дня. Люси направилась прямо к прилавку, положила себе еды, затем перешла к столику, в дальнем углу. Агенты заняли соседний столик.

Не прошло и нескольких минут, как один из сыщиков шепнул другому: «Вот, вот, гляди!» У прилавка стоял человек средних лет с бледным лицом и в больших очках.

Подмышкой у него был портфель из светлоричневой кожи.

— Сдается, что это тот самый парень, кого мы ищем,— сказал один из агентов.— И это тот самый портфель, что был у Лопеса.

Человек с портфелем взглянул в ту сторону, где сидела Люси. Она смотрела на него, видимо, ожидая взгляда, но когда глаза их встретились, ни один не подал виду, что они узнали друг друга. Человек с портфелем прошел к столику Люси и уселся.

Люси сейчас же прервала свой завтрак и достала блокнот стенографистки. Мужчина начал что-то диктовать, так понизив голос, что сыщикам ничего не было слышно.

Минут через пятнадцать, когда сыщикам стало ясно, что сегодня в ресторане ничего больше не удастся узнать, они ушли и заняли позицию на противоположной стороне улицы. Полчаса спустя вышла Люси, и один из агентов последовал за ней по направлению к Бродвею. Вслед за ней вышел человек с портфелем и взял такси. Сыщик попытался последовать за ним, но под рукой не оказалось второй машины.

Это была первая неудача, постигшая агентов, но они не очень огорчились. Люси Бемлер наверняка еще не раз встретится с этим человеком.

Что касается Люси, то за ней следили вплоть до Таймс-Сквер, где она подошла к газетному киоску и спросила около дюжины разных провинциальных изданий. Сыщик,— уже другой, а не тот, что сидел в ресторане,— стоял позади и, видимо, ждал своей очереди. Он заметил, что все газеты, которые спрашивала Люси, издавались в районе Атлантического побережья — Бостоне, Бриджпорте, Джерси, Филадельфии, Балтиморе, Вашингтоне, Чарлстоне и многих других городах. То, что она интересовалась только восточными районами США, еще раз напоминало о карте, найденной в номере Лопеса.

Служка за немецкой девушкой продолжалась до ее дома в Маспете. Люси появилась снова лишь на другое утро. С ней не было ни газет, ни сумки, ни портфеля. Агенты решили, что газеты, видимо, уже использованы, и постарались осмотреть содержимое мусорного ящика перед домом Бемлеров. Может быть, газеты окажутся там.

Люси направилась к киоску на Таймс-Сквер. Здесь она купила технические журналы, которые продавались и во многих других киосках. Она делала свое дело решительно, не

таясь и, видимо, считая, что ее поступки не привлекут внимания случайного наблюдателя.

Дальнейшим наблюдением было установлено, что газеты, купленные Люси накануне, мать девушки выбросила в мусорный ящик. Агенты извлекли их оттуда и подвергли тщательному осмотру. В каждой оказались вырезки, так что пришлось доставать дубликаты. После сравнения обнаружилось, что Люси вырезывала заметки о работе оборонных заводов или хронику о солдатах, возвращающихся к семьям из дальних лагерей. Технические журналы, которые купила девушка, содержали ценную информацию относительно продукции и транспортировки сырья по железным дорогам или морем, а также иные сведения, которым в военное время отнюдь не следовало появляться в печати.

Информация газетная и журнальная, вместе взятая, могла бы представить большую ценность для шпиона, способного проанализировать ее и передать в обработанном виде в Германию.

Тем временем Гувер размышлял. Он представил себе, что если смерть лжеиспанца Лопеса вызвала такую лихорадку радиограмм, то, по всей вероятности, Берлин захочет получить об этом событии более подробную почтовую информацию. Дипсвязь германского посольства в Вашингтоне из-за британской блокады действовала не блестяще, и общее мнение было таково, что нацисты попытаются послать сообщение по почте в нейтральные страны — Португалию или Испанию.

Поэтому Гувер предупредил британские власти в Гамильтоне (на Бермудских островах), где теперь останавливались все трансатлантические суда, державшие курс на Испанию или Португалию, что необходимо уделить особое внимание почте из Нью-Йорка, отправленной примерно в дни происшествия на Таймс-Сквер.

Лаборатория британской цензуры в Гамильтоне — лучшая в мире. Ее начальник — доктор Чарльз Энрикс Дент, сдержанный человек, прекрасно осведомленный обо всех трюках контрабандной пересылки секретных писем.

Когда Дент получил предупреждение Гувера, он вызвал одну из своих ассистенток, Найду Гарднер.

— Старина Гувер в Вашингтоне утверждает, что нацисты применяют сейчас лекарство от головной боли, мисс Гарднер, — сказал Дент. — Детские игрушки, а? Но вызвал я вас вот зачем — пожалуйста, утюжьте каждое письмо, от-

правленное из Нью-Йорка после 18 марта в адрес Лиссабона и Мадрида, и покажите мне все, что удастся обнаружить.

На столе мисс Гарднер как раз лежала пачка писем, пришедших из Нью-Йорка. Проутюжить письмо было гораздо проще, чем класть его в раствор кислоты. Это еще успеется, если утюжка окажется безрезультатной.

Через двадцать четыре часа после этого разговора Фоксуорт, нью-йоркский уполномоченный ФСБ, говорил собравшимся вокруг него сотрудникам:

— Я только что получил известие от начальника, — сказал он, — что вчера британские цензоры на Бермудах обнаружили письмо без подписи, написанное симпатическими чернилами, изготовленными из таблеток от головной боли. Это было обыкновенное письмо, напечатанное на машинке, но между строками оказались вписанными невидимыми чернилами другие строки, поистине потрясающие.

Содержание перехваченного письма нельзя здесь привести полностью, но кое-что можно рассказать. В письме сообщалось, что смерть Ульриха фон-дер-Остена — подлинное имя Лопеса — была вызвана «еврейскими кознями», но, к счастью, фон-дер-Остен успел передать основную часть своей информации о Пирл-Харборе незадолго до своей безвременной кончины. Далее говорилось, что фон-дер-Остен по праву гордился своей информацией об американских укреплениях на Гавайях и что «вне всякого сомнения, его информация окажется весьма ценной для наших желтокожих братьев. Все идет по плану, и герр Генрих Гиммлер будет доволен, узнав, что я принял командование и продолжаю борьбу».

— Несомненно, — сказал Фоксуорт, — автор этого письма и человек со светлокоришневым портфелем и в больших очках — одно и то же лицо. Мы должны во что бы то ни стало найти его. Он подписывается «Джо Кесслер» и его обратный адрес — фальшивый.

Письмо было адресовано некоему Фриско в Лиссабоне, очевидно агенту гестапо.

Работники ФСБ решили, что рано или поздно Кесслер покажется в одном из тех мест, за которыми наблюдали круглые сутки. В числе этих мест было испанское консульство. Через несколько дней после рокового случая на Таймс-Сквер агенты Гувера заметили маленького человека лет сорока, выходявшего из консульства. Подмышкой у него был

светлокоричневый портфель. Острый нос придавал ему сходство с хорьком. Сыщики узнали того, кто называл себя Джо Кесслером и чей след они утратили в шведском ресторане.

За ним последовали до германского консульства в нижней части Манхэттана. Очевидно, он был желанным гостем, так как оставался там более часа. В конце концов он привел следивших за ним агентов в меблированные комнаты в Бруклине. Здесь удалось выяснить, что настоящее имя этого человека — Курт-Фридрих Людвиг и что это старый активист «Германо-американского союза».

На следующий день слежка за Людвигом продолжалась. Он покинул меблированные комнаты и приехал в одну частную квартиру в Маспете. Он попрежнему не расставался со светлокоричневым портфелем. С помощью сильных биноклей агенты смогли наблюдать, что происходило в доме. Людвиг сидел за обеденным столом рядом с молодой блондинкой. На столе были разбросаны бумаги, вынутые из портфеля. Девушка просматривала бумаги, а иногда Людвиг как будто диктовал ей. Блондинка эта была, конечно, Люси Бемлер.

Еще через день Людвиг опять приехал к Люси на дом, но оставался там всего несколько минут. Агенты почувствовали: здесь что-то готовится! На этот раз за ним последовали до Манхэттана и меблированных комнат на Айшем-стрит, подле моста Джорджа Вашингтона. Здесь он зашел к жильцу, по имени Пауль Борхардт,— человеку, по словам квартирохозяйки, загадочному.

Не успел Людвиг закончить беседу с Борхардтом, как Гувер уже получил сведения о Борхардте из так называемой «перекрестной картотеки» в Главном управлении ФСБ. Этот «загадочный человек» был майором германской армии в прошлую войну. В Америке он появился недавно и начал с попытки поступить на службу в разведорганы армии США.

В своем заявлении на этот предмет он сообщал, что был ранее в очень близких отношениях с Адольфом Гитлером, однако чем-то не угодил «фюреру» и попал в концлагерь, откуда ему удалось бежать. В разведке американской армии ему хотелось бы служить потому, что он-де «мог бы сделать ценные разоблачения» о происходящем в Третьей империи.

Заявлению Борхардта не поверили, но все же заинтересовались им настолько, что военные власти предприняли

небольшое расследование собственными силами. Они узнали, что Борхардт действительно был в концлагере и бежал оттуда. Но оставалось подозрение, что все дело Борхардта было тщательно инсценировано гестапо — чтобы создать ему подходящую биографию для поступления в разведку армии США.

Доктор, или профессор, как иногда называли Борхардта (он некогда преподавал в военной академии в Германии), после того как ФСБ отказалось от его услуг, исчез из поля зрения. Теперь он снова всплыл, и Гувер был рад этому. С тех пор как на сцену выступил Борхардт, агенты ФСБ знали, что они должны быть на-чеку: в лысом черепе Борхардта помещался один из самых искусственных шпионских умов Германии. Он был специалистом как раз по анализу, систематизации, использованию всех и всяческих фактов и данных, какие только могли пригодиться для целей шпионажа. Теперь было ясно, что Борхардт — тот самый человек, который способен использовать газетные вырезки и статьи в технических журналах, собранные Люси Бемлер.

Очевидно, он и Людвиг были ведущими фигурами второго шпионского центра, и ФСБ подозревало, что их связи обширны. Как и при расследовании дела Дюкена, нащупывание пути будет длительным, трудным и опасным.

Людвиг, как показало наблюдение, всегда посылал письма с центрального нью-йоркского почтамта на углу 8-й авеню и 32-й стрит. Он, видимо, знал график отправления судов, так как с большой точностью появлялся на почтамте как раз во-время, чтобы захватить ближайший пароход на Лиссабон через Бермуды. Агенты ФСБ выучились распознавать интересующие их письма еще прежде, чем почта уходила из Нью-Йорка; это позволяло обнаруживать их сразу же по прибытии на Бермуды.

Через две недели после того, как за Людвигом впервые установили наблюдение, цензоры окунули пачку его писем, написанных невидимыми чернилами, в различные реактивы. Да, шпионы Людвига умели добывать сведения! Здесь были подробные сообщения об отплытии норвежских, французских, голландских и британских пароходов из Нью-Йорка и Бруклина. Цифры продукции некоторых авиационных заводов приводились с исчерпывающей точностью. Обычно Людвиг употреблял для обозначения предприятий женские имена. «Грейс» означало завод самолетов-истребителей Груммана, «Бесси» — авиационный завод Брустер, «Сара» — «Сперри Жироскоп Компани».

ЗАОКЕАНСКАЯ РАЗВЕДКА

ДИВЕРСИОННЫЕ ПЛАНЫ Берлина все более расширялись. Это подтверждалось известиями, приходившими в Вашингтон из-за границы. Гимmlеру требовалось все больше студентов из США — молодых немцев, которые принимали американское подданство и прожили в стране достаточно долго, чтобы в совершенстве знать язык и обычаи. Так, например, стало известно, что некий Джордж Джон Даш, высокий тридцатилетний мужчина с крючковатым носом, работавший в Америке официантом, теперь репатрировался и учится в академии диверсантов. Узнали также, что Даш был другом Эдуарда Джона Керлинга, бывшего метрдотеля, и Германа Нейбауэра, бывшего повара в отеле Чикаго, которые к тому времени распростились с США и уехали в Берлин.

Таким образом, более чем за год до высадки восьми нацистских диверсантов на побережье Лонг-Айленда и Флориды Гувер знал о троих из них.

В скрытой борьбе с Дюкеном наступил период затишья. Себольду попрежнему удавалось перехватывать важную информацию, которую Дюкен добывал для передачи в Германию. Но коварный бур ухитрялся то и дело ускользать от агентов; становилось все более ясно: именно тогда, когда он скрывался из виду, он направлял сведения в Германию иными, неизвестными ФСБ путями.

«Натурщица» Лили Штейн работала в контакте с неким Эдмундом Карлом Гейне. Человек этот некогда был представителем «Форд Мотор Компани» по организации фордовских предприятий в Германии и других зарубежных странах и сохранил связи на автомобильных заводах в Детройте, которые тогда как раз перестраивали свою работу для военных нужд. Благодаря прошлым связям Гейне имел доступ на множество заводов в Детройте и во время инспекционных поездок доставал любые производственные данные, какие требовались Гитлеру.

Данные эти передавала Себольду Лили Штейн. Обязанностью Себольда было заносить их на микропленки и вручать таким «верным» людям, как Вильгельм Зиглер, шеф-повар на пассажирском пароходе «Америка». Что касается Германа Ланга, угрюмого мастера с завода авиаприцелов

Нордена, который как будто недолго любил Себольда, — то теперь выяснилось, что он еще раньше взял на заводе отпуск и отправился в Германию. За время пребывания там он сообщил нацистским инженерам и конструкторам все, что мог вспомнить о деталях авиаприцелов; но эта информация не принесла им особенной пользы.

Берлину требовались детали авиаприцелов. Станция АОР в Гамбурге запрашивала об этом все более настойчиво, и теперь у Себольда был хороший предлог для свидания с Лангом. Выяснилось, что для Ланга это был прежде всего вопрос о денежном вознаграждении. У него было на 3 000 долларов ценных бумаг, курс которых упал; в связи с этим Ланг поставил условием, что германское правительство оплатит любой убыток, который он потерпит при ликвидации акций перед возвращением на родину.

— За этим дело не станет, — сказал Себольд. — Но сможете ли вы достать некоторые детали авиаприцела, чтобы мы могли переслать их через кого-нибудь вроде Зиглера? Ланг засмеялся.

— Нет ничего проще, — похвастал он. — Я один из тех, кому больше всего доверяют на заводе. Я мог бы залезть в стол хоть к самому директору, никто и слова не сказал бы.

— Замечательно! Но сколько деталей вы сможете раздобыть?

— Конечно, не весь авиаприцел, но в данном случае достаточно некоторых деталей для того, чтобы воспроизвести его целиком там, в Германии, если, вдобавок, я еще и сам буду присутствовать при сборке, чтобы восполнить недостающее по памяти.

Агенты ФСБ, управлявшие радиостанцией Себольда, передали предложение Ланга в Гамбург. Через пару дней пришел ответ, смысл которого сводился к следующему. Пообещайте Лангу что угодно. Нам бы только заполучить его сюда с деталями, а когда авиаприцел будет сконструирован, с Лангом мы уладим дело.

Это звучало зловеще, но агенты рассмеялись. Они знали, как нацисты собирались «уладить дело» с Лангом!

Эверетт Редер, инженер-конструктор на заводе «Сперри Жироскоп», где производилась значительная часть всех выпущенных в США авиаприцелов, не ставил таких условий, как Ланг. Единственное затруднение с ним заключалось в том, что теперь он не мог орудовать так легко, как раньше. Едва только он нацеливался на какой-нибудь чертеж, чтобы

сделать с него снимок, как чертеж исчезал самым таинственным образом. Разумеется, Редер не знал, что на заводе Сперри работали специальные агенты, следившие за каждым движением шпиона.

Дюкен жил в роскошно обставленной квартире на 74-й Западной улице подле Центрального парка. Его сожительницей была молодая женщина, настоящее имя которой нет надобности называть. Эта женщина, происходившая из очень почтенной семьи на Юго-Западе США, где-то повстречалась с Дюкеном, влюбилась, и они стали выдавать себя за супружескую пару, под именем мистер и миссис Дани. Когда возникло подозрение, что эта элегантная особа не только любовница, но и сообщница Дюкена, агенты ФСБ принялись следить и за ней. Однажды заметили, как она опускала письмо в почтовый ящик в Центральном парке. Тотчас же связались с почтовым ведомством и, вскрыв ящик, выяснили адресат. Письмо с обратным адресом миссис Дани было адресовано «Истмен Кодак Компани» в Рочестере (Нью-Йорк).

Когда письмо пришло, в фирме Истмена уже ждал агент ФСБ. Любовница Дюкена, рекомендуясь специалисткой в области фотографии, что совершенно не соответствовало действительности, интересовалась достижениями «Истмен Компани» в опытах фотографирования в тумане. Разумеется, это был правительственный секрет, но чтобы не возбудить подозрений, был послан вежливый и бессодержательный ответ.

Тем временем шпион сам написал письмо, которое, вероятно, останется «классическим» образцом нацистской наглости. Вот оно:

«В военное министерство. Отдел химической войны. Вашингтон.

Джентльмены!

Мы заинтересованы в возможностях финансирования нашего изобретения в области химической войны. Нам неизвестно, оригинально ли оно, но мы желали бы изучить эту область, чтобы быть информированными на сей счет прежде, чем откроем наш секрет.

Мы слышали, что правительство опубликовало брошюру для тех, кто интересуется данными вопросами. Если это так и если есть возможность, просим сообщить нам, как мы могли бы получить экземпляр этой брошюры.

Считаем также нужным указать, если это имеет для вас значение, что мы патриоты и не допустим разглашения государственной тайны. С уважением

Ваш Ф. Дж. Дюкен».

Когда это письмо попало в руки агентов, Дюкен получил из военного министерства любезный по форме и насмешливый по существу ответ. Ему писали, что хотя просьба и не может быть удовлетворена, тем не менее военное министерство не питает никаких опасений, ибо он-де явно не такой человек, который был бы способен злоупотреблять секретной информацией.

Не прошло и дня, чтобы не раскрывалась какая-либо новая сторона деятельности и организации Дюкена. Однажды Франц Штиглер, старший пекарь на пассажирском пароходе «Америка», и шеф-повар Зиглер пригласили Себольда на вокзал, чтобы познакомить его с каким-то важным лицом. Человек этот, по имени Рене Мезенен, оказался официантом на трансатлантическом пароходе. В вокзальной уборной Мезенен извлек из носка и передал Себольду микропленку.

— Отправителю срочно нужны эти сведения, — сказал он. — Передайте Дюкену как можно скорее.

Уполномоченный ФСБ Фоксуорт срочно увеличил микропленку и прочел:

«Передайте всем друзьям... что технические вопросы сейчас не так интересуют нас, как военные. Мы желаем, чтобы каждый работал изо всех сил, непрерывно поставляя информацию по следующим вопросам:

а) точная мощность авиации с цифрами летного состава и вспомогательного технического состава на аэродромах;

б) подробности об авиационных школах, местонахождение, число учащихся, подготовка по специальности, длительность срока обучения, типы учебных самолетов;

в) особый интерес представляют все виды учебников, особенно такие, которых нет в открытой продаже;

г) исключительно важно: если летчики обучаются специально для Англии, то где именно проходят они курс обучения; сколько их, каким путем они направляются и когда назначены к отправке;

д) отправляют ли их на пароходах или на самолетах и какими именно маршрутами? Желательно завязать знакомство среди персонала военно-воздушных сил, найти людей, которые смогли бы дать все эти сведения».

ФСБ велело Себольду продолжать игру и отдать Дюкену точную копию микропленки. Такие запросы всегда передавались шпиону в нетронutom виде главным образом для того, чтобы знать, как много ему известно.

Между тем Себольд сделал своей штаб-квартирой музыкальную студию в комнате № 629 дома № 152 на 42-й Западной улице. Дюкен нашел идею замечательной. Ему и в голову не пришло, что в студии установлены диктофоны и

агенты ФСБ в соседней комнате слышат каждое произносимое здесь слово. Не догадывался он и о том, что в одной из стен студии скрыта камера киноаппарата.

Когда Себольд показал увеличенный снимок микропленки, которую привез официант с парохода, Фриц внимательно прочитал вопросы.

— Как? — воскликнул он. — Чортовы идиоты! Две недели назад я сообщил, что высылаю как раз эту самую информацию или большую часть ее.

— Вы послали не через меня?

— Гарри, — сказал Дюкен, всегда называвший Себольда псевдонимом, который присвоило ему гестапо, — никогда не кладите всех яиц в одну корзину.

— Вы хотите сказать, что есть другая радиостанция, о которой мне ничего не говорили?

— Да, в городе есть другая радиостанция, которую в любой момент можно пустить в ход, если ваша будет провалена. Но я не собираюсь пользоваться ею, а также не все доверяю курьерам.

— Вы ставите меня втупик, Фриц, — сказал Себольд.

— У меня имеются подставные адресаты в Южной Америке и в Китае, — сказал Дюкен. — В Шанхае есть китаец по имени Ванг, владелец туристского агентства. Я посылаю ему материалы авиапочтой, а он переправляет их своими путями в Германию. Все это очень просто, Гарри!

Упоминание о второй радиостанции в Нью-Йорке представляло величайший интерес для Гувера. Директору ФСБ было известно, что какая-то подпольная радиостанция с позывными РЕН была запеленгирована в районе Бронкс в Нью-Йорке некоторое время назад, но с тех пор молчит, что не дает возможности засечь ее.

Теперь Гувер разослал агентов по фирмам, которые продают радиооборудование. Быстрее, чем он сам мог надеяться, агенты напали на след. Продавец в магазине на Коргленд-стрит, в нижней части Манхэттана, вспомнил, что он продал части для радиостанции человеку по имени Джозеф Клейн, с адресом — мебельные комнаты на 126-й Восточной улице.

Продавец припоминал теперь, что Клейн показался ему весьма подозрительным малым. Но потом он опять с головой окунулся в повседневную суетню и позабыл обо всем, пока не явились агенты ФСБ.

На 126-й Восточной улице агенты узнали, что Джозеф Клейн — молодой человек, не имеющий определенных до-

ходов или заработка. Он снимал большую комнату вместе с двумя другими мужчинами — мистером Фредериком и мистером Хиллом.

Вскоре выяснилось, что мистер Фредерик — это бывший офицер германской армии Феликс Янке, а третий из этой компании оказался Акселем Уилер-Хиллом, женственного вида молодым человеком и редкостным подлецом. Уилер-Хилл, немец по происхождению, часто совершал рейсы между Нью-Йорком и Германией с тех самых пор, как Гитлер пришел к власти. Впоследствии он исчез из виду. Теперь, когда ФСБ принялось выяснять прошлое этого молодого человека, стало известно, что он проходил курс радио в «Союзе христианской молодежи».

К концу апреля 1941 года информация, содержащаяся в секретных письмах Людвигу, поставила агентов ФСБ в тупик. Каким-то образом Людвигу удавалось узнавать все больше и больше относительно отправления пароходов из нью-йоркской гавани. Если эти сведения пропустить, они окажут неоценимую услугу подводным пиратам Гитлера. Но если информацию задержать, нацисты могут пронюхать, что за ними следят, и принять свои меры. ФСБ, поконсультировавшись с другими правительственными учреждениями, избрало компромиссный путь. — мы не можем говорить о нем сейчас подробно, — и положилось на судьбу.

Фриц Дюкен, возглавлявший другой шпионский центр, также интересовался пароходами. Однажды, в конце апреля, он сказал Себольду:

— Гарри, мы должны помогать командованию подводных лодок больше, чем до сих пор.

— Что вы имеете в виду, Фриц?

— Я беседовал по телефону с одним из моих друзей, который был в Бруклине. Там одна старая посуда готовится к отплытию, и если командование подводной лодки не получит точных сведений об этом, нам будет стыдно.

— Как называется пароход? — спросил Себольд.

— «Робин Мур».

Хотя война между США и державами оси разразилась на семь месяцев позднее, гитлеровские подводные пираты уже к началу 1941 года сильно активизировали свои действия против торгового судоходства США. Два фрахтовых парохода, принадлежавших отделению «Стандард Ойл» в Нью-

Джерси, — «Джозеф Син» и «Джемс Мак-Джилл» — были торпедированы: один — на пути в Гавр, другой — в Ла-Манше. В австралийских водах был потоплен «Город Рейвилл», принадлежавший правительственной морской комиссии США и плававший под американским флагом. А четвертой жертвой стал «Чарльз Пратт», еще одна «старая посудина», как сказал бы Фриц Дюкен, торпедированная у берегов Западной Африки.

А теперь Фриц Дюкен говорил о «Робин Муре»! Себольд решил обеспечить передачу известия об отплытии парохода через свою рацию.

— Обязательно дайте мне знать о сроке отплытия, когда это станет известно, Фриц, — сказал Себольд, — и я передам по радио.

Для ФСБ было нелегкой задачей выслеживать каждого, кто входил в «Маленькое казино» — пивную в Йорквилле, ночной притон, где собиралась дюкеновская шайка. «Курьеры», которые передавали информацию, вроде Вильгельма Зиглера или Франца Штиглера с парохода «Америка», все были тертыми калачами и ловко играли в прятки.

Дюкен действовал всегда, исходя из предположения, что за ним следят, и учил каждого шпиона поступать точно так же. Он, например, входил в вагон метро на малолюдной станции, и затем, когда поезд трогался, снова выходил на платформу. Ему было прекрасно известно, что любой сыщик, который вошел вслед за ним в вагон, скорее останется там, чем выдаст себя.

Чтобы перехитрить его, ФСБ решило держать в резерве еще нескольких агентов на тот случай, если Дюкен применит свой трюк в метро. Но и это не помогло, шпион предвидел возможность подобной тактики и отвечал встречными хитростями, при помощи которых ему удавалось иногда ускользнуть от всех агентов, вместе взятых.

Повар Зиглер и пекарь Штиглер оказались в числе самых способных учеников Дюкена. Поэтому Себольд, который теперь по ночам посещал «Маленькое казино», всегда старался быть на-чеку, когда появлялась эта пара. Однажды после двухнедельного отсутствия они появились в ресторане с видом людей, узнавших массу интересных новостей, и Зиглер сказал Себольду:

— Я хотел бы, чтобы вы встретились с Францем и со мной в Центральном парке завтра после обеда.

— В чем дело? — спросил Себольд.

Зиглер многозначительно ухмыльнулся.

— Увидите. Там мы встретимся кое с кем, кто привез самые свежие новости.

На следующий день после обеда Зиглер, Штиглер и Себольд бродили вокруг назначенного места. Агенты ФСБ поместились с киноаппаратом на грузовике неподалеку. Себольд должен был гулять вместе с Зиглером, Штиглером и неизвестным еще третьим, маневрировать так, чтобы фигуры их попали в фокус киноаппарата.

Вскоре к ним подошел молодой человек угрюмого вида, по имени Гартвинг Клейсс, который оказался еще одним трансатлантическим «курьером». Он только что вернулся из длительной поездки на Юг, куда, как выяснилось, его сопровождали Зиглер и Штиглер. Он полез в карман и достал оттуда конверт. Зиглер велел передать конверт Себольду.

— Герр Себольд сделает для вас микро пленку, — объяснил Зиглер, — и вам будет легче прятать ее на обратном пути.

Менее чем через час перед Фоксуортом лежал перевод длинного отчета, написанного Клейссом на немецком языке. Приводим здесь отрывки:

«Я закончил свои задания на Юге. Жаль, что все это время со мной не было потайной фотокамеры.

Верфи в... (зачеркнуто цензурой. — А. Х.) в последнее время значительно расширились, и на них занято 11 тысяч человек. Спущены на воду различные... новые пароходы, кроме того, некоторые старые корабли от четырех до шести тысяч тонн ремонтируются и, по слухам, будут проданы в Англию... На территории самой верфи каждый квадратный метр пространства используется для строительства рабочих барачных домов, которое идет самым усиленным темпом. Рабочие немецкого происхождения держатся очень замкнуто. Многие из них имеют собственные дома и не пожелают скомпрометировать себя, так что никогда не знаешь, с кем имеешь дело.

Относительно авианосцев, которые строятся сейчас, я выяснил следующее: вес конструкции — 3 500 тонн; наружная броня днища до ватерлинии — один дюйм с четвертью».

Информация была занесена с некоторыми изменениями на микро пленку и возвращена Клейссу.

Ясна ли для вас теперь тактика Гувера, который медлит открыть огонь до тех пор, пока в его поле зрения не окажутся все шпионы и предатели? Допустим, например, что он задержал бы Дюкена и некоторых других. Тогда другие опасные агенты, вроде того же Клейсса, которые до сих пор не показывались, ушли бы в подполье еще глубже, след их на долгое время был бы потерян.

В своей шпионской деятельности немцы применяют сейчас более изощренные и опасные методы, нежели в первую мировую войну. Тогда ведущими фигурами шпионской сети в нашей стране были видные, иногда даже официальные персоны, вроде морского атташе германского посольства в Вашингтоне капитана Бойда, Франца фон-Папена и др., — все личности, каждый шаг которых, естественно, не мог не вызывать подозрений. Теперь германское посольство и различные нацистские консульства, несомненно, точно так же были в курсе всех шпионских дел, но активными шпионами были большей частью неприметные субъекты, хитрые и опасные хищники, скрывавшиеся под невинной личиной обывателя.

Тем временем Аксель Уилер-Хилл и Феликс Янке, два нациста, которые установили вторую радиостанцию на 125-й Восточной улице, перебрались в верхний этаж дома на авеню Колдуэлл в Бронксе. Агенты ФСБ видели, как они возятся с установкой радио, и предположили, что готовится пуск радиции при первом же сигнале из Германии. Новое жилище представляло идеальные условия для подпольной радиостанции, чего нельзя было сказать о прежней квартире.

Действовали они, видимо, более или менее самостоятельно. Насколько можно было установить, прямой связи между ними и Дюкеном не существовало. Если это так, значит ФСБ напало на след трех разных шпионских групп.

Уилер-Хилл работал шофером и развозчиком товара в фирме прохладительных напитков в Гринвич Виллидж. Агенты, следившие за ним, сразу же поняли преимущества этой работы: шоферу разрешалось пользоваться грузовиком и в нерабочее время. А так как на машине были намалеваны белой краской название фирмы и всякие рекламные надписи, то вряд ли она возбудит подозрения, если, скажем, и остановится неподалеку от важной оборонной зоны.

Эта догадка вскоре подтвердилась: однажды Уилер-Хилл вместе с Янке сел в грузовик и поехал в Бруклин. Агенты, следившие за ним, видели, как Янке вышел на пристани в Бруклине, возле Фултон-стрит, и, никем не останавливаемый, пошел прямо туда, где складывались предназначенные к отправке военные материалы. Янке направил на ящики карманный фонарик. Надписи на ящиках сказали ему все, что было нужно. Они раскрывали место производства, содержимое и адрес получателя. И тут же, озаренное лунным

светом, виднелось судно, на котором этот груз подлежал отправке.

Теперь Янке оставалось только узнать дату отплытия судна. Но и это было очень легко. Здесь же находился бар, где моряки, днем грузившие боеприпасы, проводили свои вечера. Янке зашел и заказал кружку пива. Агент, который последовал этому примеру, впервые за всю ночь смог как следует рассмотреть шпиона: бывший немецкий офицер соответственно переоделся для такого случая и выглядел портовым грузчиком.

Алкоголь в сочетании с болтливыми языками предоставлял Янке идеальные условия. Он сразу же завязал знакомство с двумя моряками. Улучив благоприятный момент, он задал простой вопрос:

— Когда вы отплываете?

— Во вторник ночью, — последовал ответ.

*

Глава седьмая

ПРОДАВЕЦ ИЗ КНИЖНОЙ ЛАВКИ

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Уилер-Хилл был занят в Буш-Терминале, одном из самых важных портов на всем атлантическом побережье.

Действуя подобно Янке, он в свою очередь получил кое-какие весьма важные сведения. Однако благодаря бдительности агентов ФСБ были приняты меры, сделавшие информацию, собранную этими шпионами, бесполезной для гитлеровских подводных лодок. Но сколько было еще уилерхиллов и янке, о которых федеральные агенты ничего не знали!

На следующий день два шпиона поехали на грузовике фирмы прохладительных напитков в книжную лавку на 85-й Восточной улице, в самом сердце «Малого Берлина», как называют теперь некоторые агенты Йорквилл. Продавец, темноволосый молодой человек, лет двадцати с лишним, обменялся с посетителями быстрым взглядом. Он поспешил к полкам, взял книгу в коричневой обертке и подал ее Уилер-Хиллу. Агенты ФСБ, которые наблюдали за происшедшим в сильные бинокли, не заметили, чтобы между обоими шпионами и продавцом происходили какие-нибудь долгие разговоры. Одно только было твердо установлено:

Уилер-Хилл не спрашивал книги, которая была передана, и не платил за нее. Таким образом, книжная лавка и служивший в ней молодой человек попали под наблюдение ФСБ.

Выяснилось, что молодой человек действительно работает продавцом и живет недалеко от лавки. На следующее утро сыщикам удалось сфотографировать его с помощью потайного аппарата. Было выяснено, что продавец этот, по имени Пауль Шольц, никогда не был под судом. Больше того, он никогда не попадал на заметку, несмотря на то, что ФСБ уже давно держало под наблюдением почти весь Йорквилл. Это был молодой парень с невинной внешностью, довольно апатичный на вид.

В ту же ночь Шольца выследили, когда он шел через мост Джорджа Вашингтона на Гудсонские горы, тихий маленький район в Северном Нью-Джерси. Он направился к дому на Палисад-авеню. Дом этот находился на территории одного из местных филиалов ФСБ (район Ньюарк). Нью-йоркские агенты запросили, не знают ли их местные коллеги, кто занимает комнату на втором этаже, ход со двора, в доме на Палисад-авеню, куда направился с визитом Шольц.

Да, кое-что было известно. Человек, к которому пришел Шольц, — Карл Альфред Рейнер, тридцатисемилетний натурализовавшийся в США немец, работавший механиком на авиационном заводе «Бендикс Эр-Ассошиейтед» в Порт-Джерси. Рейнер находился некоторое время под наблюдением. У ФСБ не было против него никаких улик: нет, наблюдали просто потому, что он состоял членом «Германо-американского союза» и работал на авиационном заводе.

Случилось, что Рейнер завел тесную дружбу с одним американским немцем, работавшим на заводе Бендикса, лойяльным молодым человеком, которого здесь мы назовем только по имени Курт.

Агенты ФСБ переговорили с Куртом и просили известить, как только Рейнер начнет обнаруживать дурные намерения.

Как часто случается, стало выплывать наружу все сразу. Не успели еще агенты выяснить отношения между Рейнером, Уилер-Хиллом и Янке и роль Шольца, как Курт явился в ньюаркский филиал ФСБ и рассказал, что Рейнер, немец, объяснился с ним начистоту.

— Курт, — промолвил он как-то во время обеденного перерыва, — ты можешь сделать много хорошего для мира, если захочешь.

— Каким образом? — спросил Курт.

Рейнер улыбнулся.

— Очень просто. Тебе известны важные производственные секреты, которых они не хотят никому открыть?

Курт кивнул.

— Отлично. Все, что от тебя требуется, — достать мне чертежи. Ты все время торчишь в конторе, где они хранятся.

— Но как? — спросил Курт. — Они хватятся, увидят, что чертеж исчез.

Рейнер снова улыбнулся.

— Ты просто сунешь его ночью в карман и тайком передашь мне. Я сфотографирую и верну через час.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Это для отечества. Курт, ты должен сделать все на свете для страны, где ты родился. К черту эту Америку!

Курт, заранее подученный ФСБ, спросил:

— Сколько я за это получу?

Рейнер уже не улыбался. Лицо его омрачилось.

— Как! — воскликнул он. — Ты можешь думать о деньгах в такое время?

— Но неужели я так-таки ничего не получу?

— Ты получишь нечто такое, чего нельзя купить ни за какие деньги. — Лицо Рейнера приняло торжественное выражение. — Курт, ты получишь портрет фюрера с его автографом!

Итак, Рейнеру понадобились производственные секреты завода Бендикс. Прекрасно, ФСБ снабдило его «секретами» — но какими! Специально для него был изготовлен фальшивый чертеж. Он был тщательно скопирован и через посредство Шольца переслан Уилер-Хиллу и Янке.

Обнаружилось, что Рейнер возглавляет нечто вроде самостоятельной шпионской организации, состоящей из членов «Германо-американского союза», которые работали на пяти-шести важнейших заводах в Северном Нью-Джерси и Восточной Пенсильвании и регулярно поставляли ему информацию. Агентам ФСБ становилось ясным, что нацисты ведут свою подрывную работу в США уже долгие годы.

К 1 мая 1941 года, когда шайка Дюкена находилась под наблюдением уже пятнадцать месяцев, а шайка Людвига около шести недель, было перехвачено еще одно письмо, отправленное по нацистскому подставному адресу в Лиссабон. Достаточно было взглянуть на это письмо, чтобы установить:

оно было напечатано на машинке Люси Бемлер, девушки из Маспета, которая работала для Людвиг. Текст гласил:

«... С финансовой точки зрения, моя нынешняя работа не оправдала ожиданий.. Как я уже писал, расходы оказались гораздо большими, чем можно было предположить, и в дальнейшем еще увеличатся, так как я ставлю свое дело на широкую ногу... За прошлые два года не имел возможности внести на текущий счет ничего... напротив, мне пришлось израсходовать то, что отложил в лучшие времена».

Письмо было подписано «Джо», что значило Людвиг. Когда чистая сторона бумаги подверглась соответственной обработке, выступил второй текст, написанный рукой Людвиг:

«Авиационный завод Груммана в Лонг-Айленде: согласно сведениям, только что полученным от друга Эллен, который работает там, производство нового типа ракет (ФСФ-1) еще не началось, единственный экземпляр, который был изготовлен, имеется в распоряжении флота США. Сейчас они работают над новым самолетом для флота — подробности позднее. Строительство новой фабрики еще не закончено, возникают затруднения с поставкой стальных ферм и других стальных частей, — уже возведены стены, и часть здания перекрыта кровлей. Некоторое время назад Грумман получил заказ на сотню истребителей (Г-36А-2), — двадцать из них закончены, но все еще стоят здесь и покрываются пылью. Работа по заказам Британии временно прервана, видимо, до тех пор, пока не будут урегулированы платежи. В производство к концу 1940 года были включены истребители для флота США, гидропланы и самолеты для гражданской авиации. Теперь выполняются заказы флота США на 81 истребитель (Фи Ф32); нынешняя продукция — четыре истребителя в день; в прошлом году было два в день. Британские заказы составляют около 15 процентов всей продукции».

Агенты ФСБ обратили внимание на имя «Эллен». Для них оставалось неясным, псевдоним ли это Люси Бемлер или же в заговоре замешана еще одна женщина. Если так, то женщина эта создавала для ФСБ новую проблему, ибо любые сведения о заводе Груммана были важной военной тайной.

Кроме того, завод Груммана был не единственным предприятием, находившимся под бдительным надзором шайки Людвиг.

В лаборатории британской цензуры на Бермудах обнаружили написанное невидимыми чернилами письмо:

«Авиационный завод Белла-Буффало

Рабочих и служащих . . .	15 октября 1939 г.	— 1 064
Рабочих и служащих . . .	1 января 1940 г.	— 1 160
Рабочих и служащих . . .	15 октября 1940 г.	— 3 237
Рабочих и служащих . . .	31 декабря 1940 г.	— 4 300

Оборот: на 15 октября 1940 г. — около 65 миллионов долларов. январь 1941 г. — около 60 миллионов долларов.

Продукция: октябрь 1940 г. — около трех Р-39 для армии США и трех Р-40 для Британии».

И, наконец, еще одно письмо, также от Людвига:

«... 30 и 22 апреля у мола был замечен пассажирский пароход «Принц Египетский» в 3 490 тонн, — черный корпус, желто-бурая палубная надстройка. 20 апреля на баржах возле мола 90 обнаружены четыре бомбардировщика (Гудсон) и три торпедных катера; 13 апреля на молу 4-Бруклин — британское судно «Принц Уэльский», — темносерый корпус, желтая надстройка, черная дымовая труба. На молу 3 — голландское судно, на молу 2 — английский пароход, около шести тысяч тонн, черный корпус, желто-бурая надстройка, черная дымовая труба, название, к сожалению, не удалось выяснить».

Кто поставляет Людвигу эти сведения, в которых каждая мелочь соответствует действительности? Людвиг редко получал письма по домашнему адресу в Бруклине и на почтовый ящик в Центральном почтамте Нью-Йорка. Наблюдение за ним не прекращалось с тех пор, как впервые попали на след; между тем агенты ФСБ были уверены, что всю эту шпионскую работу Людвиг выполнял не один.

Однажды ночью Людвиг отправился в небольшой городок Нортпорт, что возле Ойстер-Бей, на северном побережье Лонг-Айленда. Он зашел в маленький темный коттедж, расположенный в уединенном месте, у самой воды. В одной из комнат зажегся свет, но шторы были задернуты. Сыщикам так и не удалось увидеть, что там происходит. Людвиг оставался в коттедже почти два часа. Потом он вышел, и его проводили до самого дома; дальше преградой для агентов ФСБ оказался закон: им не разрешалось входить в частные квартиры без ордера на обыск.

Все же было ясно, что у Людвигу имеется радиопередатчик — третья нацистская радиостанция в Нью-Йорке — и налажена связь со станцией АОР в Гамбурге. Очевидно, он оперировал одним из новых нацистских кодов, которые нельзя расшифровать, не зная, какая книга является ключом. Видимо, Людвиг пользовался радио лишь для самых срочных сообщений, например об отплытии судна с важным грузом в Англию.

Вслед за открытием, сделанным агентами ФСБ в Нортпорте, Люси Бемлер и Людвиг были замечены в Риджвудском квартале в Бруклине. Они вошли в обыкновенный деревянный домик, ничем не выделяющийся среди других стандартных домов. При обычных обстоятельствах это, конечно, никак не могло бы показаться интересным. Но любой

дом, в который заходил любой человек, с которым встречались Людвиг или Люси Бемлер, становился подозрительным. Соседи сказали, что в домике живет супружеская чета Мейеров. Никто не знал имени мужа, но каждый знал его жену. Ее звали Эллен-Паулина Мейер; это была высокая, стройная тридцатилетняя женщина увядающей прелести. Известно было, что некий немец приехал сюда за несколько лет перед войной и здесь женился на Эллен, бруклинской девушке немецкого происхождения. Муж, работавший в механических мастерских, вовсе не стремился стать американским гражданином или сколько-нибудь усовершенствоваться в английском языке. Недавно он покинул жену и уехал в Германию.

Неказистый домик Эллен-Паулины Мейер за последнее время стал местом ночных сборищ. Гости расходились обычно к утру, и соседи изредка слышали, как они прощались с возгласами: «Хайль Гитлер!»

Между тем Людвиг продолжал навещать дом в Манхэттане, возле моста Джорджа Вашингтона, где жил доктор Борхардт, лысый специалист по анализу фактов. К тому времени в соседней комнате под видом художника поселился агент ФСБ.

Борхардт проводил большую часть времени за чтением и пишеущей машинкой. Агент ФСБ в соседней комнате слышал стук машинки даже между тремя и четырьмя часами утра. Образчик шрифта с машинки Борхардта еще не удалось достать, и не было уверенности, что перехваченные письма написаны этим человеком. Возникло предположение, что Людвиг уносил аналитические сообщения Борхардта, перепечатывал их и даже редактировал, излагая более сжато.

Не исключалась и другая возможность: Борхардт мог представлять для Берлина такую ценность, что оттуда был дан наказ не подвергать его ни малейшему, даже самому легкому, риску, связанному с подпольной работой.

Однажды, когда Людвиг отправился к Борхардту, Люси села в трамвай и поехала в Нью-Йорк. Здесь она прежде всего зашла в телеграфное отделение на 42-й улице. Агент ФСБ встал у окошечка рядом с ней и, чтобы рассеять подозрения, попросил совета: как сочинить текст поздравительной телеграммы.

— Что бы такое придумать подходящее для четырехлетней маленькой мисс ко дню ее рождения? — спрашивал он. Люси даже улыбнулась ему.

Трудясь над своей телеграммой, сыщик продолжал наблюдать за Люси. Видимо, она хорошо знала, что ей нужно писать: карандаш быстро бегал по бумаге. Агент все еще во-зился с поздравительной депешей, а Люси уже оторвала бланк со своей телеграммой от остальной пачки и протянула ее клерку.

Когда Люси ушла, агент взял пачку с бланками и оторвал верхний листок. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: бланк этот следует отправить в Вашингтон, где при помощи лабораторной обработки сумеют прочитаться следы, оставленные на нем карандашом Люси. Вскоре выяснилось, что она телеграфировала Фриско, нацистскому подставному лицу в Лиссабоне:

«Доктор и Рене продолжают работать, отплытие завтра. Джо».

Это означало, что Борхардт работал над какой-то информацией, которую передал некий Рене. Подпись «Джо» означала — Людвиг. Но кто такой этот Рене и где он?

Пока агент в телеграфном отделении рассматривал бланк, другие сыщики, чередуясь, чтобы не привлечь внимания Люси, провожали ее в контору трансатлантической телеграфной компании «Уэстерн-Юнион» на Гудсон-стрит № 84.

Здесь она справлялась, не приходила ли телеграмма по условному адресу «Аджибоэ». Получив отрицательный ответ, Люси выразила разочарование. После ее ухода агенты ФСБ выяснили, что «Аджибоэ» — условный телеграфный адрес, присвоенный 7 марта Люси Бемлер из Маспета. Девушка получила, по словам клерка, несколько телеграмм из Лиссабона и Мадрида. Немедленно были даны указания сохранять копии всех телеграмм, получаемых на этот адрес.

Из «Уэстерн-Юнион» девушка направилась в Центральный нью-йоркский почтамт на 8-й авеню; из этого почтового отделения шли все письма, перехваченные на Бермудах. Люси вынула ключ из сумочки и открыла почтовый ящик № 185. Сыщики заметили, что писем там не было, но девушка вынула два журнала. Журналы были скатаны в трубку и обернуты бумагой, так что названий узнать не удалось.

Заместитель начальника отделения сообщил агентам, что утром прибыли два технических журнала: один авиационной, другой — сталелитейной промышленности. Журналы издавались здесь же, в Нью-Йорке. Было отдано распоряжение узнать в отделах подписки, кто именно выписывал журналы на почтовый ящик № 185. Между тем заместитель начальника разыскал заявление о предоставлении ящика: оно было

подписано Людвигом и датировано пятнадцатым числом прошлого месяца.

Прежде чем уйти, Люси купила марок для авиапочты на пять долларов. Видимо, Людвиг и его группа собирались отправлять много писем.

Гувер был озабочен. Прежде всего нехватало работников: многие из лучших агентов были заняты шайкой Фрица Дюкена. Грозовые тучи войны, собиравшиеся на горизонте, и связанная с этим работа поглощали внимание других квалифицированных и опытных работников. Спешно принимали и обучали новых агентов, но события шли быстро, и люди не успевали пройти курс обучения.

Но вернемся к Люси. . . Она вышла из метро и направилась к дому на Айшем-стрит, где жил Борхардт. Здесь пути агентов скрестились. Сыщик, игравший роль художника, сидел в своей комнате, приложив ухо к стене. Он услышал, как к Борхардту вошла Люси. «Профессор», видно, никогда не встречался с девушкой.

— Ах, — сказал он по-английски, — какая же вы красotka! Давайте выпьем, прежде чем говорить о деле! . .

Люси рассмеялась и ответила, что не откажется пропустить стаканчик-другой.

— Мне кажется, что кто-то шел за мной от почтового отделения по дороге сюда, — сказала она.

— Почему вы думаете? — живо спросил Борхардт.

— Не знаю, — сказала девушка. — Просто было такое чувство.

— Вы кого-нибудь видели?

— Нет.

— Ах, — заключил Борхардт, — конечно, за вами шли. И кто бы не пошел за такой хорошенькой девушкой, как вы?

Но Люси не собиралась поощрять ухаживания Борхардта.

— Где мистер Людвиг, профессор? — спросила она. — Я думала встретить его здесь.

— К сожалению, он должен был уйти. Вот ваше виски.

— Благодарю, профессор. Я принесла кисточки из верблюжьего волоса; мистер Людвиг говорил, что они вам нужны.

Впоследствии удалось установить, что некоторые из писем, перехваченных на Бермудах, были написаны секретными чернилами с помощью таких кисточек.

Затем собеседники перешли на немецкий язык. Агент не понимал по-немецки. Но он заметил, что в разговоре часто повторялось слово «Рене».

Имя Рене неоднократно повторялось и в телеграмме, которая на следующий день пришла на имя Люси. Сам по себе текст казался довольно безобидным, но этот Рене — мужчина или женщина — был, очевидно, немаловажной спицей в шпионском колесе. В телеграммах на имя Люси упоминались и другие персонажи: профессор, иногда называемый доктором; Эллен (очевидно, Эллен Мейер), домашняя хозяйка из Бруклина, и два новых имени — Ганс и Карл.

В отделе подписки на журналы выяснилось, что издания, высылавшиеся Курту Людвигу на почтовый ящик № 185, проходили через руки продавца журналов по имени Рене Фрелих из Бруклина. Может быть, это даст ключ ко всей проблеме!

Отправившись по адресу Фрелиха, который жил недалеко и от Эллен Мейер и от Курта Людвига, агенты ФСБ узнали, что Рене служил в армии Соединенных Штатов. Он был одним из тех, кого в конце февраля мобилизовали и направили на пункт сбора призывников в лагерь Аптон (Нью-Йорк).

По спискам личного состава лагеря Аптон установили, что Фрелих отправлен в форт Беннинг (Джорджия) 28 февраля, через четыре дня после зачисления на военную службу, и что сейчас он служит в 4-й дивизии, рота Ф, 8-й пехотный полк.

Агент из Атланты поехал в форт Беннинг поглядеть на Фрелиха.

На первый взгляд казалось, что этот юноша с почти девичьей походкой не в состоянии раздобыть сколько-нибудь важные шпионские сведения. Впрочем, любые сведения из армейского лагеря всегда представляли бы ценность для такого искусного аналитика, как Борхардт.

За Фрелихом следили круглые сутки. Сыщик заметил: всякий раз, когда нужно было отправить письмо, Рене выходил за пределы форта. Это был хитрый парень. Он никогда не оставлял в казарме ничего, что могло бы вызвать хоть малейшее подозрение.

Отправленная Люси в Лиссабон телеграмма с указанием, что «готовится отплытие», подействовала именно так, как предвидели агенты. Людвиг сделал еще один визит «профессору». Борхардт в это время усердно печатал на машинке. Агент в соседней комнате услышал, как Людвиг сказал по-английски, видимо, просмотрев написанное Борхардтом: «Профессор, это великолепно. Они будут довольны».

Затем агент слышал, как щелкнули каблуки и два гортанных голоса воскликнули в унисон: «Хайль Гитлер!»

В ту ночь Эллиен Мейер устроила большой прием. Агенты, направившие бинокли на окна гостиной Мейеров, видели много мужчин со стаканами и кружками в руках. Это было непохоже на обычную вечеринку. Люди собирались в уголках гостиной, видимо, обсуждая нечто серьезное. Здесь были Людвиг и Люси. Нехватило агентов, чтобы выследить каждого из гостей до его дома; и сыщики решили следовать за двумя молодыми людьми, которые держались все время вместе и на вид казались еще более прожженными малыми, чем остальные.

Оказалось, что они живут недалеко друг от друга в Манхэттане. Оба были немногим старше двадцати лет. Гуверовским агентам скоро удалось выяснить их личности. Один был Ганс Пагель, мрачный человек в очках с толстыми стеклами, а другой — Карл Мюллер. Ганс и Карл — типичные немецкие имена. Как раз те самые имена, которые упоминались в телеграммах на имя Люси из Лиссабона. Молодые люди, казалось, не имели определенных средств к существованию.

Теперь даже самому Гуверу было трудно удержать в памяти все имена и обстоятельства дела. А ведь это было лишь одно из многочисленных дел, которым занимался руководитель ФСБ. И все же ситуация прояснялась с каждым днем. Людвиг был приемщиком всей информации, какую поставляли Фрелих, Эллиен Мейер и, несомненно, также Ганс Пагель и Карл Мюллер. Затем Людвиг передавал все сведения «профессору» для анализа. Борхардт возвращал их в обработанном виде, и тогда Людвиг, Люси и Эллиен Мейер спешно принимались за письма.

На следующее утро после визита к «профессору» Людвиг подъехал в автомобиле к дому Люси Бемлер в Маспете. Он выглядел бледным и усталым; в этом не было ничего удивительного: после вечеринки в доме Эллиен Мейер, закончившейся к трем часам утра, Людвиг проработал всю ночь напролет. Он спустил шторы в комнате, но до утра в щель был виден свет. Очевидно, Людвиг работал над последней информацией, которую собирался послать в Лиссабон. Пароход отбывал в тот же день.

Людвиг недолго оставался у Люси. От нее он сразу же отправился к себе. Через несколько минут после его ухода Люси поехала в Нью-Йорк. Она пошла прямо в главный почтамт, к окошку воздушной почты. Прежде чем открыть сумочку, она достала из кармана и надела перчатки. Затем вынула письмо и опустила в ящик для воздушной почты.

Агенты ФСБ отметили про себя, что, несмотря на всю свою осторожность и хитрость, члены шпионской шайки подчас вели себя просто глупо. Люси надела перчатки для того, чтобы на конверте не осталось отпечатков ее пальцев, как будто бы это могло иметь какое-нибудь значение после того, как конверт пройдет через столько рук.

Дальше стало выясняться, что оба парня — Пагель и Мюллер — немаловажные звенья шпионской шайки. Они работали главным образом на пристанях. Утром, в первый же день слежки, каждый из них отправился из дому пешком по направлению к реке Гудсон. Встретившись здесь, они побрели в нижнюю часть города, стараясь держаться поближе к молам больших паровых компаний вдоль Гудсона. В 1941 году, когда все это происходило, дядя Сэм еще не был на-чеку. Самолеты, боеприпасы для союзников складывались в штабеля на доках Уэст-Сайда в Нью-Йорке, и их местонахождение отнюдь не хранилось в секрете. Агенты видели, как Мюллер и Пагель бродили по докам и разглядывали большие ящики с надписями, указывавшими их содержимое и место назначения. Шпионы ухмылялись друг другу, делая замечки и слоняясь то по одному молу, то по другому.

Федеральные агенты не сомневались в огромной ценности информации, собираемой Пагелем и Мюллером, особенно если она передавалась такому человеку, как Борхардт. Но у агентов были связаны руки: они не могли задержать этих двух парней сейчас же. Преждевременный арест подал бы сигнал тревоги всей шайке. К счастью, у дяди Сэма имелся козырь: цензура на Бермудских островах.

Однажды утром Борхардт неожиданно изменил своим привычкам. Вместо того чтобы после короткой прогулки и покупки утренних газет вернуться на Айшем-стрит, он сел в такси и отправился на Баттери-Плейс, № 17. Сыщики остались у входа. Они не имели права войти: там помещалось германское консульство.

Борхардт вошел в здание с пустыми руками, а вышел с большим пакетом. Затем он направился домой. Долгое время сыщик в соседней комнате ничего не слышал. Он решил, что сосед изучает принесенное из консульства. Затем заработала машинка, и стук ее продолжался непрерывно несколько часов. Перед вечером Борхардт вернулся в консульство на такси; он вез тот же самый пакет, но теперь пакет стал объемистее. «Профессор» оставался в здании на Баттери-Плейс всего несколько минут и вышел оттуда с пустыми руками.

ПЕЧЬ НА БАТТЕРИ-ПЛЕЙС, 17

ГЛАВНЫЙ ПРИВРАТНИК здания на Баттери-Плейс, 17, американский ирландец средних лет, Уолтер Моррисон всей душой ненавидел нацистов, работавших в консульстве. Желая быть полезным своей стране, Моррисон решил достать кое-какие материалы из того бумажного хлама, который часто приносили ему атташе германского консульства с тем, чтобы сжечь все это в котельной.

Моррисон только не знал, как ему следует действовать, и посоветовался с надежным другом, полицейским лейтенантом в отставке.

— Какие-то личности, — сказал он бывшему полицейскому, — очевидно агенты германского консульства, время от времени приходят сюда с большими связками бумаги. Они стоят и смотрят, пока я бросаю эти связки в топку. Должно быть, — добавил привратник, — это важные бумаги, иначе их просто бросали бы в корзину, как обычно.

— И часто они жгут эти бумаги?

Моррисон пожал плечами.

— Раз в неделю или около того. В общем нерегулярно. Видно ждут, покуда накопится большая связка, а потом передают мне для уничтожения.

— Когда они были в последний раз?

— Вчера после обеда. Значит, бумаг не будет больше примерно с неделю.

— Всегда ли они стоят и ждут, пока вы бросите связки в топку и закроете дверцу?

Моррисон покачал головой.

— Нет, не всегда, — сказал он. — И вот как я могу провести их: все, что требуется, — это переключить тягу в топке. Затем я могу бросить бумагу внутрь. Обгорит только верхний слой связки, а потом огонь потухнет.

— Вы можете сделать это незаметно?

Моррисон кивнул утвердительно.

— И вам всегда заранее известно, когда они должны прийти?

— Да. Я помогаю им таскать бумаги.

— Чудесно, — сказал друг. — Может быть, вы сумеете достать что-нибудь такое, за что ухватятся агенты ФСБ.

Моррисон ухмыльнулся.

— Я переключу тягу, и бумаги будут в такой же безопасности от огня, как если бы они находились в баке с водой.

Через два дня пути разных сыщиков сошлись у дома Эллен Мейер. После десяти часов утра показалась Люси. Через некоторое время пришел Людвиг, а вслед за ним молодые люди с пристани, Ганс и Карл.

Агенты ФСБ сняли к тому времени комнаты по соседству в этом районе.

Мюллер и Пагель весь день слонялись по молам Уэст-Сайда, а вечера проводили в портовых кабачках, где собирались моряки. Шпионы прикидывались веселыми ребятами, евязывались в разговоры и ставили выпивку. Улучив момент, Мюллер вкрадчиво спрашивал моряка: «Долго думаете пробыть здесь?»

Моряк обычно выбалтывал кое-какие сведения о том, когда должен отплыть корабль. Пагель и Мюллер не спрашивали, куда и с каким грузом. Это они знали заранее. Все сведения, которые они добывали, систематизировал Борхардт. «Профессор» был знатоком судоходства, и его хозяйка, миссис Бенсингер, сообщила сыщикам, что заметила в его комнате регистр Ллойда — справочник о тоннаже всех пароходов.

Легко себе представить, что предпринимал «профессор», получив от Пагеля и Мюллера сообщение, что такой-то пароход с грузом деталей для самолетов отправляется по такому-то назначению и затем, в довершение всего, становилась известной дата отплытия. После этого «профессору» оставалось только позвонить в германское консульство. А консульство уже делало все остальное, то-есть передавало сообщение слово в слово германскому посольству в Вашингтоне, которое, в свою очередь, пересылало его шифром по радио прямо в Берлин. Из Берлина весть шла к подводным лодкам, и на этом цепь кончалась, если не считать торпед, которые отправляли обреченный корабль на дно морское.

Меньше чем через час после того, как Люси, Людвиг, Пагель и Мюллер собрались в доме Эллен Мейер, все они, в том числе и Эллен, вышли и сели в машину Людвиг. Агенты ФСБ пустились вслед за ними в нескольких других машинах. Первая остановка была в Бруклине, на заводе «Сперри Жирокс Компани», где изготовлялись тщательно засекре-

ченные авиаприцелы. Машина остановилась прямо у главного входа на завод, Людвиг вышел и сделал несколько снимков с помощью потайного фотоаппарата.

С завода Сперри группа подъехала к авиационному заводу Брустер в Лонг-Айленде. Здесь Людвиг снова занялся фотографированием. Незадолго до полудня агенты ФСБ проследовали за нацистами на авиационный завод Груммана, также в Лонг-Айленде. Людвиг сделал еще несколько снимков, потом сел в машину, но не подал знака ехать дальше. Казалось, он ждал кого-то.

В полдень рабочие хлынули с завода. Один ничем не примечательный молодой рабочий направился прямо к машине Людвигу, словно ждал ее. Людвиг остался в машине и беседовал с рабочим около двадцати минут. Затем рабочий поспешил назад на завод. Следовать за ним было бесполезно: агенты понятия не имели, как он выглядит, и вряд ли сумели бы узнать его среди сотен других рабочих.

Компания вернулась к дому Эллен Мейер, а затем разошлась в разные стороны. Людвиг поехал в Манхаттан к филиалу «Манюфакчерерс Трест Компани» на 5-й авеню, № 513. Он попал туда как раз перед закрытием. Агенты видели, как он получал деньги. ФСБ срочно затребовала выписки из банковских книг, касавшиеся вкладов Людвигу. Выяснилось, что он открыл в этом учреждении текущие счета по чековой и сберегательной книжкам в феврале — как раз на другой день после того, как фон-дер-Остен поселился в отеле Тафт под именем Лопеса. Людвиг открыл свой счет вкладом в 3 000 долларов наличными на каждую книжку. Очевидно, фон-дер-Остен дал ему денег на шпионскую работу. Обследование финансового положения Людвигу показало, что раньше в Бруклине у него не было ни гроша.

До сих пор, то-есть за четыре месяца, Людвиг взял всего несколько сот долларов со своего счета, и агентов ФСБ особенно заинтересовало, что в этот день Людвиг взял сразу 200 долларов — большую сумму для него. В чем дело? Какие события ожидались?

Тем временем с Бермудских островов в Вашингтон, а от туда в управление ФСБ на Фоли-Сквер пришло известие, что цензоры перехватили одно из новых писем. Содержание его носило совершенно сенсационный характер. Хотя письмо это не может быть сейчас опубликовано, можно с уверенностью

сказать, что оно раскрывало американским властям глаза на реальную опасность, которую представляла собой шпионская банда.

Становилось все более очевидным — она получала шпионские сведения из множества различных источников, о которых ФСБ еще не знало. Подробные данные относительно продукции стали, производства снарядов и самолетов передавались с поразительной точностью. «Профессор» Борхардт, очевидно, знал свое дело так же хорошо, как и те, кто доставлял ему сведения.

Анализом письма было установлено, что большая часть информации поступала к Людвигу через Элен Мейер. Гувер решил послать как можно больше наблюдателей в окрестности дома Мейеров.

Фрау Мейер была типом женщины, которая, по мнению опытных людей, способна вытянуть важные сведения у самого неболтливого человека. Агенты видели, как она во время ночной вечеринки флиртовала на кухне с одним из своих молодых гостей. Будьте покойны, каждое движение Элен тщательно регистрировалось! С такой же тщательностью отмечалось поведение и каждого мужчины, с которым она общалась.

В последнем перехваченном на Бермудах письме говорилось о величайшем в мире пассажирском пароходе «Нормандия», который стоял в доке на реке Гудсон. Людвиг написал это письмо невидимыми чернилами между строк, напечатанных на машинке. Он упоминал, что Ганс и Карл сообщили, как легко было бы устроить пожар на «Нормандии».

Имя Рене Фрелиха фигурировало в той части письма, где со всеми подробностями сообщалось о составе, характере и возможностях войсковых частей в различных южных лагерях. Такую информацию мог собрать только Фрелих, беседуя с призывниками, которые побывали в других лагерях, прежде чем попали в форт Беннинг.

Рано утром, после того как Людвиг взял деньги из банка, неожиданно выяснилось, зачем понадобились эти средства. Людвиг вышел из дома с чемоданом, подъехал к дому Люси и подал сигнал. Люси поспешно выбежала. У нее в руке тоже был чемодан. Улыбаясь, села в автомобиль. Поехали.

Они направились через Холленд-Туннель в Нью-Джерси. Агенты ФСБ не были подготовлены к такому путешествию.

Людвиг выехал на Линкольнское шоссе, ведущее в Трентон. У агентов была только одна машина. Один из них вышел из автомобиля и сообщил по телефону в Нью-Йорк, а двое продолжали слежку.

Это оказалось нелегкой задачей. Одной машины условно было недостаточно, чтобы следить во время поездки. Невозможно было угадать, что предпримет Людвиг.

Проехали через Трентон, пересекли реку Делавэр в Пенсильвании; стало ясно, что Людвиг направляется в Филадельфию. Еще один агент вышел из машины, чтобы позвонить по телефону в Нью-Йорк, откуда, в свою очередь, связались с Филадельфией. Описание автомобиля, в котором ехал Людвиг, и сведения о машине агента ФСБ были переданы в Филадельфию с заданием выслать оттуда три машины с агентами; они должны были догнать Людвиг и его преследователя на Бульваре Рузвельта, на окраине Филадельфии.

Замысел увенчался успехом. Нью-йоркский агент, следживавший Людвиг, неожиданно заметил следовавшую за ним машину. Он поглядел в зеркальце и поймал сигнал, означавший, что все идет хорошо и что позади идут еще две машины с агентами.

Шпион и его секретарша проехали через Филадельфию по направлению к Мэриленду. Они не останавливались позавтракать, а закусили сэндвичами, захваченными Люси. Нью-йоркский агент направился обратно, а трое филадельфийцев продолжали охоту за дичью.

Людвиг прибыл в Мэриленд. Он и Люси остановились в отеле «Фредерик», заняв смежные номера. В книге для посетителей он записался как Джозеф Кесслер из Сан-Франциско, а девушку назвал Люси Бем, своей секретаршей. Люси и ее хозяин побродили по отелю, рано пообедали и посетили кино. Наутро продолжавшие наблюдение агенты из Балтимора проследили, как оба шпиона направились в лагерь Мид. Людвиг остановил машину невдалеке от лагеря и принялся фотографировать. Агенты, прятавшиеся в поле, наблюдали его в бинокль.

У федеральных агентов обычно очень хорошие бинокли. Они дают возможность прекрасно видеть с очень большого расстояния. Агенты ФСБ заметили, что Люси вышла из машины и затеяла флирт с каким-то солдатом из лагеря. Она беседовала с ним несколько минут.

Потом Людвиг и Люси снова вошли в машину и поехали прямо на правительственный испытательный полигон в Абердине. Людвиг и здесь сделал несколько снимков. Затем он направился к Эджвудскому арсеналу. Когда он в ту ночь вернулся в окрестности лагеря Мид, у него были снимки с арсенала и, без сомнения, свежие сведения, так как он беседовал с несколькими рабочими.

Людвиг со своей спутницей зашли в бар возле лагеря. Там они увидели солдата, с которым Люси флиртовала утром. Все трое сели пить пиво. В бар ввалилось множество других солдат. В мгновение ока Людвиг поставил пиво целой группе. К десяти часам пиво начало действовать, языки развязались. Людвиг задает множество вопросов; агенты сидят тут же рядом и слушают. Шпион расспрашивает солдат, откуда они, в каких лагерях побывали, как там жилось, задает хорошо обдуманые вопросы о том, что делается в лагере.

Солдаты простодушно отвечают.

Водянисто-голубые глаза Людвига сверкают за стеклами очков, рыхлое лицо покрылось румянцем. Он доволен.

Часы бьют одиннадцать. Входят еще двое солдат и заказывают прохладительные напитки. Их внимание привлекает группа за столом Людвиг. Один из агентов толкнул своего товарища локтем.

— По-моему, сейчас будет жарко, — сказал он.

Действительно, не прошло и двадцати минут, как двое трезвых солдат начали возмущаться и хмуро поглядывать на болтливых ребят. Они слышали, как Людвиг ловко задает вопросы подвыпившим парням. Наконец, оба встают и подходят к группе за столом.

— Послушайте, ребята, — говорит один солдатам, — идите-ка лучше обратно в лагерь. Вас ловит на удочку этот немец!

Людвиг невинно спрашивает:

— Уж не обо мне ли вы говорите?

— Да, о тебе. Я думаю, что ты шпион! Выведываешь военные тайны у этих глупых парней, которые позволили напоить себя.

Казалось, солдаты внезапно протрезвели. Ропот прошел по группе. Подбежал владелец бара: он не хотел никаких инцидентов.

— Здесь не будет драки, — воскликнул один из солдат, разговаривавших с Людвигом. Он бросил многозначительный взгляд на приятелей. — Не здесь, а, ребята?

Парни подхватили намек.

— Нет, — ответил один, дрожа от досады. — Не здесь. Вытащим старого негодяя на улицу и там взгреем.

Людвиг весь съежился в своем углу, а Люси затаила дыхание. Солдаты грозно и медленно собирались вокруг немецкого шпиона.

Оба агента — хорошие психологи — решили, что двое трезвых солдат — явно толковые люди. Агент отвел одного в сторону и показал свое удостоверение.

— Вы испортите дело, над которым мы работаем, — объяснил он, — если допустите, чтобы избili этого человека. Можете быть уверены, что мы не упустим его, когда закончим расследование.

— Что я должен делать? — спросил солдат.

— Отправляйтесь-на скоренько к вашему приятелю и шепните ему, в чем дело. Затем велите другим прекратить эту историю: мол, на улице вмешается полиция. Уверьте их, что вы с приятелем сами займетесь голландцем и девушкой.

— А дальше?

— Схватите этих шпионов за шиворот и вышвырните на улицу. Велите им убраться, скажите, что если они еще раз сунутся сюда, то вы уж займетесь ими всерьез.

Солдат пожал руку агенту.

— Договорились, сэр, — сказал он. — Я сделаю все, как следует быть.

Агенты положили счет на стол и быстро вышли за двери. Они видели, как солдат, с которым они разговаривали, и его приятель, проталкиваясь в баре к центру группы, что-то быстро говорили и жестикулировали. Взбешенные ребята из лагеря Мид оглянулись, видимо опасаясь, как бы сюда не пожаловала военная полиция, затем медленно разошлись по углам бара. Агенты видели, как двое трезвых солдат о чем-то серьезно и твердо разговаривали с Людвигом.

Людвиг позвал официанта, оплатил счет и направился к двери вместе с Люси и обоими солдатами. Уход их сопровождался крепкими словечками и довольными возгласами других солдат.

Агенты ФСБ сели в машину; мотор был запущен, они приготовились продолжать наблюдение. Шпион и его белокурая помощница вошли в автомобиль и посхали, а за ними на почтительном расстоянии последовала машина с сыщиками.

ТУРНЕ

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Людвиг и Люси покинули отель и поехали на юг. Они направлялись в Виргинию. Преследовать их по пятам было трудно. Трое агентов ехали в одной машине. Не следовало слишком приближаться, чтобы не выдать себя. Сильно отставать тоже было рискованно.

Людвиг, очевидно, не подозревавший слежки, все же ехал со скоростью восемьдесят миль в час, как человек, который остерегается полицейских: так легче заметить, если позади едут с такой же скоростью.

Все же агенты не отставали от Людвига. Впрочем, немец, очевидно, не думал о полиции. Он даже не применил старого приема: замедлить ход и поглядеть, не замедлит ли ход и машина позади.

Весь день шпион мчался вперед. Усталые, измученные и голодные трое агентов ФСБ сидели поздно ночью в номере отеля «Кейп-Чарльз» и составляли рапорт Гуверу.

В рапорте сообщалось, что Людвиг посетил лагерь Пендлтон, форт Стори, форт Мейер, форт Бельвуар, Лангли-Филд и Ньюпорт-Ньюс. В каждом он останавливался, выхолил из машины и делал снимки.

В Ньюпорт-Ньюс ему и Люси удалось побродить вокруг места, где готовился спуск на воду военного судна. Шпион сделал снимки с судна и остановился дружески поболтать с рабочими.

На третье утро шпионы направились к Южной Каролине. Новая группа агентов последовала за ними к форту Джексон. Оба «туриста» некоторое время вертелись вокруг форта, делая снимки и беседуя с солдатами. Люси, в частности, долго болгала с одним солдатом. После его ухода она поспешила обратно к машине, где дожидался Людвиг, вынула блокнот и четверть часа что-то записывала.

Затем Люси стала делать заметки под диктовку Людвига. Агенты с удобного наблюдательного пункта разглядывали эту пару в сильные бинокли: им видно было все.

От форта Джексон «путешественники» привели агентов к историческому форту Самтер. Третью ночь Людвиг и его подруга провели в отеле в Нью-Бери (Северная Каролина).

На четвертое утро шпионы направились еще дальше, в Южную Каролину. Все время они кружили возле оборонных заводов и военных лагерей. Людвиг был занят фотографированием, Люси пользовалась своими чарами, чтобы связывать разговоры с солдатами и рабочими. Один из агентов остался на заводе подле Чарлстона, чтобы узнать, о чем она расспрашивала рабочего.

Оказывается, Люси заявила, что едет якобы с больным братом, которому врач предписал перебраться из Нью-Йорка в места с более теплым климатом, например в Южную Каролину. Ей хотелось бы знать, есть ли шансы получить работу в этом районе. Ничего не подозревая, рабочий сообщил, что завод, загруженный правительственными заказами, набирает рабочих целыми партиями.

Тогда Люси пожелала узнать, что это за работа. Парень поддался ее открытому и дружескому обращению и выболтал все, что знал. Он сообщил факты и цифры, которые, после того как будут проанализированы «профессором» Борхардтом, очень обрадуют Берлин.

Переночевав в отеле Чарлстон, на пятое утро турне шпионы приехали в штат Джорджия. Они побывали в военных лагерях Стюарт и Уилер, а затем направились в форт Беннинг. Там, как было известно федеральным агентам, служил женоподобный шпион Фрелих.

Людвиг достал из кармана письмо и передал его часовому у входа в форт. Часовой ушел и скоро вернулся, дав знак Людвигу и Люси проходить. Агенты предъявили свои удостоверения и спросили, к кому приехал Людвиг. Они не очень удивились, услышав в ответ имя рядового Фрелиха.

Людвиг и Люси провели с Фрелихом несколько часов. Солдат показал различные интересные пункты в форте. Людвиг снова занялся фотографированием, а Люси вынула блокнот и делала заметки. Агент ФСБ, приставленный в лагере к Фрелиху, сообщил приезжим агентам, что Фрелих подал прошение о переводе в Нью-Йорк, мотивировав свою просьбу желанием быть ближе к больной матери. Проверка подтвердила, что мать Фрелиха действительно живет в Нью-Йорке. Однако для агентов было ясно, что это лишь благовидный и удобный предлог, на самом же деле нацистам хотелось использовать Фрелиха в таком важном центре, как Нью-Йорк.

Военная разведка по договоренности с ФСБ устроила этот перевод. В конце апреля его должны были назначить в медико-санитарный батальон в уединенный форт, расположенный на Говернорс-Айленд, в нью-йоркской гавани. Это было такое глухое место на островке, что там можно было повеситься с тоски. Военная разведка подобрала подходящий пункт!

Протившись с Рене, «туристы» после остановки на ночь в Саванне отправились во Флориду. Они побывали в Тампа, Майами и Кис, бродили вокруг аэродрома в Майами, в аэропорту «Пан-Америкен Клиппер» сделали заметки о сроках прибытия и отбытия самолетов. В Майами осмотрели военноморскую базу, где Людвиг сделал множество снимков. Посетили лагерь Блендинг, а затем поехали к стоянке авиачастей, в Пенсакола.

До сих пор прогулки в окрестностях правительственной зоны проходили для них благополучно. Но в Пенсакола солдаты не зевали, и как только Людвиг вышел из машины и начал было орудовать фотоаппаратом, подле него моментально очутились двое часовых. Ему здорово попало.

Объездив Флориду, шпионы вернулись через Алабаму. Они посетили Монтгомери, Бирмингем, Мобил, где бродили вокруг местных оборонных заводов. Осмотрели авиабазу Селма, форт Мак-Клеелан и аэродром в Рили. Очевидно, они пересчитали самолеты в Селма и Рили и сделали точные наблюдения. У Людвига оказался замечательно верный глаз. Он не пользовался биноклем, но когда самолет поднимался в воздух или опускался на аэродром, Людвиг стоял подле автомобиля, наблюдая, и спустя несколько минут уже что-то диктовал Люси.

Тем временем в Нью-Йорке наступило почти полное затишье. Это было понятно: глава шайки был в отъезде. Однако Эллен Мейер не оставалась совсем без дела: она отправилась в один из крупнейших нью-йоркских банков, купила на 1 000 долларов германских туристских бон и велела положить их на свой счет в немецком банке в Берлине. Похоже было, что Эллен Мейер или другой член шпионского центра собирается наострить лыжи.

До сих пор Моррисону, главному привратнику в здании Баттери-Плейс, где помещалось германское консульство, не удалось добыть ничего особенного. Он спас от огня только одну большую связку бумаг из консульства и то, осмотрев

ее, он увидел, к своему огорчению, что в ней нет ничего ценного. То была обыкновенная текущая канцелярская переписка.

Двое портовых шпионов, известные уже нам Мюллер и Пагель, продолжали свое дело. Они высматривали на молах Уэст-Сайда военные грузы и подпаивали в портовых барах грузчиков и моряков, чтобы заставить их проболтаться. К тому времени агенты, считая эту портовую бригаду шпионов, быть может, наиболее опасной, нашли способ обмануть ее. Не обо всем можно рассказать, — многие из этих уловок применяются и поныне. Скажем только, что на ящиках с военным грузом стали делать фальшивые надписи.

Федеральные агенты, сменяясь, сопровождали Людвига и Люси от Алабамы до Теннесси. Пользуясь отелем «Чаттануга» в качестве операционной базы, «туристы» объездили весь штат и посетили каждый пункт, имеющий военное значение. Особенно интересовали шпиона плотины Вильсона и Уилера. Он сделал так много снимков с обеих плотин, что мог бы заполнить ими альбом. Снова повторилась старая история: никто не обратил внимания на «фотографа». Это было поздней весной 1941 года, то-есть за полгода до вступления США в войну. Но Гувер тщательно отмечал все это на поступавших к нему рапортах и принимал меры, чтобы в будущем не допускать такой беспечности. У Гувера состоялся не один бурный разговор с невеждами, которые не видели ничего дальше стен своего кабинета.

Через Западную Виргинию Людвиг направился к северу. Здесь с машиной что-то случилось, и она натолкнулась на придорожный столб. Ни Людвиг, ни Люси не пострадали, но автомобиль пришлось ремонтировать. Агенты узнали в гараже, куда Людвиг сдал свою машину, что ремонт будет стоить 80 долларов. Это нарушало финансовые расчеты Людвиг, который, очевидно, заранее рассчитал расходы. Ему пришлось пойти в почтово-телеграфное отделение «Уэстерн-Юнион» и дать телеграмму. После его ухода агент взял следующий бланк из пачки, на которой писал шпион, и узнал, что Людвиг телеграфно сообщил Эллен Мейер точную сумму счета за ремонт машины. Через несколько часов он получил перевод на 80 долларов.

Наконец, шпионы вернулись в Нью-Йорк.

Теперь Люси работала ночами, видимо перепечатывая стенографические заметки, сделанные во время поездки.

Однажды утром Людвиг зашел к ней с набитым бумагами портфелем, а вышел с двумя пакетами. Он спешил к Борхардту.

Из соседней комнаты было слышно, как Борхардт и Людвиг беседовали на немецком языке. На сей раз с мнимым художником, агентом ФСБ, был другой сыщик, понимавший по-немецки. Он пришел раньше и усиленно торговался о цене картины, которую якобы покупал.

После прихода Людвига торг все еще продолжался. Два шпиона в соседней комнате могли бы почуять неладное, если бы агенты перестали спорить. Поэтому время от времени сыщик, понимавший по-немецки, отходил на цыпочках от стены, у которой подслушивал, и громко делал замечание по поводу картины. Разумеется, большую часть времени говорил другой агент, лжехудожник. Видимо, трюк удался, так как шпионы стали подробно обсуждать наблюдения, накопленные Людвигом во время поездки. Борхардт даже сказал:

— Если бы эти люди за стеной так не шумели, я мог бы лучше сосредоточиться.

Подслушанная беседа не добавила ничего нового. Борхардт, видимо, просматривал записи Людвиг и Люси и комментировал их вслух. Затем Борхардт спросил, видимо, принимаясь за другую папку с отчетами.

— А, это тот нью-йоркский материал, который собрала миссис Мейер?

— Да, — ответил Людвиг, — я уверен, что вы найдете его интересным.

Наступило длительное молчание. Затем Борхардт сказал:

— Это очень важно. Берлин будет чрезвычайно доволен.

Больше «профессор» ничего не говорил, но агенты ФСБ знали, что все эти шпионские донесения будут перехвачены на Бермудах.

Людвиг, видимо, собирался уходить. Он сказал, что придет завтра взять отчет.

— Знаете, завтра отправляется самолет, — прибавил он.

— Я буду работать всю ночь, — ответил Борхардт. — У вас останется достаточно времени, чтобы написать письмо. Но я не советовал бы в одном письме сообщать всю информацию, которой мы располагаем. Вдруг что-нибудь стрясется. На всякий случай пошлите несколько писем.

— Но вы уведомите Берлин, что информация уже в пути?

— Разумеется, — сказал «профессор». — Сегодня после обеда я отправлюсь в консульство.

Борхардт сдержал слово и работал всю ночь. Рано утром пришел Людвиг. Он оставался у «профессора» ровно столько времени, сколько нужно, чтобы просмотреть отчеты.

— Доктор, вы — чудо!

— Благодарю вас, Людвиг, — ответил «профессор». Затем последовало щелканье каблуков и прозвучавшее в унисон «Хайль Гитлер!»

Людвиг вернулся к себе в Бруклин. Там его уже ожидала Люси. Агентам было известно, что Людвиг всякий раз лично проверял, чтобы ни в одно из писем случайно не попал листок с машинки Борхардта. По крайней мере ни одно из перехваченных в Бермудах писем не совпадало с шрифтом этой машинки. Образчик шрифта, который удалось достать при помощи квартирной хозяйки, был отправлен на Бермуды, а копия осталась в ФСБ. Был сделан запрос в лабораторию документов в Вашингтоне, куда направлялись все перехваченные письма. Ответ гласил, что ни в одном из писем ни одна фраза не вышла из-под машинки Борхардта.

Через несколько часов гуверовские агенты проследили, как Люси прямо от Людвига направилась в Главный почтамт и отправила письмо авиапочтой.

На следующий день начальник британской цензуры в Гамильтоне (Бермуды) Чарльз Уоткинс-Менсе в ожидании письма приказал своим служащим быть на-чеку. ФСБ сообщило, что письмо отправлено и, видимо, адресовано в Лиссабон или Мадрид.

Вскоре письмо обнаружили и подвергли действию высокой температуры. Уоткинс-Менсе увидел, что письмо отпечатано на стандартном листке бумаги. Тайный текст был написан на оборотной стороне.

Текст, отпечатанный на машинке, гласил (приводим в сокращении):

«Дорогой сэр!

Пожалуйста, извините, что я не писал вам так долго. Как вам известно, я был в отъезде... Но это не была поездка для отдыха, как вам может показаться. Напротив, я пытался сделать все, что возможно при данных обстоятельствах. Я сделал очень интересные наблюдения... Повсюду заметно оживление в сфере промышленной деятельности...»

На оборотной стороне этого невинного послания говорилось совсем иное (тоже сокращенный текст):

«Лагерь Стюарт подле Хайсвилла — громадная территория, видимо, служит центром подготовки и комплектования полков береговой артиллерии. Их теперь тренируют и как зенитчиков. Там расквартированы следующие полки береговой артиллерии (здесь Людвиг дает подробное перечисление). Лагерь Дейвис, подле Холли-Ридж, Северная Каролина, на автостраде 17, — громадная территория, лагерь создан совсем недавно, совершенно новый, расширение его еще продолжается, но в официальных списках его нет; примерная вместимость казарм от 30 до 50 тысяч человек; территория — 4 мили длиной, видели здесь части 5-й дивизии. Лагерь Пендлтон — к югу от Виргиния-Бич (штат Виргиния). Разрешение на вход получить не удалось».

Секретное письмо изобиловало подобными деталями, которые представляли огромный интерес для Берлина. Людвиг, видимо, сделал во время путешествия множество наблюдений. Уоткинс-Менсе содрогнулся при мысли о том, что подобная информация могла дойти до Берлина.

Агентам в Бруклине было известно, когда Людвиг отправляется в город. Он часто ездил к Борхардту, и Люси работала у него на дому почти все время, пока он был там, или же трудилась ночи напролет у себя дома.

Из прошлого опыта федеральным агентам было известно, что такая усиленная активность не бывает случайной: нацистские агенты готовят письмо или ряд писем для пересылки в Берлин. А так как Людвиг и Люси проводили долгие часы за работой, можно было заключить, что готовилась информация исключительной важности.

ФСБ снова уведило британских цензоров, что надо быть на-чеку. И, действительно, цензоры в Гамильтоне обнаружили в ближайшей же почте два письма с двумя различными адресами.

Оба были написаны, как и первое секретное письмо, на оборотной стороне безобидного частного послания, напечатанного на машинке. В обоих содержались сведения, которые еще не подлежат оглашению.

Некоторые из сообщений, перехваченных на Бермудах, касались погрузки военных материалов из Нью-Йорка. Однако не всегда эти сведения были верны, ведь теперь ящики с военными грузами помечались ложными надписями.

До сих пор из Берлина или Гамбурга еще не поступало никаких жалоб по поводу изменения или задержки информации, передававшейся из Америки через шайку Дюкена. ФСБ понимало, что это значит: немцы довольны, ибо получают

множество достоверной информации иными путями, о которых ФСБ еще не имеет ни малейшего понятия.

Некоторые сообщения Дюкена пропускались дословно после задержки, которая лишала их всякой ценности. Другие искусно изменялись так, чтобы быть скорее вредными, чем полезными нацистам. Иные пересылались в Вашингтон с копиями в Лондон. Наиболее аккуратными читателями людвиговской информации были президент Рузвельт, государственный секретарь Хэлл и премьер-министр Черчилль.

Фриц Дюкен узнал дату отплытия судна «Робин Мур» из Эри-Бейсин в Бруклине и передал информацию Себольду. Ложные сведения о сроке отплытия и о маршруте парохода были сообщены в Гамбург с радиостанции Себольда в Сентерпорте, и работники ФСБ решили, что, наконец-то, они провели Фрица.

Однако этот пароход, шедший под американским флагом, был потоплен немецкой подводной лодкой в Южной Атлантике 21 мая 1941 года. Вашингтон решил сперва, что это было скорее результатом разведывательных поисков немецких подводников, чем плодом работы немецких шпионов. Но затем британские цензоры на Бермудских островах перехватили письмо, шедшее воздушной почтой из Лиссабона и адресованное на имя Людвига, почтовый ящик № 185, Нью-Йоркский главный почтамт. С помощью обычного процесса было обнаружено краткое сообщение, написанное невидимыми чернилами:

«Большое спасибо за сведения о «Робин Муре». Мы покончили с ним 21 мая».

В самой Германии продолжали циркулировать разные слухи об «академии» диверсантов, и в Вашингтон просочились новые подробности. Гитлер явно собирался поставить дело на широкую ногу. Но осведомители сообщили, что он не спешит. Он не хотел начинать свою кампанию диверсий до тех пор, пока игра не будет стоять свеч, то-есть пока наши верфи и военные заводы, наше производство танков, самолетов и снарядов не будут пущены на полный ход.

Гитлеровскую программу, как сообщала разведка, должны были выполнять диверсанты двойного типа — предназначенные для подпольной работы и обученные в «академии», и люди, которые будут действовать более или менее открыто. Берлин знал, что ФСБ не спускало глаз с кандидатов в диверсанты в США. Нацистам было известно, что их не аре-

ступают до тех пор, пока они не совершат преступления. Но действовать эти люди не начнут, пока не будут готовы «поразить подобно молнии в ночи». А что случится со шпионами после того, как они выполнят задания, уже не интересует атаманов берлинской шайки. Это считается издержками производства, а человеческая жизнь не имеет в глазах Гитлера никакой цены.

Диверсанты, которым предстояло действовать в открытую, должны были отвлечь внимание от тех, кто будет «работать» в подполье. Таких молодчиков, как Джордж Джон Даш, бывший официант, как Эдуард Джон Керлинг, бывший метрдотель из Нью-Джерси, как Герман Нейбауэр, бывший повар в отеле Чикаго, которые репатриировались в Германию, чтобы поступить в «академию» диверсантов, считали слишком ценными шпионами и не хотели подвергать их риску ареста.

Наблюдения разведки в самом Берлине и сведения из других, не подлежащих оглашению, источников показали, что для обучающихся диверсантов готовят всевозможные искусные формы маскировки. Когда даши, керлинги и нейбауэры вернутся в США на резиновых шлюпках, спущенных с подводной лодки, или сбросятся на парашютах с самолетов, базирующихся на авианосце, они будут снабжены любыми документами, ограждающими их от всяких подозрений, поддельными воинскими билетами, рекомендательными письмами, фиктивными справками о работе на протяжении того времени, которое они провели в Германии, и пр. и пр.

Образцы этих документов были обнаружены среди перехваченной почты. Найдены были также фотографии стратегических железнодорожных узлов, мостов, танковых, авиационных и пороховых заводов, а также нью-йоркских вокзалов и крупнейших магазинов.

Если в системе охранения военной тайны в США имелись свои недостатки, то таковые имелись и в Берлине.

У некоторых «студентов» берлинской «академии» диверсантов под влиянием эрзац-шнапса развязывались языки, и они начинали болтать. Так симпатизирующие США люди разузнали, что в «академии» были сотни макетов будущих объектов диверсии в США — макетов, специально построенных под руководством инженеров игрушечных дел мастерами на основании сведений, доставляемых шпионами. Инструкторы «академии» — опытные диверсанты — подробно разъясняли «студентам», как обмануть бдительность охраны,

как заложить взрывчатые вещества, как добиться при этом наибольших разрушений.

Тем временем в США расширял свою шпионскую деятельность некий Гейне — бывший представитель Форда в Германии, использовавший многолетние связи, чтобы получать важные данные о производстве. Эта информация передавалась Себольду через лженатурщицу Лили Штейн. Видимо, довольный тем, что из своих связей на автомобильных заводах штата Мичиган он выжал все, что мог, Гейне поехал в Нью-Йорк и под фамилией Блекуэлл остановился в отеле Клинтон, подле Пенсильванского вокзала.

Сначала он проскользнул в Бриджпорт (Коннектикут) и посетил авиационное фотоателье Торелла на Мертл-Корт, 3. Эта вполне надежная фирма специализировалась на фотографировании самолетов. Каким-то образом Гейне узнал об этом. Представившись фордовским администратором, он заказал серию снимков, которые, конечно, не предназначались для широкого обращения, так как раскрывали некоторые особенности истребителей и бомбардировщиков.

После того как Гейне сделал заказ и вернулся в Нью-Йорк, федеральные агенты побеседовали с владельцем фотоателье, в высшей степени общительным джентльменом, который был так ловко одурачен вкрадчивым нацистом и его фальшивыми документами. Отменить заказ, не возбудив подозрений шпиона, было уже невозможно. Тогда специально для Гейне изготовили несколько снимков и послали ему в отель.

Агенты ФСБ заняли соседний номер. Два курьера, работавшие на трансатлантических пароходах, — новые лица в заговоре, — навестили шпиона, и агенты услышали, как нацисты захлебывались от радости, рассматривая снимки. Гейне сказал одному из курьеров:

— Забирайте их так, как есть.

Курьер возразил:

— Разве вы не хотите переснять их на микро пленку?

— Не надо, — последовал ответ. — Я не особенно доверяю этому Себольду.

На следующий день Дюкен зашел к Себольду. Агенты в соседней комнате, соединенной звукоуловительной проводкой со «студией», слышали, как Фриц жаловался на ссору с любовницей.

— Мы попадем в ужасную переделку, — сказал Себольд, — если девушка станет вашим врагом и обратится в ФСБ.

Дюкен промолчал. Затем раздался его громовой голос: — Мы попадем в еще большую переделку, если вы пойдете в ФСБ.

— Опомнитесь, что вы говорите, Фриц?! — воскликнул Себольт, пытаясь скрыть тревогу и изобразить притворное изумление.

— Я говорю то, что думаю, — сказал бур. — Если я когда-либо узнаю, что вы играли двойную игру, я убью вас собственными руками.

Себольт спросил, что дало Дюкену повод усомниться в его, Себолта, честности. Бур некоторое время молчал, а потом рассмеялся.

— Забудьте о том, что я сказал, Гарри. И давайте-ка пойдем, выпьем. Я нервничаю, вот и все. Иногда я готов поздравлять самого себя.

— Почему же вы нервничаете, Фриц? — спросил Себольт с притворным участием.

— Всему причиной эти бестии из ФСБ, этот Гувер, который суется повсюду, — и Дюкен показал на стену, отделявшую «студию» Себолта от комнаты, занятой агентами ФСБ. — Откуда я знаю, — прибавил он, — может быть, люди Гувера прячутся здесь рядом?

Себольт притворился встревоженным.

— Быть может, вы правы, Фриц, — сказал он. — Знаете что — посмотрим, что там делается.

Себольт постарался замешкаться, чтобы агенты в соседней комнате успели спрятать свою аппаратуру. Затем он и Дюкен вышли в коридор и постучались в дверь комнаты, занятой агентами. То, что произошло потом, рассказывать здесь нельзя. Достаточно сказать, что агенты были готовы к встрече.

Позже, за выпивкой, Дюкен посмеивался над собственной нервозностью. Беда в том, что трудно было сказать с уверенностью, когда Дюкен говорит правду и когда играет. Актер по натуре, он иногда любил играть ради самой игры и в то же время был столь коварен, что никогда нельзя было знать, не делает ли он чего-нибудь только для маскировки.

В довершение всего со станции АОР в Гамбурге на радиостанцию Себолта пришло тревожное известие:

«Рекомендуем сугубую осторожность. Есть сведения, что кто-то из вас под слежкой».

Было понятно, что приближается время решительных действий.

ГЕСТАПО ПОДОЗРЕВАЕТ

БЫВШИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ Форда шпион Гейне постепенно начинал играть все большую роль. Письмо, которое он опустил в почтовый ящик в коридоре отеля Клинтон, было вынута оттуда раньше времени и оказалось адресованным Промышленному комитету в Патерсоне (Нью-Джерси). Агент ФСБ присутствовал в момент, когда письмо прибыло по назначению. Все еще выдавая себя за представителя Форда, Гейне писал:

«По поручению «Форд Мотор Компани» я предполагаю основать завод в Патерсоне и желал бы получить сведения об условиях труда в городе, особенно о том, сколько местных квалифицированных рабочих уже занято на авиационных заводах в окрестностях и сколько еще потребуется в ближайшем будущем».

Это был искусно задуманный запрос, и шпион безусловно получил бы нужные ему сведения, если бы не вмешались правительственные агенты. Как выяснилось впоследствии, Гейне разослал более десятка таких писем промышленным и торговым организациям важнейших оборонных зон и получил откровенные и подробные ответы.

Затем Гейне пробрался на авиационный завод Гленн-Мартин в Мэриленде, где служил родственник его жены. Прежде чем агенты смогли принять меры предосторожности, мнимому представителю Форда разрешили подробно осмотреть завод. Из Мэриленда он отправился в Вашингтон и встретился с бывшим офицером германской армии, который служил теперь в военно-воздушных силах США.

Шпион из Детройта носился по стране, как одержимый, и агенты ничего не могли с ним поделать. Подобно Дюкену, он знал множество трюков, чтобы сбивать с толку преследователей, и это нередко ему удавалось. Однако ФСБ имело возможность вести перекрестное наблюдение, ибо большая часть того, что он добывал, передавалась Лили Штейн, а все, что было у Лили, направлялось к Себольду для фотографирования на микро пленку.

Однажды к Себольду пришел снабженный всевозможными удостоверениями посетитель, который назвал себя Лео Валеном, маляром из Йорквилля. Он передал пакет с просьбой, чтобы Себольд сфотографировал бумаги на микро пленку. «Мне требуется это срочно, — сказал Вален. — Там ждут известий».

Впоследствии в газетах появились пространные сообщения о том, с какой поразительной скоростью строились корабли на верфях Эндру Дж. Хиггинса в Нью-Орлеане. Даже некоторые официальные круги в Вашингтоне были поражены такой производительностью. Но нацисты вообще, а йорквилльский маляр в частности, уже давно знали о том, что и как готовится на верфях Хиггинса. Об этом свидетельствует материал, который Вален передал Себольду:

«Отчет о результатах испытательного пробега торпедных катеров ПТ-6 (70 футов), построенных Э. Дж. Хиггинсом, Нью-Орлеан. Капитаном испытательного пробега был лейтенант военно-морских сил США Эрл Коядуэлл.

Во время этого экспериментального пробега всякое бортовое вооружение отсутствовало. В качестве движущей силы катера имеют по три паккардовских мотора в 1 500 лошадиных сил каждый. Катера имеют прочную конструкцию и снабжены водонепроницаемыми переборками. Пробег производился 50 раз при работе одного, двух и трех моторов. В первый раз пробег совершался с легким грузом, который затем постепенно увеличивался, вплоть до максимальной нагрузки балластом. Звукозаписывающая аппаратура на берегу обнаруживала шум винтов задолго до того, как на горизонте показывались катера. Эти пробегги считаются весьма удовлетворительными. В качестве горючего использовался высокооктановый бензин в количестве приблизительно 280 галлонов в час на 450 лошадиных сил (примерно полфунта горючего на 1 лошадиную силу в час).

Катера будут снабжены четырьмя торпедными аппаратами, могущими вступать в действие одновременно и выпускающими торпеды на глубину в 10 футов, что вдвое больше осадки самих торпедных катеров. После всплытия торпеды должны оказаться на расстоянии 100 футов от катера и следовать его прежним курсом. Эскадра из 6 катеров может выпустить 24 торпеды, что образует сплошную торпедную стену на протяжении полумили. Торпеды должны выпускаться на расстоянии от 4 до 5 миль от неприятеля, когда сами торпедные катера еще едва видимы для него».

После нападения Германии на Россию Гамбургская радиостанция настойчиво потребовала, чтобы Ланг, мастер с завода Нордена, достал части авиаприцела, как он обещал. Ланг был одним из самых уважаемых граждан Глендейля. Он теперь говорил всем и каждому:

— Не ужасно ли, как вероломно напал Гитлер на Россию? Он — сумасшедший, этот Гитлер!

Ланг сам был почти сумасшедшим. Гестапо обещало все, чего он пожелает, если только он вернется в Германию с деталями авиаприцела; и он делал все, что мог, разве только не приставлял работникам Нордена револьвера к виску, чтобы выведать один из важнейших секретов дяди Сэма.

Однако на протяжении последних месяцев он чувствовал себя затравленным. Как только Ланг замечал нужную ему

деталь и начинал строить планы, как бы завладеть ею, какой-нибудь новый служащий проходил мимо и по рассеянности захватывал ее с собой. Разумеется, новый служащий обычно был одним из агентов, направленных на заводы специально для слежки за Лангом. Наблюдение установило утешительный факт: нацист был единственным предателем на предприятии.

У Эверетта-Минстера Редера, инженера-конструктора фирмы «Сперри Жироскоп Компани», где также производились детали засекреченного авиаприцела, дела шли не лучше. Сколько раз Редер считал, что, наконец-то, ему удастся похитить важнейшие чертежи, но они исчезали из-под самого носа: агенты ФСБ не дремали.

Извещенное об этом через Гамбургскую радиостанцию гестапо было крайне раздражено. Даже Дюкен ничего не мог поделать. Благодаря принятым ФСБ предосторожностям бур не имел более возможности доставать сведения так же легко, как прежде. Впрочем, он не любил сознаваться в своем бессилии и продолжал посылать микропленки в Германию. Однако нацистов нелегко было одурачить, когда они получали старую информацию под видом новой. Одна радиোগрамма из Гамбурга гласила:

«Передайте Дюкену, что мы не заинтересованы в сведениях, опубликованных несколько недель назад в «Нью-Йорк Таймс» и «Геральд Трибюн», а также переданных из Вашингтона «Ассошиэтед Пресс» и другими газетными агентствами».

Аксель Уилер-Хилл и Феликс Янке теперь вступили в контакт со станцией АОР в Гамбурге с помощью коротковолнового передатчика, установленного на шестом этаже дома на Колдуэлл-авеню в Бронксе. Подслушивавшие радио федеральные агенты до сих пор не знали, на основе какой системы построен шифр Янке — Уилер-Хилла, и потому не имели понятия о важности пересылавшейся оттуда информации. Однако для предосторожности работники ведомства связи принимались заглушать передачи, как только начинала работать радиостанция в Бронксе.

Возникла мысль, что книга, которую нацист Шольц, продавец из книжного магазина на 85-й Восточной улице, снял с полки и передал Уилер-Хиллу и Янке, как раз, может быть, и служила основой для этого шифра. Было очевидно, что если удастся обнаружить название книги, то, по всей вероятности, можно будет найти ключ к шифру, ибо через Себольда был известен общий принцип системы.

Агенты выяснили, что в книжном магазине в Йорквилле существовало обыкновение ставить штамп на титульных листах всех книг: и на тех, которые продавали, и на тех, которые выдавали для чтения. Закон не разрешал агентам войти в дом на Колдуэлл-авеню без ордера на обыск, но они имели право попросить уборщицу поинтересоваться книгами в помещении, занятом нацистами. Таким образом, узнали, что из нескольких книг, имевшихся в квартире, на титульном листе лишь одной красовалась марка этого магазина. Книга носила странное название — «На полпути к ужасу» — и действительно оказалась ключом к шифру. Когда старые нерасшифрованные радиogramмы с Колдуэлл-авеню были, наконец, прочтены с помощью этого ключа, раскрылось многое, что месяцами ставило агентов втупик. Прежде всего выяснилось, что значительная часть сведений как от шайки Дюкена, так и от группы Янке и Уилер-Хилла передавалась через дипкурьеров германского консульства в Сан-Франциско, которых возглавлял пресловутый Фриц Видеман. Срочные известия, как сообщалось в расшифрованных радиogramмах, передавались по телефону в германское консульство в Нью-Йорке, оттуда в нацистское консульство в Вашингтоне, а затем по телеграфу, а иногда по радио в Европу. Британская разведка уже давно перехватывала нацистские радиogramмы между Америкой и Германией. Но до сих пор она не могла разобраться в них. Посольство в Вашингтоне пользовалось другой книгой в качестве основы для своего кода, причем было мало шансов узнать название этой книги.

Расшифрованные радиogramмы передатчика на Колдуэлл-авеню раскрыли, что шпионы готовились раздобыть сведения такой важности для безопасности США, по сравнению с которыми бледнело все, переданное ими до сих пор.

Обе шайки — Дюкена, а также Янке и Уилер-Хилла — так глубоко проникли в организм страны, что у них должны были найтись свои агенты на высоких постах в Вашингтоне и на каждом крупном предприятии, выпускающем орудия, снаряды и самолеты. Многолетняя «деятельность» шпионского подполья должна была теперь принести свои самые крупные плоды. Положение в целом, как оно сложилось к концу июня 1941 года, не следует сейчас обсуждать более подробно, но можно без преувеличения сказать, что никогда еще в истории шпионажа ни одной стране не грозила опас-

ность потерять столько, как США. Скажу только, что в верхах американского общества некоторые из наиболее «уважаемых» его членов были тесно связаны с нацистскими шпионами и творили такие дела, по сравнению с которыми, если бы их удалось довести до конца, преступления всех квислингов Европы показались бы невинной детской игрой.

В организациях Дюкена и Янке — Уилер-Хилла насчитывалось всего 33 участника. Себольд, возглавлявший контршпионаж, разоблачил самого Дюкена и таких важных агентов Берлина, как Гейне — бывший работник Форда, как «натурщица» Лили Штейн, как Ланг с завода авиаприцелов Нордена, Редер из «Сперри Жироскоп Компани», Рихард Эйхенлауб — владелец «Маленького казино», пивной в Йорквилле, где собиралась шайка Дюкена, а также курьеров: Зиглера и Штиглера, повара и пекаря на пассажирском пароходе «Америка». Через этих курьеров были обнаружены и другие шпионы. Через Янке и Уилер-Хилла были разоблачены Шольц, нацистский продавец из книжного магазина, и Рейнер, механик на авиационном заводе Бендикса в Нью-Джерси, а также его сообщники.

Наконец, Гувер решил действовать. Он подошел к телеграфу и продиктовал письмо, которое пошло по внутриведомственной системе связи в нью-йоркский и некоторые другие филиалы. Это был сигнал к аресту Дюкена и всех остальных, прямо или косвенно связанных с ним.

Подробности арестов так и остались неопубликованными, но в них не было ничего драматического: сыщики не любят драматизма. В жаркий июньский день громовой удар грянул одновременно во многих местах. Через два года после того, как гестапо впервые обратилось к Себольду на Гамбургской пристани, Фриц Дюкен и тридцать два других шпиона были арестованы по обвинению в том, что прибыли в США с целью шпионажа. Все они были поражены. Что их выдал Себольд, они обнаружили позже, на суде, когда в числе улик оказались записи диктофона и кинокадры.

И на других «фронтах» драма неотвратимо близилась к развязке. В Чикаго жила хорошенькая девушка, по имени Герда Меланд, работавшая в косметическом кабинете отеля Луп; она была молода и одинока. Ее друг сердца Герберт Хаупт, молодой рабочий оптического завода, отправился в длительное путешествие. Хаупт, родители которого в свое время эмигрировали из Германии и натурализовались

в США, лишь весьма туманно намекнул на цель своего путешествия, и это тревожило невесту. Она не знала того, что знали агенты: Герберт Хаупт был близким другом Керлинга, Нейбауэра и Даша — тех троих, которые обучались диверсантскому делу в Берлине. Агенты последовали за Хауптом до мексиканской границы — дальнейшую слежку вела уже мексиканская федеральная полиция; вскоре возникло подозрение, что Хаупт отправился в Германию в «академию» диверсантов. Впоследствии мы убедимся, что подозрение было вполне обоснованным.

Агентов очень заинтересовал тот факт, что Хаупт, как и несколько других американских немцев второго поколения, репатрированных нацистским правительством для обучения в «академии» диверсантов, оказался близким другом доктора Отто Виллюмейта, чикагца, известного своей многолетней деятельностью в качестве руководителя «Германо-американского союза». Виллюмейт, мужчина лет сорока с лишним, со шрамом на щеке — зарубка, оставленная студенческой дуэлью в фатерланде, был, по мнению агентов, субъектом, которому наверняка суждено попасть на скамью подсудимых. Весь вопрос был только в том, как долго он еще продержится.

Вот уже некоторое время, как Виллюмейт, чикагской штаб-квартирой которого был нацистский кабачок, известный под названием «Хаус Фатерланд Клуб», разъезжал по Среднему Западу и Востоку, беседуя с нацистами, занимавшими командные посты на таких предприятиях, как Американская Алюминиевая Корпорация в Ист-Сен-Луи, Иллинойсе и Питсбурге и Пенсильванская железная дорога в Хоршун-Бенд, возле Алтуны. Вскоре начало выясняться, что Виллюмейт для нацистов играл роль второго Дюкена, со своей собственной самостоятельной организацией, которую держали про запас на случай, если что-нибудь стряслется с другой шпионской шайкой; так у футбольной команды имеются дублиеры на случай, если игроки выйдут из строя.

После ареста Фрица Дюкена и тридцати двух его сообщников Курт-Фридрих Людвиг — главарь второго крупного шпионского центра — не на шутку перетрусил. Радиообозреватель Уолтер Уинчелл включил историю ареста тридцати трех шпионов в свою программу, передававшуюся в ночь на воскресенье. В это время Людвиг был дома: после сообщения Уинчелла он помчался в Маспет к своей белокурой по-

мощнице, Люси Бемлер. Затем они вдвоем вернулись в Бруклин и пошли к Эллен Мейер.

Ровно в 9 часов вечера, когда началась передача Уинчелла, портовые шпионы Пагель и Мюллер подъезжали к нью-йоркской гавани. Очевидно, они слушали радио в машине; агенты, следовавшие за ними, заметили, что едва Уинчелл начал свое сообщение, автомобиль шпионов внезапно остановился. Так они и стояли на месте, пока Уинчелл не окончил рассказа о шпионах и не перешел к другим темам. После этого немцы полным ходом поспешили тоже к дому Эллен Мейер.

Через сорок восемь часов в отделе британской цензуры в Гамильтоне было перехвачено написанное симпатическими чернилами письмо:

«Я знаю трех из тех, кто недавно арестован... Они — дураки, трусы и лентяи, типичные американцы... без всякого опыта... Вероятно, они обратили на себя внимание ФСБ. Существует большая опасность разоблачения с их стороны... Необходимо, чтобы кто-нибудь нашел к ним доступ и предупредил, что они должны молчать... Быть может, если вы сообщите, что гестапо арестует их родственников на родине, дело уладится...»

Вскоре после ареста Дюкена и его шайки Людвиг отправился в необитаемый коттедж в Нортпорте (Лонг-Айленд) и разобрал там радиопередатчик; некоторые части он оставил в доме Эллен Мейер, а другие унес к себе. Радио Янке — Уилер-Хилла теперь тоже не работало, и оставалась только радиостанция, где оперировали Себольд и агенты ФСБ.

Себольд все еще делал вид, что работает на Гамбург. Он стремился выиграть время, так как надеялся, что удастся вызволить из Германии мать, братьев и сестру; не могло быть сомнения, что все четверо будут зверски убиты.

Но теперь Гамбург отнесся к Себольду весьма холодно. Впредь до новых распоряжений было приказано прекратить радиопередачи. Себольд видел, что тучи на горизонте сгущаются.

Борхардт, шпионский «профессор» из шайки Людвига, также казался чрезвычайно встревоженным арестами. Он стал подолгу прогуливаться в одиночестве и выглядел сильно опечаленным. Людвиг часто вызывал Борхардта к коммунальному телефону в коридоре, и теперь «профессор», видимо, опасался последствий такого общения. Это подтвердилось, когда на Бермудах было перехвачено письмо, напечатанное по-английски на машинке Борхардта:

«Дорогой Роберт!

Расскажу тебе все о моей подруге Джозефе. Медленно, но непрерывно я стал отдаляться от нее, узнав, что в семье начинаются разговоры и наших отношений не одобряют. Я почти не виделся с ней. Она была в отъезде... а потом позвонила по телефону. Услышав от моей хозяйки, что я болен, она против моего желания явилась ухаживать за мной. Одо также писал мне, но советовал не предпринимать резких шагов. Нельзя обдавать холодным душем чувства молодой девушки, если не хочешь вызвать естественную реакцию гнева. Другой друг высказался яснее и заявил, что я — старый, седой осел и не должен пугаться с такими юными созданиями. Но ее нельзя было отпугнуть, и она снова и снова приходила ко мне. На прошлой неделе она настойчиво пожелала видетсья, и я не сумел отказать. Тогда я заявил со всей откровенностью, что о браке не могу сказать ничего иного, кроме того, что я слишком стар. Она очень хорошо поняла это, дала свой новый адрес и удалилась. Очевидно, она подумала, что слезы ни к чему, когда на любом углу можно встретить другого. Я уже писал тебе, что разобрать вторую половину твоего письма оказалось невозможным. Пути господа и цензоров неисповедимы. Бог знает, что мог найти в нем цензор. Он зачеркнул весь текст с помощью индийской туши так основательно, что нельзя было прочесть ровно ничего».

Чарльз Уоткинс-Менсе, начальник цензуры, обсудил письмо со своим главным техническим помощником, начальником лаборатории Энриком Дентом.

— Я думаю, что Джозефа, о которой идет речь, — сказал Уоткинс-Менсе, — это Людвиг. Вы помните, что одно из имен Людвиг — Джозеф Кесслер? Похоже, что доктор Борхардт хочет умыть руки.

— Как вы думаете, — спросил Дент, — кто этот Роберт, к которому обращено письмо?

— Насколько мне известно о связях Борхардта в Германии, письмо, несомненно, адресовано Роберту Лею, важной нацистской персоне.

В той же почте нашли письмо и от Людвига:

«Я перенес радиоаппарат к Э. Они умеют находить такие вещи, если последние слишком долго остаются в одном месте. Было бы идеально купить достаточно большую автомашину, установить там радиоаппарат, разъезжать и делать свое дело с любого пункта, который покажется подходящим. Тогда они никогда не смогли бы обнаружить меня».

Пагель и Мюллер, молодчики из порта, продолжали свои обходы, не подозревая, что собирают ложные сведения, обо значенные на ящиках с «военными материалами». Рядовой Рене Фрелих из армии США, который ныне стал регистратором прибытия и выписки больных в правительственном госпитале на Говернорс-Айленд, тоже поставлял Людвигу ложную информацию, которой его снабжали. Некоторый

свет на точность производственных данных о Груммане и других авиационных заводах, перехваченных ранее на Бермудах, пролила поездка Людвиг, Люси Бемлер и миссис Мейер на авиационные заводы в Лонг-Айленде. Миссис Мейер разговаривала там с рабочими.

Когда потом опросили рабочих, выяснилось, что все они были старыми друзьями миссис Мейер. Будучи сами весьма прямодушны и не подозревая ни в чем женщину, которая всегда так резко отзывалась о Гитлере, они были одурачены коварной шпионкой. Тактика ее была хитроумна, она внезапно делала экстравагантные заявления:

— Говорят, там, где вы работаете, производят самолёты, пролетающие шестьсот миль в час?

Рабочие смеялись и бесхитростно сообщали точные сведения. Так Эллен Мейер добывала как раз ту самую информацию, которая требовалась Гитлеру.

В здании, где помещалось германское посольство, главный привратник Моррисон попрежнему сохранял бумаги, которые немецкие чиновники передавали для сожжения. Большею частью это было обычной канцелярской перепиской. Но теперь он появился с копией письма, напечатанного на машинке Борхардта.

Как выяснилось, Борхардт изобрел способ образовывать взрывчатый газ, помещая некоторые виды бактерий в нефтяные цистерны. Были у него и другие диверсионные идеи, разработанные лишь на бумаге, без лабораторной проверки. Факт тот, что все его дьявольские планы с научной точки зрения выдерживали самую строгую проверку.

«Научный труд» этого «профессора» свидетельствовал о желании осуществить такие идеи и в США с помощью диверсантов и в других странах, например в Англии. Он просил также, чтобы труд был просмотрен его высокопоставленным другом — генералом Карлом Гаусгофером, «теоретиком», который помогал Гитлеру разрабатывать планы вторжения в Польшу, Францию и Голландию. Борхардт и Гаусгофер когда-то вместе преподавали в военной академии в Германии.

Теперь личность Борхардта была полностью установлена. Он был крупной дичью, гораздо крупнее Людвиг; и он имел дело непосредственно с германским консульством, а через консульство с Берлином. Этим объяснялось множество телефонных разговоров из автомата в его доме. Ни агенты, поселившиеся в одном с ним коридоре, ни хозяйка — миссис

Бенсингер — не смогли подслушать ни одного слова из этих разговоров. Не смогли также агенты при помощи старого полицейского трюка, прислушиваясь к шелканью диска, улавливать набираемый Борхардтом номер, ибо в это время шпион притворно кашлял.

В конце июля Курт Людвиг сел в машину, взял много багажа и уехал в Пенсильванию. Агенты, последовавшие за ним, встретились с другим отрядом агентов, ехавших через Пенсильванию в прямо противоположном направлении — на восток. Они направлялись по следам Виллюмейта, чикагского члена «Германо-американского союза» и «друга» молодых людей, проходивших курс обучения в берлинской «академии» диверсантов.

*

Глава одиннадцатая

УСАДЬБА В ТОМПСОНЕ

СЛЕЖКА ЗА ВИЛЛЮМЕЙТОМ привела в Томпсон, в северной части Коннектикута, в усадьбу, раскинувшуюся на площади в 200 акров. Здесь обитал некий таинственный персонаж, международный авантюрист, известный под именем графа Анастаса Вонсяцкого. «Граф», русский белогвардеец, был некоторое время в центре внимания федеральных агентов. Именно он взял на поруки и внес залог за Фрица Куна, пьяницу, вора, развратника, гитлеровского шпиона, в Нью-Йорке, когда того арестовали за хулиганство. Этот же «граф», который никогда не пользовался в Томпсоне популярностью, еще больше оттолкнул от себя сограждан тем, что начал рисовать свастики на бу-мажных змеях и пускал их летать над городом.

Вонсяцкий был главой русских белогвардейцев-фашистов. В Америке, и в Вашингтоне и вне его, было два противоречивых мнения о «графе» — примерно сорокалетнем поджаром субъекте угрюмой внешности. Одни считали его просто шарлатаном. Но были и такие, в том числе Гувер, которым казалось подозрительным поведение «графа-Вон», как прозвали Вонсяцкого, который часто присутствовал на заседаниях «Германо-американского союза» в Нью-Йорке и в других городах после того, как Фриц Кун с первой встречи обратил на него благосклонное внимание.

«Граф» привлек к себе внимание еще в 1922 году. Нищий белоэмигрант, он работал на паровозном заводе Болдуина в Филадельфии за 22 доллара 50 центов в неделю и потом вдруг женился на одной из самых богатых женщин в округе — миссис Марион-Бакингам-Рим Стефенс из Чикаго, которая была на двадцать два года старше его.

Молодая чета проживала сначала в небольшом домике среди людей среднего достатка в Ридли-Парке (Пенсильвания), но недолго. Вскоре они стали показываться в различных фешенебельных местах в США и других странах, где «граф» производил на всех впечатление бездельника, отдающего все свое время проклятиям по адресу Советской России.

Агентам стало известно обыкновение «графа» бродить по городку, возле которого было его имение, рассказывая обывателям, что в свое время он будет «главой русского правительства», которое должно сменить Советы в России, и тогда возьмет с собой своих добрых друзей из Томпсона и сделает их вельможами. За этой внешностью шарлатана и болтуна агенты разгадали хитроумную тактику: «граф» изображал из себя кандидата в сумасшедший дом намеренно, чтобы лучше замаскировать свою деятельность.

Однажды, разговаривая с рабочим у себя в имении, «граф» обронил фразу, которая была повторена рабочим в местном баре и подхвачена затем агентом ФСБ.

— Не принимайте за чистую монету пакта о дружбе между Германией и Россией, — сказал Вонсяцкий, — Гитлер ненавидит красных и собирается выступить против них, когда придет время.

Незадолго до описываемых событий «граф» построил в своем поместье в Коннектикуте совершенно фантастическое сооружение. Строение было воздвигнуто на мысу, откуда открывался обзор на многие мили вокруг. То было одноэтажное, напоминавшее студию здание из камня со стенами в два фута толщиной.

Дула пулеметов высывались из амбразур в каждой стене, а в бронебашне на самом верху этой крепости имелся пулемет на вращавшейся установке. Были сооружены специальные стальные камеры для хранения ручных гранат и баллонов со слезоточивым газом. В углу единственной большой комнаты этого бастиона помещался письменный стол «графа», а на стене висела необычно выглядящая карта мира. Знаки свастики на территориях, принадлежащих Англии и другим

странам, зловеще указывали на то, что Германия и Япония строят планы захвата и раздела между собой территории США.

Посетив Вонсяцкого, Виллюмейт вернулся в Чикаго, а «граф» упаковал чемоданы, сел в лимузин и поехал в Вашингтон. Там он направился в японское посольство.

В посольстве Вонсяцкий оставался несколько часов. Этого было достаточно для Гувера. Люди белой кожи никогда не проводили по несколько часов с японцами, если только они не были дипломатами или выдающимися представителями прессы. Вонсяцкий не был ни тем, ни другим. Значит. . .

Из посольства «граф» велел ехать на вокзал Юнион-Стейшен. Там в пассажирской кассе он купил билет в Чикаго.

Агенты, следившие за ним, сделали то же самое. На следующее утро, выйдя из поезда и даже не успев позавтракать, Вонсяцкий взял такси и поехал на частную квартиру. Один из агентов остался ждать, а другой зашел в чикагское отделение ФСБ и справился, не знают ли, кто живет в этом доме.

Чикагские сыщики знали. То был дом джентльмена средних лет с квадратной челюстью и шрамом от дуэли на левой щеке. Имя его Виллюмейт. Это тот самый человек, который посетил «графа» в Коннектикуте.

«Граф» ночевал у Виллюмейта. На следующий день у дверей появился рассыльный с телеграфа. Вонсяцкий, видимо ожидавший его, открыл дверь и велел мальчику войти. Вскоре мальчик вышел. Агенты, караулившие у входа, не могли установить, с чем и для чего он приходил.

Хотя деловые отношения между телеграфными компаниями и клиентами — сугубо частное дело, но все же в распоряжении судебных властей имеются законные средства раскрыть содержание телеграммы, если подозревается преступное деяние. Так удалось узнать, что Вонсяцкому приносили телеграмму из японского посольства в Вашингтоне, адресованную на имя Виллюмейта. Телеграмма была с пометкой: «Передать лично, не по телефону». Текст гласил:

«Будьте готовы завтра утром к приезду Кунце в Чикаго, отель «Бисмарк». У него будут имена людей, с которыми следует связаться в Эль-Пасо».

Имя Кунце было хорошо известно Гуверу. Герхардт Вильгельм Кунце из Камден (Нью-Джерси) — один из тех членов «Германо-американского союза», которые давно уже значились в гуверовском черном списке. Не оставалось со-

мнений, что Кунце замешан в нацистских интригах, но до сих пор агенты не смогли добыть никаких улик.

Теперь агенты отправились в отель «Бисмарк» и позаботились, чтобы Кунце, когда он придет, попал в номер, соседний с тем, который заняли они.

Все шло, как по маслу. Это оказался тот самый Кунце. Агенты в холле гостиницы узнали его по фотографиям. Как и предполагали, он потребовал в отеле самый лучший номер. Вскоре агенты, имевшие специальные приспособления для подслушивания, услышали, что в соседний номер пришли гости — Вонсяцкий и Виллюмейт. Кунце встретил обоих радостно, как старых друзей.

Старшим, видимо, здесь был «граф». Он спросил у Кунце отчет, и тот сообщил, что организовал подпольную работу, дабы получить сведения на двенадцати крупных заводах, выполняющих заказы союзников.

— Прекрасно, — сказал Вонсяцкий. — Теперь скажите, кто этот человек в Эль-Пасо, с кем вы установили связь?

— Имя его Эбелл, Вольфганг Эбелл. Он местный врач. Посольство считает, что с моей стороны было удачной мыслью завязать связи возле мексиканской границы.

— Вы имеете в виду японское посольство?

— Да, японское. Но, по-моему, дело, которое мы делаем, пригодится и Германии, и Японии.

— Совершенно верно, — ответил «граф». — Информацию будете переправлять, пересняв на микро пленки. Теперь относительно этого доктора Эбелла. Надежный ли он человек, заслуживает ли доверия?

— Надежней и быть не может.

— Он — американский гражданин?

— Натурализовался два года назад.

— Каково его прошлое?

— Занимается медицинской практикой в Эль-Пасо уже около десяти лет. Пользуется большим уважением в тех местах.

— И сумеет вас переправлять через границу всякий раз, как понадобится?

— Да, у него прекрасный предлог. Примерно раз в неделю он выезжает по своим делам по ту сторону границы. Я могу в любое время сесть в его машину, тайком перейти границу и из Мексики направиться в Южную Америку, а затем в Германию.

Вонсяцкий нашел, что связь Кунце с врачом из Эль-Пасо была идеальной для его целей, но все же высказал мнение, что следовало бы иметь для связи еще одного человека, который был бы вне всяких подозрений.

Заговорил Виллюмейт:

— Я знаю как раз такого человека. Это — distinguished Курт Мольдан. Он — священник в Филадельфии и бывший офицер германской армии.

— Недурная идея! — воскликнул «граф».

— Эта идея представляется все более удачной, чем больше вы думаете над ней, — продолжал Виллюмейт. — Британские цензоры на Бермудах, куда будут поступать все письма от Мольдана, слишком заняты, им и в голову не придет просматривать корреспонденцию какого-то священника.

Все трое выпили за успех.

Сколько людей было в этой шпионской шайке? Был ли Вонсяцкий действительно крупной фигурой или же работал на какого-нибудь вражеского агента?

Таковы были вопросы, которые волновали ФСБ.

В то время как Курт Людвиг, ныне трепещущий за свою шкуру главарь оставшегося в Нью-Йорке шпионского центра, ехал в своей машине на запад и шпионская организация «графа» Анастаса Вонсяцкого стала центром внимания властей, в номере отеля «Бристоль» в Манхэттане открывалась еще одна важная глава нашего повествования. Священник, имя которого останется здесь неназванным, сидел в своем номере, когда в дверь постучался незнакомый пятидесятилетний человек с бледным лицом и водянистыми глазами.

— Мне известно, — сказал посетитель, — что вы находитесь в добрых отношениях с некоторыми людьми в Америке, которые готовы сделать все, что в их силах, для Гитлера.

Лицо священника оставалось непроницаемым.

— Ну, и что же? — спросил он.

— Я желал бы иметь возможность поработать для дела, — сказал незнакомец. — Я — стоящий человек; нет ничего на свете, чего бы я не мог сделать. Мне кажется, что Германия могла бы использовать меня и хорошо заплатить за работу.

— Что вы имеете в виду? — спросил священник.

— Диверсии. Я — специалист. Мое имя — Возняк.

— Не Федор ли Возняк?

Человек с водянистыми глазами кивнул.

— Итак, вы помните меня?

Священник медленно покачал головой.

— А как же не помнить? — спросил он. — Но скажите, Возняк, не слишком ли вы рискуете, придя ко мне? Почему вы уверены, что я не выдам вас?

Возняк улыбнулся.

— Не посмеете, — сказал он. — А теперь перейдем к делу. С кем вы можете связать меня, чтобы я получил задание и смог заработать?

— Все зависит от того, что вы имеете в виду.

Возняк был человек с темным прошлым. Его преступная деятельность началась еще четверть века назад — 11 января 1917 года. В этот день полмиллиона снарядов, предназначенных для союзников, взорвались на заводе Канадской автомобильной и литейной компании в Кингсленде (Нью-Джерси). Правительственные агенты тогда установили, что взрыв в Кингсленде был делом рук диверсантов и начался от зажигательного карандаша, оставленного на месте каким-то рабочим. Этот «рабочий», Федор Возняк, сделал теперь свое предложение священнику. Год спустя после кингслендского взрыва, когда судебные власти, наконец, заполучили Возняка в свои руки, он отделался тем, что выступил свидетелем перед международной комиссией, которая должна была определить вину Германии в таких диверсионных актах, как взрыв в Кингсленде и взрыв «Черного Тома». Возняк публично поведал историю о том, как его подкупили агенты Франца фон-Папена, одного из крупнейших немецких организаторов диверсий. А затем человек с водянистыми глазами пропал и не выплывал на поверхность вплоть до лета 1941 года.

В тот день в номере нью-йоркского отеля Возняк достал из кармана исписанный листок и принялся перечислять священнику факты и цифры — сведения, относящиеся к целой серии странных и как будто внешне не связанных между собой происшествий 1941 года.

— 10 января, — начал он, — британское судно «Черная цапля» таинственным образом сгорело на пристани в Бруклине. Как это ни странно, на борту «Черной цапли» находился важный груз — бомбардировщики «Дуглас».

Всего через десять дней после этого по неизвестным причинам вспыхнули пожары в двух флигелях здания морского министерства в Вашингтоне. Дня через два произошел загадочный пожар на военных верфях в Филадельфии. Еще

через два дня сгорело дотла здание военно-морского флота в Норфолке (Виргиния).

В феврале произошли еще три пожара, все по неизвестной причине, на пороховых заводах, в том числе в арсенале Франкфорда в Филадельфии. Не успели закончить после этого ремонт арсенала, как ровно через месяц вспыхнул второй пожар.

В апреле на пороховом заводе морского министерства в Индиан-Хед (Мэриленд) произошел загадочный пожар, который причинил убытков почти на четверть миллиона долларов. А в мае с пугающей регулярностью начались пожары на пристанях и в железнодорожных депо на всем протяжении от Атлантического до Тихоокеанского побережья. В последний день мая в порту Джерси произошла катастрофа, причинившая убыток в 25 миллионов долларов. На верфях Кремпа в Филадельфии, которые имели крупные контракты с военно-морским флотом, при загадочных обстоятельствах вспыхнул пожар, принесший крупные убытки. Характерно, что он начался сразу в нескольких местах.

Взорваны были две плотины в Балтиморе и сгорело несколько зданий портовых ангаров в Сан-Педро (Калифорния). На военных верфях в Мэр-Айленде в Калифорнии серия необъяснимых взрывов уничтожила трансформаторы.

Пенсильванский экспресс, направлявшийся из Кливленда в Питсбург, сошел с рельсов в Пенсильвании; пять человек было убито, более сотни ранено, многие получили тяжелые увечья. Следствие установило, что катастрофа была тщательно подготовлена и произошла возле городка, кишевшего сторонниками нацистов. Лишь благодаря чрезвычайной бдительности агентов ФСБ удалось воспрепятствовать ряду взрывов на крупнейших оборонных заводах по всему штату Нью-Йорк, Среднему Западу и тихоокеанскому побережью.

Священник казался совершенно бесстрастным, пока Возняк перечислял эти факты.

— Некоторые из упомянутых вами пожаров, — сказал он, — могли произойти просто вследствие несчастного случая.

— К чорту несчастные случаи! — возразил диверсант. — Мне известно, что это не были несчастные случаи. Я знаю многих, кто обдeldывал это дельце. Я лучше многих из них имею возможность обратить свои способности в наличные деньги.

И Возняк стал подробно излагать свои планы. Было бы бесцельно повторять здесь его измышления. Может быть, он и преувеличивал, чтобы произвести большее впечатление, но безусловно все же далеко зашел в разработке некоторых чудовищных планов, по сравнению с которыми взрыв в Кингеленде казался детской забавой. Он был в курсе всех последних изобретений в области диверсий.

— Они поймали меня в прошлый раз, потому что мой зажигательный карандаш не уничтожался огнем. Но новейшие карандаши сгорают целиком, так что от оболочки не остается ни малейшего следа.

Священник пожелал узнать подробности устройства новых карандашей. Возняк с готовностью удовлетворил его желания. Имеются разные сорта, объяснил он, и Берлин, как ему дали понять, весьма гордится ими. Принцип этого прибора остается прежним: фальшивый свинцовый кончик срезают в тот момент, когда карандаш надо пустить в ход, и кислород, входящий таким образом в узкую камеру с химическим веществом, воспламеняет это вещество, — происходит сильный взрыв.

— Преимущества нынешних карандашей в том, что для них уточнены сроки, — объяснил Возняк. — Одни взрываются в течение пяти минут, другие через четверть часа, а некоторые даже спустя несколько часов.

Возняк рассказал священнику о существовании «снарядов-пакетов»: химические вещества помещают в двух различных отделениях внутри пакета, имеющего самый заурядный вид. В нужный момент его можно смять, чтобы химикалии смешались, и бросить в мусорную корзину на пороховом заводе. Вскоре, в зависимости от того, когда химикалии в пакете соединятся, произойдет ужасный взрыв.

Диверсанту были известны и «овощные» зажигательные приборы: они действовали по тому же принципу, что и зажигательные карандаши, с той разницей, что химические вещества прятали во фруктах и овощах. Немцы, как заявил Возняк, усовершенствовали также яд, предназначенный для пищевых грузов. Они соорудили бомбу в форме консервной банки, на которую наклеивали поддельную этикетку обычного томатного пюре, распространенного в армии, а также экспортируемого за границу. Когда такую банку начинают вскрывать ключом для консервов, происходит взрыв и осколками убивает всех, кто находится на расстоянии два-

дцати футов. Этот прибор легко спрятать в крупный груз консервов.

— Вы видите, — заключил Возняк, — что я следил за изобретениями. Я полагаю, у вас нет сомнений в том, что я могу быть вам полезным.

— Я не сомневаюсь в этом ни минуты, — сказал священник. — Приходите через пару дней, и, может быть, у меня будут хорошие новости.

Возняк ушел весьма довольный собой, считая, что произвел большое впечатление, но результат оказался обратным: священник решил сообщить о террористе в ФСБ.

Дня через два, когда Возняк вновь пришел в отель «Бристоль», священник сказал:

— Я сообщу о вас графу Вонсяцкому. Вы, конечно, знаете, кто он такой.

Священник отправился в имение «графа» в Коннектикуте. Белогвардеец слышал о нем и рад был его видеть. Священник намеревался войти в доверие к Вонсяцкому, утверждая, что у него имеются в резерве и другие диверсанты типа Возняка, которые смогли бы пригодиться «графу». Ему хотелось сманеврировать таким образом, чтобы люди вроде Возняка были заняты установлением связей, а не организацией взрывов. Таким образом ФСБ в конечном счете смогло бы разоблачить крупную шайку диверсантов.

Вонсяцкий был хитер, но принял заявления священника за чистую монету и проглотил целиком приманку вместе с удочкой.

— На будущей неделе у нас важное совещание в отеле «Бисмарк» в Чикаго, — сказал «граф». — Я хотел бы, чтобы вы присутствовали.

На собрании в Чикаго священник встретился с четырьмя лицами, уже известными ФСБ. Это были Герхардт Вильгельм Кунце — главарь «Германо-американского союза» в Нью-Джерси, почтенный Курт Мольцан — лютеранский пастор из Филадельфии и бывший офицер германской армии, Отто Виллюмейт — заправила упомянутого союза в Чикаго, Вольфганг Эбелл — врач из Эль-Пасо.

У «графа» были крупные планы. Вместе с Кунце и Виллюмейтом он еще несколько лет назад установил ценные связи. Когда начнется война между Германией и США, — а это, уверял он, вопрос всего нескольких месяцев, — то Кунце и Виллюмейт смогут повести атаку на США одновременно на нескольких диверсионных фронтах.

Сам «граф», несмотря на свои аристократические претензии, поддерживал знакомства с руководящими работниками пороховых заводов Дюпона в Уилмингтоне (Делавэр) и различных авиационных и военных предприятий в штате Нью-Йорк и штатах Новой Англии, а также в армии, флоте, морской пехоте и пограничной береговой охране. Кунце, благодаря его положению в немецко-американских колониях, удалось устроить сторонников Гитлера на ответственные должности более чем в двадцати крупных предприятиях. То же сделал и Виллюмейт.

Планы передачи информации через Эбелла во время его периодических поездок по ту сторону Рио-Гранде предусматривали четыре способа. Первый — почтой из Мексики в Японию, — маршрут, дававший возможность обойти британскую цензуру. Вонсяцкий боялся британских цензоров и не хотел сталкиваться с ними в тех случаях, когда этого можно избежать. Второй способ — с курьерами, работающими на японских кораблях, которые останавливаются в мексиканских портах. Третий — с помощью подпольных коротковолновых радиопередатчиков. Вонсяцкому было известно, что у мексиканского правительства нет ничего, подобного американским контролерам, снабженным аппаратурой, которая моментально улавливает и определяет местонахождение коротковолновых радиостанций. Четвертый способ — непосредственный контакт с японскими подводными лодками, которые всплывают на поверхность в мексиканских водах. Кунце должен был связаться с этими лодками, либо выходя навстречу в открытое море на рыбацьем ялике, либо устанавливая место встречи на берегу, куда подводники могли бы высадиться с резиновой шлюпки.

Записи не были единственным типом информации, которую Вонсяцкий намеревался переправлять за границу с помощью Кунце. После провала шайки Дюкена, а вместе с ней и курьеров, немцам и японцам становилось все труднее переправлять громоздкие предметы, как, например, образцы новых снарядов, противогазов и оружия. Тот факт, что Кунце уже давно ездил в оба конца через границу у Эль-Пасо, теперь, как подчеркнул «граф», делает его наиболее способным продолжить работу, оставленную курьерами Дюкена помимо их воли.

Священник узнал многое в отеле «Бисмарк». Когда Вонсяцкий кончил говорить, священник предложил привлечь Воз-

няя и сумел так удачно повести дело, что тому велели временно воздержаться от диверсионных актов.

— Я достану средства на расходы, — сказал «граф». — Моя жена очень богата и никогда не спрашивает, куда я деваю деньги. Разумеется, она не знает, что я работаю на Германию и Японию.

«Граф» был чванливый и тщеславный субъект. Он закурил сигарету и, прохаживаясь взад и вперед, дал понять присутствующим, что собирается занять высокий пост в Берлине или в Токио — где ему вздумается, — после того как «высшие расы заставят США занять подчиненное положение».

— Я мог бы занять пост Геббельса, — сказал он. — Мог стать правителем Манчжоу-Го!

К концу конференции в чикагском отеле Вонсяцкий стал смеяться, рассказывать, как легко, по его мнению, организовать вредительство на американских заводах. Конечно, он упомянул о наждачном порошке и о том, что ничтожное количество такого порошка может мгновенно вывести из строя машину огромной мощности.

— Я знаю, что говорю, — сказал «граф», — ибо в одном из писем ко мне фон-Риббентроп пожаловался, как много хлопот доставляют нацистам чешские рабочие этим порошочком.

«Граф» сообщил своим слушателям о некоторых экспериментах, проведенных немцами на своих военных заводах. Они нашли, например, очень простой и не поддающийся разоблачению способ «запороть» винтовку; тогда ствол лопается после первого же выстрела.

Затем Вонсяцкий, Кунце и Виллюмейт стали обсуждать, в каких масштабах можно развернуть диверсионные акты на авиационных заводах, незаметно закладывая в мотор небольшую адскую машину, которая начинает действовать лишь после того, как самолет пробудет некоторое время в воздухе. Пилот услышит резкий треск, но будет уже поздно. Прежде чем он сможет что-либо предпринять, с самолетом будет покончено.

КОНЕЦ ШАЙКИ ЛЮДВИГА

АГЕНТЫ ФСБ, выслеживавшие тем временем нашего старого знакомого Людвига, очутились в Фримонте (Огайо). Им было известно, что Фримонт — родина Людвига. Их не удивило, когда он отправился оттуда в магистрат в Сандаски и получил копию своей метрики. Предполагалось, что шпион держит курс на тихоокеанское побережье и метрика ему нужна, чтобы отплыть из Сиэтля или Сан-Франциско через Японию в Германию.

Будучи в Огайо, Людвиг посетил форт Клинтон и лагерь Эри, рассматривал их в бинокль и делал записи. Он побывал в окрестностях испытательного аэродрома подле Райт-Филда. Видимо, здесь охрана была довольно бдительной, но ему удалось схитрить. Людвиг остановил свою машину на боковой дороге, откуда открывался прекрасный вид на аэродром и на бомбардировщики, отлетающие или делающие посадку, вынул автомобильную пшину и стал в ней ковыряться. Так он смог набросать ряд заметок обо всем, что происходило вокруг.

7 августа Людвиг был в Детройте, где бродил вокруг аэродрома Селфридж-Филд. Затем зашел на завод Форда, где некогда работал его старый друг, Фриц Кун, ныне находившийся в тюремном заключении. У Людвига нашелся и другой друг на фордовском заводе, которого он вскоре навестил.

Из Мичигана шпион направился в Миссури, в окрестности озера Озарк, где сфотографировал плотину Багнелла. Из Миссури проследовал в Колорадо и 21 августа въехал в восточные ворота Йеллоустонского национального парка. Повидимому, у шпиона возникло подозрение, что за ним следят. В парке он ездил, то замедляя ход, то устремляясь вперед с головокружительной скоростью. Агенты старались не отстать. Прежде чем подъехать к гостинице, Людвиг добрых двадцать минут кружил по шоссе, как бы с целью удостовериться, что нет слежки. Затем внезапно пустился пречь со скоростью восемьдесят миль в час.

Шпион въехал в парк рано утром. Было четыре часа дня, когда он остановился в хижине № 47 у Мамонтовых горячих ключей, в сосновой роще. Агенты караулили, спрятавшись за сосной, и с наступлением темноты заметили дым,

поднимавшийся из трубы хижины. Они знали, что у шпиона не было с собой продуктов, и решили, что он сжигает какие-то уличающие бумаги. Но это их не обеспокоило: они еще только готовились нанести удар; прежде чем Людвиг закончит свой путь, он сможет навести агентов на след других предателей, как это произошло на заводе Форда. Когда шпион уедет, агенты войдут в хижину и бережно соберут обуглившиеся остатки того, что он жег. Затем этот пепел будет уложен в ватное гнездо и отправлен в «дом черной и белой магии», известный под именем лаборатории ФСБ в Вашингтоне. Там пепел подвергнется действию инфракрасных лучей и другим процедурам, пока все написанное на сожженной бумаге не будет восстановлено, словно по волшебству. Все это очень просто и давно известно.

Следующую остановку Людвиг сделал в Бьютте (Монтана). С Северного Тихоокеанского вокзала он отправил два чемодана в Дюмон (Нью-Джерси). Очевидно, он весьма тщательно просмотрел содержимое чемоданов, когда находился в хижине на Мамонтовых горячих ключах, и сжег ненужные или опасные бумаги. Теперь шпион избавлялся от багажа, решив бежать из страны.

Людвиг уже был в штате Вашингтон, в городке Кле-Элам, около ста миль к востоку от Сиэтля, когда Гувер в Вашингтоне решил, что пора действовать. Извлеченные из камина в хижине обуглившиеся остатки бумаг раскрыли множество загадок. Чемоданы, отправленные в Нью-Джерси, были задержаны, и в них нашли около пятидесяти военных карт и других секретных документов. Руководитель ФСБ отдал приказ. Были одновременно арестованы шпионы из порта — Мюллер и Пагель, секретарь Людвиг Люси Бемлер, домашняя хозяйка из Бруклина Эллен-Паулина Мейер, которая так ловко собирала сведения у доверчивых рабочих авиационных заводов, и солдат-предатель на Говернорс-Айленд Рене Фрелих. «Профессор» Борхардт, аналитик из той же компании, еще не был задержан; ФСБ оставляло его пока на свободе, чтобы напасть на след других. Слежка за самим Людвигом по всей стране закончилась в Кле-Элам. Он очутился лицом к лицу с двумя агентами, и это был конец.

Людвиг привезли в Спокан и поместили в федеральную тюрьму. К нему приставили специального агента, по имени Рой Киллиан. Шпион немедленно выказал желание подружиться со своим стражем. Киллиан понял, что именно пред-

стоит; он тоже оказался неплохим актером и словно ненароком обмолвился о том, что трудно жить на жалованье: едва удается свести концы с концами.

— Скажите, — спросил Людвиг однажды, — хотели бы вы заработать пятьдесят тысяч долларов наличными?

Киллиан вытаращил глаза. Он оглянулся, как бы желая удостовериться, что никто не подслушивает.

— Каким образом?

— Выпустив меня.

— Но как же это сделать, чтоб не попасться?

Людвиг улыбнулся.

— Это не так трудно, — сказал он. — Закажите второй ключ от камеры и дайте мне. Я выйду и запру дверь за собой. Они подумают, что мне удалось самому сделать ключ, здесь, в камере.

Киллиан сделал вид, что размышляет.

— Неплохая идея, — сказал он. — Но могу ли я быть уверен, что получу деньги?

Людвиг убедительным жестом положил руку Киллиану на плечо.

— Вы получите их в течение двадцати четырех часов. Я встречу с вами на свободе и телеграфирую в Буэнос-Айрес относительно денег.

— У вас есть там человек, который может выслать столько денег?

Людвиг, желая показать Киллиану, что он предлагает честную сделку, раскрыл свои связи в Буэнос-Айресе. Киллиан рассказал обо всем прокурору. Проверка показала, что Людвиг сообщил подлинное имя и настоящий адрес. Так удалось вырвать еще один секрет у нацистского шпионского центра уже после того, как глава его был заключен в тюрьму.

Агент продолжал свою игру. Когда стало очевидным, что от узника нельзя больше добыть никаких сведений, Киллиан высмеял его предложение насчет пятидесяти тысяч долларов, и Людвиг увезли на самолете в Нью-Йорк. Вскоре после этого был арестован и Борхардт. К тому времени белокурая секретарша Людвиг — Люси Бемлер — призналась во всем и согласилась выступить в процессе главной свидетельницей.

После ареста людвиговского шпионского центра шайка Вонсяцкого забила тревогу. Нацистов, которые оставались в поле зрения агентов ФСБ, трясла лихорадка.

К концу года состоялся процесс Дюкена. К тому времени большинство из тридцати двух его сотоварищей по скамье подсудимых признало себя виновными в шпионаже. Киноленты, пленки, диктографы, обличающие улики, собранные ФСБ в огромном количестве, — все это лишило их возможности отпираться. Любовница Дюкена, девушка из высшего света, признала себя виновной, что не выдала агента иностранной державы, но против нее не было возбуждено обвинения в шпионаже, ибо ее признали слепым орудием в руках бура. Герман Ланг, мастер завода авиаприцелов Нордена, был в той группе, которая избрала своим жребием идти до конца вместе с буром Фрицем. 13 декабря 1941 года после почти трехмесячного судебного разбирательства всем был вынесен обвинительный приговор: Дюкен и Ланг получили по восемнадцать лет тюремного заключения, а остальные меньше. В общем обвиняемым повезло, что преступления их были совершены в мирное, а не в военное время. Дюкен держался на процессе то стоически, то нагло. Он высказал лишь одно страстное желание: своими руками задушить Себольда.

8 февраля 1942 года прокурор США Маттиас Ф. Коррез начал процесс шайки Людвиг. Людвиг, Борхардт и Фрелих получили по двадцати лет тюрьмы, Эллен Мейер и Мюллер, как и признавший себя виновным Пагель, — по пятнадцати лет. Люси Бемлер отделалась всего пятью годами, но ей пришлось бы отсидеть значительно дольше, если бы она на процессе не помогла дяде Сэму.

Вонсяцкий в конце концов решил отказаться от услуг священника. Вероятно, у него возникли подозрения. Но священник сослужил дяде Сэму хорошую службу — сообщил о десятках вражеских диверсантов и шпионов, которых можно было арестовать в любой момент.

Агентам, занятым слежкой за «графом», стало казаться, что затевается серьезное дело. Такое же впечатление производили и его сообщники. Похоже было на то, что они ожидали какого-то сигнала.

«Граф» отправился к Кунце. Агенты видели в сильные бинокли, как Вонсяцкий рассказывает в гостиной, жестикулируя и указывая на стенную карту Европы. Точно такая же карта висела у «графа» на стене в его кабинете-доте.

Раном утром к «графу» и Кунце присоединился еще один посетитель. То был почтенный Мольцан, дом которого

находился как раз напротив, через реку. Вонсяцкий, жестикулируя, обращался к пастору и указывал на карту. Пастор сидел, покачивая головой; казалось, слова «графа» производили большое впечатление.

На следующий день Вонсяцкий отправился в Чикаго. Два агента заняли соседнее купе. Они знали, что «граф» возил с собой портативную пишущую машинку, и когда агенты установили свои аппараты для подслушивания возле стенки купе, то слышали, как стучит машинка.

В Чикаго один из сыщиков задержался, чтобы осмотреть купе, только что покинутое «графом»; сыщики слышали, как «граф» рвал бумагу, ругался, затем скомкал ее и швырнул на пол. Но теперь ни одного обрывка не было в купе: перед уходом он тщательно подобрал каждый клочок.

Агенты не были удивлены, когда Вонсяцкий направился прямо к дому Виллюмейта. Их больше удивило, когда через час после приезда «графа» появился Кунце. Еще больше их удивил приход Эбелла, медика из Эль-Пасо. Видимо, затевалось что-то из ряда вон выходящее.

Но узнать не удалось ничего. Через двадцать четыре часа после встречи в доме Виллюмейта Кунце сел в поезд и поехал в Камден, а Эбелл вернулся к себе домой в Эль-Пасо. И агенты только видели, как Кунце передал пастору Мольцану пачку банкнот.

Тем временем Вонсяцкий отправился обратно в свое имение в Коннектикуте. Через сутки после его возвращения приехал пастор из Филадельфии. Агенты, следившие за ними в сильные бинокли из хорошо укрытых пунктов возле имения, заметили, как пастор и «граф» пошли в похожее на крепость сооружение и оставались там больше часа.

Потом пастор уехал в Чикаго к Виллюмейту, после чего вернулся в Филадельфию. Не прошло и двух часов после его отъезда, как Виллюмейт сам отправился в Эль-Пасо, где встретился с Эбеллом. Не успел Виллюмейт сесть в поезд, как Эбелл вскочил в автомобиль и помчался через границу в Мексику. Что он затевал? Приступят ли, наконец, подозреваемые к непосредственным действиям и тем дадут улики в руки агентов?

ФСБ пока не хотело захлопнуть западню, в которую попался Эбелл. Агенты знали, что он работал продавцом в Мексике до того, как приехал в США и стал заниматься врачебной практикой: ему были хорошо известны все дороги по ту сторону Рио-Гранде. Но почему именно пастор исполь-

зается в качестве курьера между Коннектикутом и Чикаго и почему Виллюмейт, выступая в той же роли, совершает рейсы между Чикаго и Эль-Пасо? Эбеллу, видимо, передают сведения либо деньги. Если это деньги, то подтверждаются прежние подозрения, что Вонсяцкий финансирует всю группу. Но откуда «граф» достает ередства?

Агентам ФСБ не разрешалось пересекать границу США для преследования преступника; пришлось прервать слежку. Но они вошли в соглашение с мексиканской федеральной полицией. Вот что ей удалось выяснить.

Эбелл подъехал к рыбацкому поселку в десяти километрах к югу от Вера-Крус. Там он остановился в гостинице, пользующейся не особенно хорошей репутацией, и связался в деревне с несколькими темными личностями. Мексиканские сыщики из опасения быть замеченными не рискнули приблизиться к Эбеллу и его сообщникам, чтобы установить, имели ли здесь место какие-нибудь денежные передачи. Но, видимо, некоторые из новых знакомых Эбелла получили деньги, так как после его отъезда обратно в США рыбаки, с которыми встречался Эбелл, стали обнаруживать признаки определенного материального благополучия, чего раньше за ними не замечалось.

Эбелл долго не возвращался в Эль-Пасо. Затем внезапно появился Кунце. Оба сели в машину Эбелла, снова пересекли границу и направились в ту же рыбацкую деревушку, где вместе и остановились в той же самой гостинице. Эбелл, как и раньше, записался под своим настоящим именем, Кунце изобразил из себя сеньора дон-Альфонсо графа Габедес; причем мексиканские агенты заметили, что он говорит по-испански.

Вонсяцкий направился к верфи, одной из крупнейших в стране. Он позвонил по телефону из автомата у входа. Через десять минут оттуда появился человек в рабочем комбинезоне и вошел в фешейбельный лимузин «графа». Они представляли собой странную пару — рабочий в промасленной одежде и элегантный «граф».

Беседа их длилась почти два часа и происходила в отсутствии шофера, которому «граф» предложил прогуляться. Когда свидание закончилось, агенты разделились на две группы: одни последовали за Вонсяцким, другие отправились на верфь. Выяснилось, что рабочий был немцем, американским гражданином, занятым на одной из важных работ. Все

это было знакомо Гуверу. Он уже давно знал, что немецкие и японские шпионы пытаются получить важные сведения относительно оборонной промышленности США от весьма почтенных по своему положению людей, занимавших высокие командные посты на заводах, производящих оружие, танки и снаряды, а также в армии. Рабочий верфи, друг «графа», подвергся обычно, принятому ФСБ методу слежки. Он даже не знал, что за ним следят, и все же с него ни на минуту не спускали глаз. Делалось это для того, чтобы пустить рыбку в воду и поглядеть, куда она поплывет. То же самое происходило повсюду в стране. Предателям подсовывались составленные ФСБ ложные сведения, и таким образом все, что они передавали шпионскому центру, только вводило немцев в заблуждение.

Вонсяцкий возил с собой в лимузине много багажа, и ФСБ решило, что он отправляется в долгое путешествие. За «графом» следили уже третий год и до сих пор бесплодно, но теперь похоже было на то, что слежка дает, наконец, плоды.

На другой день «граф» остановился у одного из самых больших военных заводов в мире. Повторилось то же, что на верфи: Вонсяцкий больше часа беседовал с каким-то рабочим. А ночью рабочий снова зашел к «графу» в местный отель. Агенты ФСБ сидели в соседнем номере и подслушивали.

— Боюсь, потребуется несколько недель, чтобы достать просимое вами, граф, — сказал рабочий. — Это, знаете ли, нелегкое задание.

— Может быть, — ответил «граф», и в голосе его появились резкие ноты. — Но если вы подумаете, то поймете, что в ваших интересах выполнить задание. Я даю ровно неделю срока. Доставьте ко мне домой, в Коннектикут.

Тем временем пациентам Эбелла в Эль-Пасо было сказано, что врачу, возможно, придется отлучиться на некоторое время, и тогда следует обращаться к другому доктору. Разумеется, это стало известно ФСБ. Достопочтенный пастор Мольцан, видимо, тоже готовился к отъезду: он рассказывал прихожанам, что чувствует себя не совсем хорошо и, может быть, отправится в места, где потеплее, например в Мексику.

Сцена и актеры были готовы. Агенты ФСБ следили, застав дыхание.

Мольцан совещался с Кунце. Кунце разговаривал по междугородному телефону с Вонсяцким, а затем отправился

в Эль-Пасо. Мольцан поехал в Коннектикут и вышел от «графа» с большим чемоданом. Агенты решили, что в этом чемодане содержались все сведения, собранные «графом» за время путешествия. Мольцан отвез чемодан в Чикаго и оставил у Виллюмейта. Виллюмейт повез чемодан в Эль-Пасо, куда прибыл через несколько часов после Кунце. Но он не стал задерживаться, а сразу уехал обратно в Чикаго.

Эта «эстафета с чемоданом» носила такой характер, что Гувер сразу понял: пора! Момент казался решающим.

Агенты ФСБ последовали за Кунце и Эбеллом, когда те сели в машину и направились к границе. Мексиканские власти, предупрежденные о готовящейся поездке, продолжили наблюдение за немцами, когда те пересекли границу и направились в рыбацкую деревушку, где бывали и раньше.

Содержимое чемодана не беспокоило ФСБ. Благодаря системе контршпионажа оба предателя везли с собой информацию, которая будет для Германии и Японии скорее вредной, чем полезной. Правительственные чиновники позаботились, чтобы тем работникам военных заводов, у которых побывал «граф», были подсунуты неверные планы и сведения. Немцы приехали в рыбацкую деревушку и остановились на убогом постоялом дворе. Затем Эбелл отправился обратно в Техас.

Через неделю мексиканская полиция известила Гувера, что Кунце все с тем же чемоданом сел в рыбацкую лодку. Ночь была безлунной, и вскоре лодка потерялась во тьме.

Куда отправился Кунце? Что он собирался делать с чемоданом? Потеряв Кунце из виду, раздосадованная мексиканская полиция ломала голову над этими вопросами. Через несколько часов они увидели Кунце возвращающимся без чемодана и вспомнили слухи о подводной лодке, изредка показывавшейся у этих берегов. Очевидно, Кунце нанял рыбака, и тот доставил его к подводной лодке, по всей вероятности японской, которая и приняла на борт шпионский чемодан. Сразу после ночной поездки по морю Кунце вернулся в США.

Теперь агенты собрали достаточно улик. Но, чтобы быть вдвойне уверенным, Гувер все еще выжидал. Слежка за шпионами продолжалась. Вонсяцкий отправился в новую поездку по военным заводам. А пастор Мольцан переписывался с Лиссабоном: он пользовался шифром, который быстро разгадали британские цензоры на Бермудах. Содержание

этих писем изобличало не только Мольцана, но также Эбелла и Виллюмейта.

Наконец, был отдан приказ арестовать шайку. Кунце тогда находился в Мексике, и задержать его попросили мексиканскую полицию. Шпиона застigli как раз в тот момент, когда он готовился выйти в море с рыбаками, очевидно, собираясь бежать на подводной лодке.

Все пятеро были обвинены в «заговоре с целью собирать и передавать германскому и японскому правительствам сведения относительно численности, личного состава, расположения, снаряжения, вооружения и состояния духа армии Соединенных Штатов; местонахождения, масштабов, мощности и других особенностей военных заводов, необходимых для национальной обороны Соединенных Штатов».

Все эти люди были заключены в тюрьму в Хартфорде (Коннектикут) до процесса, происходившего под председательством федерального судьи Джозефа Смита.

Группа «графа», за исключением лютеранского пастора, признала себя виновной еще до суда. Дело Мольцана разбиралось в Хартфорде, в Федеральном суде. Присяжные признали его виновным, и пастора приговорили к десяти годам тюрьмы. Федор Возняк, диверсант, который так и не успел приступить к действиям, был вскоре арестован. До ареста он успел навести агентов на след дюжины подобных ему негодяев; все они также были арестованы.

Но Гувер не забывал и об американских немцах — молодых нацистах, вернувшихся в Германию, чтобы пройти курс в гитлеровской «академии» диверсантов. Теперь, когда война началась, они должны были появиться с минуты на минуту.

В конце мая Гувер получил предупреждение, что некоторые диверсанты уже в пути. Откуда и как пришло предупреждение, еще нельзя рассказать, как нельзя до конца войны раскрыть и некоторые другие детали. Уже в конце мая стало известно, что диверсанты попытаются высадиться с помощью резиновой шлюпки на побережье либо в окрестностях Лонг-Айленда, либо во Флориде, либо в обоих местах одновременно. Был усилен надзор над немцами, проживавшими в Лонг-Айленде, в Йорквилльском районе Манхаттана, во Флориде и в Чикаго. Было очевидно, что если диверсантам удастся благополучно высадиться, они будут искать пристанища у этих людей.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ

ГУВЕР НЕ ОШИБАЛСЯ, когда рассчитывал, что следует ожидать высадки немецких агентов. Было известно, что гитлеровские диверсанты проходят в это время основательную подготовку. Хотя в мае 1942 года еще ничего не было известно о Герберте-Карле Баре, молодом человеке, которому суждено было занять видное место в галерее нацистских преступников,—мы, несколько забегая вперед, расскажем здесь историю этого Бара.

Герберт-Карл Бар родился в деревне Клостерфельд в Германии 27 августа 1913 года. Ему было тринадцать лет, и он считался способным мальчиком, когда родители оставили Германию, эмигрировали в США и поселились в городе Буффало. Здесь отец на тридцать восьмом году жизни стал рабочим завода.

Закончив в Буффало свое среднее образование, юноша Бар поступил в политехнический институт в том же городе. Он хотел стать инженером и мечтал об ученой степени.

Окончив политехнический институт в 1938 году, он получил стипендию, которая дала ему возможность отправиться в Германию; тогда происходил обмен студентами между немецкими и американскими университетами, и Бар попал в это число.

Сразу же после приезда он поступил в Высшую техническую школу в Ганновере. В студенческой среде только и говорили, что о служении «фюреру». В мае 1939 года во время каникул Бар съездил в Берлин и там был представлен высокопоставленному нацистскому чиновнику доктору Бауэру. Впоследствии он узнал, что почти все нацистские важные персоны называются «докторами». Бауэр, толстый маленький человечек, недурно говорил по-английски и неоднократно бывал в США. Узнав, что Бар приехал из Буффало, он воскликнул:

— Ах да, там замечательные гидроэлектрические сооружения!

Бар сказал, что знает об этом.

— Когда вы кончаете курс и возвращаетесь в Соединенные Штаты? — поинтересовался Бауэр.

Бар ответил, что ему еще долго придется ждать осуществления своей мечты получить звание инженера в Германии.

Бауэр рассмеялся.

— Может, и не так долго,— многозначительно сказал он.

Бар ответил, что не понимает, как это может быть.

— Поймете потом,— последовал ответ. — Между прочим, когда вернетесь в Соединенные Штаты, у нас будет для вас важное дело. У нас, то-есть у гестапо.

Бар снова заметил, что ничего не понимает.

— Поймете потом,— повторил Бауэр.

Бар начал кое-что понимать, когда вернулся в Ганновер. Теперь различные преподаватели вызывали его к себе в кабинеты и говорили, что нет надобности особенно утруждать себя занятиями, после чего ставили ему высокие баллы, совершенно несоразмерные приобретенным им познаниям.

Летом 1939 года, накануне вторжения немцев в Польшу, Бар проходил практику на заводе, где изготовлялись детали бомб. Мастер отделения, где он работал, то и дело подходил и говорил:

— Послушай-ка, Карл, части, которые мы делаем, пойдут сперва на бомбы для Польши, затем на бомбы для Англии, а потом на бомбы для Соединенных Штатов.

— Для Соединенных Штатов? — с изумлением переспросил Бар.

Мастер улыбнулся и кивнул головой.

— Этот Рузвельт хочет воевать. Фюреру не остается ничего иного, как пойти ему навстречу. — Затем мастер стал на вытяжку, щелкнул каблуками и выбросил вперед правую руку: «Хайль Гитлер!»

Бар убедился, что гестапо знает о нем многое. Там знали, например, даже о том, что кучка снобов в колледже издевалась над ним, когда он ради заработка служил официантом в столовой политехнического института в Буффало; как-то раз мастер сказал:

— Карл, какая ужасная страна Соединенные Штаты! Там полно людей, которые считают себя выше всех остальных. Вы, наверное, не раз испытали это на своей шкуре.

Бар признался, что доводилось встречаться с такими людьми.

— Неужели вы не собираетесь расквитаться с ними? — спросил мастер.

Он задел больное место Бара.

— Конечно,— сказал Бар,— я пошел бы на что угодно, лишь бы расквитаться с ними! Но что я могу сделать?

— Придет время, и вам скажут,— последовал ответ.

Когда Гитлер напал на Польшу, Бару прожужжали все уши разговорами о том-де, что виноваты в этой войне только Англия и США. Ему даже рассказали, будто американские солдаты, переодетые в польские мундиры, захватили в плен нескольких немцев и практиковались на них в умении владеть штыком. К этому добавили, что американские бойцы были сыновьями богатых родителей. Можно представить его настроение.

На следующий год Бар чередовал занятия с практикой на разных немецких заводах, которую ему предоставляли очень легко, без особых просьб. Платили хорошо, и денег у него было больше, чем когда-либо раньше. Однажды он сказал об этом товарищу, который работал с ним в чертежном отделе, где они проектировали самолеты.

— Карл, — отвечал тот, — в Америке только богачи могут жить так, как мы все будем жить здесь, когда фюрер завоеует мир. — И он принялся самыми заманчивыми красками рисовать картину германского мирового господства.

Пропаганда начинала действовать. Время от времени Бара приглашали в гости люди, которым, видимо, нравилось его общество. Его угощали в таких фешенебельных ресторанах, как отель Адлон в Берлине. Общество друзей поглощало все свободное время, которое оставалось от работы и занятий. Его новые приятели постоянно заботились о развлечениях; угощение, выпивка и красивые девушки всегда входили в программу.

Бару искусно мешали увидеть подлинную Германию, которая терпела страшную нужду ради того, чтобы у Гитлера было побольше пушек.

В отеле Адлон однажды Бар встретил Бауэра.

— Вы слышали разговоры о недостатке мяса в Германии? — спросил Бауэр, лукаво подмигивая.

Бар ответил, что как раз получил от друга из США письмо, из которого впервые узнал о нехватке мяса в Германии. Он, конечно, не знал, что письмо это предварительно прошло через руки гестапо.

— Что ж, — промолвил Бауэр, — это пропаганда Рузвельта. Но я скажу вам, что Германия располагает самыми большими в мире запасами мяса. Я могу доказать тут же. Чего бы вам хотелось сегодня заказать?

— Я давно не видел ростбифа.

— Давайте ростбиф! — сказал Бауэр. И ростбиф появился. И какой это был ростбиф!

За все время между летом 1939 и летом 1940 года Бар вряд ли замечал, что Германия воюет. Он все еще учился и работал, и его по-царски угощали такие люди, как Бауэр. Все было самое лучшее, гораздо лучше того, что ему удавалось когда-либо прежде получать в США.

Бауэр продолжал время от времени беседовать об Америке, особенно о гидроэлектрических сооружениях в окрестностях Буффало.

— Мы превратим их заводы в пыль и прах, — сказал он однажды в отеле Адлон за бутылкой настоящего крепкого шнапса. — Мы постоянно получаем информацию от наших агентов обо всех крупных объектах в США. И уже обучаем здесь же, в Берлине и его предместьях, тех, кто в свое время отправится туда и начнет действовать. Уж мы покажем Рузвельту! Ну-ка, пропустим еще по одной!

Бауэр намекал на гитлеровскую школу диверсантов.

В августе 1940 года Бар сидел над чертежами для машиностроительного завода Берсторфа в Ганновере, как вдруг вошел Бауэр.

— Вам не придется больше заниматься, — сказал он. — Мы присваиваем вам звание инженера.

— Как так?

— Вы нужны для более важного дела и сможете начать свою карьеру инженера в будущем году, после войны.

— Что значит «мы»? — спросил Бар.

— Пойдемте, я объясню.

Они пошли в кабачок на окраине Ганновера и заняли маленький тускло освещенный кабинет. Хорошее пиво и водка были тогда большой редкостью в Третьей империи, — но не для Бауэра.

— Чему быть на столе? — спросил он. — Как сказали бы в Америке. . .

— Шотландское виски, — ответил Бар. — Целую бутылку. И к нему копченую лососину с русской икрой.

Нормирование продуктов не касалось Бауэра; нацистские заправки никогда в жизни не жили так широко, как именно теперь.

— Немного будет у нас русской икры через год в это самое время, — пожалел он.

— Почему? — спросил Бар.

— Разве вы не знаете, что фюрер ненавидит Советы?

— А как же пакт о ненападении?

Бауэр пробормотал:

— Гроша медного не стоит! — Он наклонился к своему собеседнику: — Слушайте. Вы пройдете здесь курс обучения и поедете в Соединенные Штаты работать для нас. Не помню, говорил ли я, но может быть вы догадывались сами: я работаю в гестапо.

Бар кивнул.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Мы все еще в мире с Соединенными Штатами и поэтому торгуем с американскими фирмами. Правильно?

Бар кивнул.

— Итак, мы даем документы, свидетельствующие о том, что вы представитель большой немецкой фирмы, имеющей патент на электрические трансформаторы. В Соединенных Штатах у «Дженерал Электрик Компани» имеется соглашение с нами, по которому они имеют право производить наши аппараты, выплачивая вознаграждение за патент.

— А дальше?

— Вы знаете, что такое договоры. — В конце всякого договора есть много примечаний мелким шрифтом. Из них нетрудно в случае надобности извлечь всевозможные предложения для придинок. Мы подыщем кое-какие предложения, вы отправитесь в Америку, скажете людям из «Дженерал Электрик», что они не выполняют условий договора, и покажете полномочия действовать от имени владельцев патента. Затем вы расторгнете контракт с «Дженерал Электрик». Ясно?

— Вполне. А что я должен делать дальше?

— Это тоже очень просто и ясно. Вы отправитесь к Вестингаузу, конкуренту «Дженерал Электрик», и скажете, что готовы передать ему право пользоваться нашим патентом. Но пока Вестингауз будет обдумывать предложение, вы пойдете на другие крупные заводы и постараетесь заключить там соглашения, предварительно расторгнув старые договоры с американскими фирмами.

— Понимаю, — сказал Бар. — Мое официальное положение представителя крупной немецкой фирмы дает возможность проникнуть на важнейшие американские заводы, где я смогу узнать военные секреты.

— Вы совершенно правы, — сказал Бауэр. — Вы сможете добыть такие сведения, каких никогда не удастся получить другим, так как во время переговоров с высшей администрацией проникнете в самые недра завода. Ну, что, звучит неплохо?

— Неплохо, если только будут платить достаточно.—
Бар решил поторговаться.

— Денег будет куча, — обещал Бауэр.

— Как я смогу направлять сведения?

— Мы дадим подставные почтовые адреса в Лиссабоне, Цюрихе и Буэнос-Айресе. Вы печатаете на машинке обычное деловое письмо, а на обороте сообщите подлинные сведения, записанные новым сортом невидимых чернил.

Бауэр повез Бара в маленький отель в Касселе. Здесь его встретили другие чиновники гестапо, которые, казалось, занимали весь отель. Один из них без всяких церемоний оторвал пуговицу от пиджака Бара, сунул между подкладкой и верхом комок ваты и снова пришил пуговицу на место. Другой гестаповец сорвал с его чемодана замок, сунул в образовавшееся отверстие другой комок ваты и затем снова приделал замок.

Вата, как потом объяснили Бару, была пропитана химикалиями, которые давали бесцветные симпатические чернила и были настолько сильными, что двух маленьких комочков хватало надолго.

Тут же, в отеле, Бару рассказали, как пользоваться секретными чернилами. Но когда он осведомился было о составе чернил и реактиве для их проявления, ему сказали, чтобы он не совал носа не в свое дело.

Немцы — большие педанты. Прошел год, прежде чем все было готово для отправки Бара на шпионскую «работу» в США. Он провел это время на заводах, выпускающих изделия, которые производились в США по немецким патентам. Следовало освоиться с вещами, о которых придется беседовать с администрацией «Дженерал Электрик» и других фирм, владевших столь нужными Гитлеру секретами.

Бара держали в курсе новейших изобретений в области изготовления непробиваемого пулями стекла, производства броневых пуль, авиационного моторостроения, аэронавигационных приборов. Некоторые из этих изобретений принадлежали немецким инженерам, другие были похищены у США шайкой Фрица Дюкена. Будучи в курсе немецких новинок, Бар смог бы во время поездок по американским заводам сразу же пронюхивать о всяком новом изобретении.

В конце 1941 года Бар собирался уже отплыть в Нью-Йорк, когда Бауэр снова явился к нему.

— Очень сожалею, — сказал гестаповец, — но планы относительно вас вконец изменились. Война с Соединенными

Штатами разразится в конце ноября либо в начале декабря. Теперь невозможно работать под маской, которую мы первоначально наметили.

Бару не терпелось: он стал нацистским шпионом и жаждал приступить к делу. Когда война кончится, он вернется в Германию и сам будет нацистским заправилкой. Ему улыбнется фортуна там, где провалились Дюкен и многие другие. Нет, он не создан для тюрьмы. О, нет, сэр! Его увидят еще среди ближайших помощников фюрера, владыки всего мира.

— Плохо, — сказал Бауэр, — что вы не еврей.

Странное замечание в устах нациста.

— Да, это значительно облегчило бы все задуманное. Но не огорчайтесь. Мы устроим вам добрую еврейскую биографию.

Бар не понял. Бауэр разъяснил:

— Вы спасаетесь бегством. Вы бежите из Германии, бежите от гестапо. По крайней мере, вы расскажете эту версию, когда будете в США.

Бара направили в американское посольство в Берлине, чтобы продлить просроченный паспорт: время его пребывания в Германии уже истекло. Чиновник посольства спросил о его американском гражданстве. Но отец Бара, уроженец Германии, натурализован в США, поэтому сын автоматически становился американцем.

Гестапо научило, что именно сказать американцам.

— Я еврей, — заявил он, следуя инструкциям.

Чиновник, который вел переговоры, поднял брови.

— И все-таки хотите еще остаться здесь?

— Есть кое-какие сведения, которые я хочу получить прежде, чем уехать. Они могли бы пригодиться для Соединенных Штатов.

Чиновник ничего не сказал и продлил паспорт.

Бар все еще слонялся по Германии. Время от времени Бауэр отбирал у него паспорт и возвращал с еще одним штампом гестапо, свидетельствующим о том, что Бар находится под строгим наблюдением. Все это было частью задуманной инсценировки.

17 февраля 1942 года Бауэр вместе с двумя другими гестаповцами усадил молодого инженера в машину и повез в городок Зекинген, возле Швейцарии. Здесь у гестапо был домик как раз у входа на мост, который вел к швейцарской границе.

Утром 18 февраля Бар с чемоданом в руке мчался во весь опор через мост. Позади раздавались крики и выстрелы. Он продолжал бежать. Крики и выстрелы входили в план инсценировки, и Бар знал, что пули пролетят мимо.

Два швейцарских жандарма уже ждали его на другом конце моста. Искусный спортсмен, он не устал от этой перебежки в несколько сот ярдов, но симулировал одышку и полное изнеможение. С поразительным искусством Бар изобразил обморок: жандармам пришлось приводить его в чувство. Оправившись, Бар стал умолять полисменов:

— Арестуйте меня, делайте со мной, что хотите, но не выдавайте гестаповцам.

Конечно, швейцарская полиция арестовала Бара за незаконный переход границы. Но как гражданин США, он известил обо всем американского консула в Цюрихе, и правительство заинтересовалось этим случаем.

Снаряжая шпиона, гестапо вручило ему семь тысяч долларов в американской валюте. Деньги были зашиты в одежду. Ему было сказано, что из этой суммы три тысячи составляли жалованье за год вперед, две давались для возвращения на родину, тысяча — на путевые расходы в США и столько же на подкуп или подпаивание нужных людей. В довершение перед мнимым бегством он получил 500 долларов в швейцарской валюте.

Бар рассказывал каждому, кто спрашивал, в том числе и чиновникам американского консульства, версию, которую придумал для него Бауэр. Предъявленные им 1 200 долларов в американской валюте, сказал он, ему заплатили два богатых еврея в кабачке Ганновера за германский военный секрет, который случайно он узнал во время работы на заводе авиационных моторов.

Бар добавлял, что обладает сведениями о немецких опытах применения паровой турбины на самолетах, что раз навсегда покончит с потребностью в бензине, — секрет немаловажный в военное время.

Внешне казалось, что всем этим рассказам поверили, и после множества формальностей он 13 мая выехал в Лиссабон. Пассажирский пароход «Дротнингхольм» готовился к отходу. Бару дали пропуск, но агенты таможни при осмотре багажа нашли деньги и объявили, что из Португалии воспрещается вывозить более 200 долларов.

Бару не хотелось отдать кому-нибудь деньги. Он пропустил первый рейс «Дротнингхольма» и написал Бауэру се-

кретными чернилами, отправив письмо по нацистскому подставному адресу в Лиссабоне. Он сообщал, что не удалось получить пропуск и придется ждать, пока «Дротнингхольм» не пойдет в следующий рейс, по всей вероятности, в июне.

Теперь он решил истратить 7 000 долларов в течение месяца. Человек не может израсходовать такую сумму на еду, выпивку и женщин. Он свалился прежде, чем доберется до третьей тысячи. Бар тщетно пытался растратить деньги. Не было ночного притона, в котором он не побывал бы, а Лиссабон — один из самых беспутных городов на земном шаре. Впрочем, кутежи то и дело приходилось прерывать: за ним всюду следовал человек, похожий на агента гестапо.

Тогда Бар решил попробовать избавиться от денег игрой в карты, но вместо этого сорвал банк в крупном игорном доме и выиграл громадную сумму. Впрочем, он снова начал игру и вскоре достиг того финансового уровня, который казался ему более нормальным.

Оставалось около 2 000 долларов, когда наступило 19 июня — день следующего рейса «Дротнингхольма». Бар взял в банке один банкнот в 1 000 долларов и другой в 500, вынул бумагу из внутренней крышки сигарного ящика и положил туда деньги, снова прикрыв их бумагой. Он решил, что это очень хитро придумано. По крайней мере, останется 1 500 долларов, которые пригодятся в США; а если там понадобится больше, он свяжется с нацистским подпольем в Нью-Йорке и достанет денег.

Когда «Дротнингхольм» 30 июня бросил якорь у мола «Ф» в Джерси-сити, на берегу реки Гудсон, напротив Нью-Йорка, Бар узнал, что ФСБ захватило восемь диверсантов, которые на резиновых лодках пристали к берегам Лонг-Айленда и Флориды. Он узнал также, что эти восемь были только «первыми ласточками», что на резиновых шлюпках и с парашютами прибывали все новые диверсанты.

Психология американской публики удивительна. Сегодня ее страшно возбуждают газетные сообщения о диверсантах, но уже завтра она забывает все и возвращается к спорту, упиваясь страничными отчетами о подвигах чемпионов бейсбола. Но это-то как раз и нужно Гитлеру; с молниеносной быстротой пытается он перебросить в США своих агентов, пользуясь моментом, когда о такой опасности забывают.

Расчеты Бара тоже в некоей степени строились на этих соображениях.

Представляясь инженером-евреем, который только что вырвался из лап гестапо, он надеялся встретить теплый прием и получить доступ к секретам на ведущих предприятиях.

У Бара была заготовлена история, которую он всем расскажет. Возложенные на него задачи начали казаться даже слишком легкими. В конце концов от него требовалось одно — записывать невидимыми чернилами добытые сведения, и тогда даже хитрая цензорская лаборатория на Бермудах останется одураченной. Все казалось даже слишком просто. . .

Наконец, очередь у таможенного чиновника дошла до него. Чиновник, заметив у Бара часы-браслет и карманные часы, спросил, зачем нужно столько часов.

Бар купил карманные часы в Лиссабоне, чтобы как-нибудь использовать деньги. Но ему не хотелось, чтобы таможенник решил, что у него много денег, это будет плохо соответствовать рассказу о бегстве. И он сказал, что часы приобрел уже давно.

— Что-то не похоже на правду, — проговорил таможенник. — Часы выглядят совершенно новыми. Он осмотрел каюту Бара. — Что у вас там еще?

В чемодане не нашлось ничего подозрительного. На умывальнике лежал сигарный ящик, тот, в котором были спрятаны две крупные банкноты.

— Ваши? — спросил он.

Бар кивнул. Чиновник взглянул на папиросу, которую в этот момент курил Бар, а потом снова на ящик. Шпион купил сигары в Лиссабоне и уничтожил около половины, чтобы казалось, будто их выкурили.

— Я вижу, вы курите папиросу, — заметил таможенник. — Люди, курящие папиросы, обычно не курят сигар, и наоборот. Сдается мне, вы что-то скрываете, молодой человек. Не знаю, что именно, но думаю, что мне удастся это узнать.

Вскоре явились два молодых человека корректного вида и отрекомендовались агентами ФСБ. Они расспросили Бара о его бегстве и пожелали узнать, сколько денег он взял с собой. Тот сказал, что явился в Швейцарию без гроша, и они удалились.

Вслед за ними пришли представители военной разведки. Они хотели узнать, привез ли Бар какие-либо сведения, которые могли бы быть полезны США. Бар повторил им басню

о несуществующих двигателях для самолетов, основанных на принципе паровой турбины.

— Мне кажется, что это пустая выдумка, — сказал офицер военной разведки. — Как можно произвести на самолете столько пара, чтобы пустить полным ходом турбинный двигатель?

Бар не был подготовлен к конкретным ответам, ибо по существу их не было. Когда агенты военной разведки поглядели друг на друга и ушли, таможенник, который все время не покидал каюты, стал ощупывать с внутренней стороны крышку сигарного ящика. Бар застыл на месте и, охваченный ужасом, смотрел, как тот доставал банкноты. Чиновник взглянул на Бара, но не сказал ничего.

На следующий день Бара все еще не выпускали с парохода. Вернулись агенты ФСБ.

— Мы находим некоторое противоречие между рассказом и действительным положением вещей, — сказал один из агентов. — Нам стало известно, что в Лиссабоне вы нарочно пропустили предыдущий рейс этого парохода, чтобы избавиться от семи тысяч долларов, пожив в свое удовольствие.

— Это верно, — сказал Бар, надеясь расположить их чистосердечным признанием.

— Мы не сомневаемся. Но нам хотелось бы знать, откуда к вам попали эти деньги?

Бар повторил версию о богатых евреях в Ганновере.

— Что же евреи собирались делать с немецким патентом?

— Хотели вывезти в Англию!

— Очень интересно! — воскликнул агент. — Ну-с, а не можете ли вы сказать, где состоялась эта сделка?

— Конечно, могу, — с улыбкой ответил Бар, уверенный в том, что агенты теперь уже не посмеют открыто сомневаться. — В кабачке, в Ганновере.

— Не знал я, что евреям в Германии разрешено сейчас посещать кабачки.

Бар ничего не мог на это возразить.

— Не знал также, — продолжал агент, — что евреям в Германии разрешается хранить при себе такие большие суммы в американской или в любой другой валюте.

Шпион пытался вывернуться, но скоро понял, что это ни к чему не приведет.

— Мистер Бар, — вежливо сказал агент, — я считаю, что тот, кто придумал для вас эту историю, оказал вам плохую услугу.

Бара повезли в здание ФСБ в Нью-Йорк. Допрос продолжался, шпиона заставляли повторять свой рассказ до тех пор, пока ему не стало тошно.

Допрос происходил не так, как это показывают в кинофильмах: «Ну-ка, живей выкладывай все начистоту!» Нет, Бара просто заставили много раз повторить свою версию, а затем прочитали ему все сказанное. Они показали с начала и до конца те места, где Бар противоречил самому себе.

К 7 июля Бар был разоблачен по всем пунктам. От всей истории осталось лишь то, что его фамилия действительно Бар. От остального следователи камня на камне не оставили. Наконец, Бар написал свою исповедь, в которой заявлял, что не собирался выполнять инструкции гестапо, но признавал все остальное.

Его арестовали по обвинению в заговоре с целью шпионажа. Теперь, когда США находились в состоянии войны, в случае обвинительного приговора Бару угрожала казнь. Его судили в Нью-Йорке под председательством судьи Уильяма Ф. Смита.

Бар пытался защищаться, утверждая, что играл двойную игру с гестапо и якобы стремился раскрыть секреты нацистов правительству США. Суд присяжных не поверил этой версии, и Бар был осужден на 30 лет тюремного заключения.

*

Глава четырнадцатая

ДЕСАНТ В АМАГАНСЕТТЕ

ГОРОДОК АМАГАНСЕТТ (штат Нью-Йорк) находится в Лонг-Айленде, в 105 милях от Нью-Йорка. Это — сонный городишко, насчитывающий всего 1 100 жителей, где не бывает почти никаких происшествий. Вся полиция его состоит из констебля Абрахама Голдена и одного полисмена.

Амагансетт расположен на атлантическом побережье Лонг-Айленда. В свое время в местном кинотеатре показывали фильм «Вторжение», и жители посудачили о возможности неприятельского десанта возле их города, но к той ночи — на пятницу 13 июня 1942 года, когда разыгрались описываемые события, — они уже забыли о фильме.

Ночь была душная и облачная. Луны не было.

Молодой Джек Куллен из береговой охраны обходил берег. Ему почудился шум. Он зажег карманный фонарик и, направив свет на песок, увидел глубокие колеи и следы ног возле самой воды — свежие следы, которые вели от берега вглубь к пустынным дюнам. В кружке света виднелось несколько пар следов, которые отпечатались на песке так глубоко, что, казалось, были оставлены людьми, тащившими тяжелую ношу. Что-то волокли по земле — громоздкое и грузное.

Куллен вдруг заметил, что кто-то следует за ним. Он обернулся, перед ним мелькнул чей-то хищный профиль. Сильная рука схватила его за горло и стала душить. Кто-то вырвал фонарик и швырнул в воду.

— Так вы слышали звук колокола? — спросил кто-то с явным немецким акцентом:

— Прекратите разговоры, — сказал другой голос. — Давайте лучше покончим с этим парнем и скроемся.

Еще один голос, без акцента, сказал:

— Не годится. Его скоро хватятся и нападут на след. Попробуем столкнуться с ним.

Рука у горла Куллена разжалась. Он выпрямился и оглянулся. Четыре зловещих силуэта окружали его.

— Сможете ли вы забыть все, что видели, если получите сотню долларов? — спросил высокий человек с ястребиным профилем.

— Нет, не смогу, — ответил Куллен.

Остролицый субъект, повидимому старший в шайке, затеял переговоры, но Куллен упорно отказывался. В то же время мысль его работала с лихорадочной быстротой. Он не сомневался, что эти люди высадились с неприятельского судна, вернее всего — с подводной лодки. Надо было действовать быстро и наверняка, чтобы захватить на месте всю шайку.

Наконец, Куллен решил изобразить притворное согласие.

— Видите ли, — сказал он. — Я не зарабатываю сколько-нибудь прилично на этой работе, а ответственности не оберешься. Мне нужно по крайней мере 300 долларов. В конце концов подумайте, как я рискую.

Один из четверки обратился к человеку с ястребиным профилем:

— Он прав. Заплатите ему и идем дальше.

Остролицый молча отсчитал несколько банкнот и протянул их Куллину со словами:

— А теперь отвернитесь и не двигайтесь несколько минут, пока мы не исчезнем.

Куллин ждал только до тех пор, пока не услышал, что люди пробираются сквозь кустарник; после этого он поспешил дать сигнал тревоги. Через 25 минут мичман Уоррен Берне и боцман второй статьи Карл Деннет в сопровождении Куллена и двух человек из береговой стражи уже были на пустынном берегу подле Амагансетта. Они направили прожекторы на пляж. Прожекторы осветили темные дюны. Но нацисты уже исчезли.

Колес, с самого начала привлёкшие внимание Куллена, оставались нетронутыми и вели к четырем разным местам высоко в дюнах. Люди из береговой охраны явились вполне подготовленными, — с ними были лопаты.

То была медленная, кропотливая и опасная работа — откопать зарытое в дюнах в конце четырех колеи. Естественно, офицеры и солдаты береговой охраны, работая молча в ночном мраке, заподозрили, что тут зарыты взрывчатые вещества. Приходилось считаться и с возможностью такого устройства, что ящики при попытке открыть их могли взорваться.

Когда занялась заря, в пустынных дюнах были выкопаны четыре больших ящика. Их ещё не вскрыли. Береговая стража ждала дневного света, чтобы с меньшим риском начать осмотр.

Беглого взгляда на первый же ящик было достаточно, чтобы подтвердить худшие подозрения.

— Здесь достаточно динамита, — сказал офицер Берне, — чтобы поднять на воздух добрый кусок Нью-Йорка.

14 июня 1942 года, около половины девятого утра, большой чёрный автомобиль остановился на пустынной дороге, ведущей к дюнам. Пять угрюмых молодых людей вышли из машины и быстро пошли по направлению к тому месту, где береговая стража собралась вокруг ящиков. Прибывшие показали свои удостоверения, а один из них, действуя от лица остальных, вынул бумажник из кармана и показал мичману Берне карточку под слюдой. Все пятеро были из ФСБ. Они только что проехали сотню миль от Нью-Йорка, узнав о находке на берегу.

Агенты Гувера бегло осмотрели все четыре ящика. Опытным агентам было ясно, что содержимое всех ящиков оди-

наково. Но агенты не стали вскрывать ящики. Этим займутся специалисты по взрывчатым веществам.

Один из агентов вернулся на вокзал, чтобы навести справки. Остальные принялись расспрашивать Куллена.

— Удалось ли вам разглядеть кого-нибудь получше?

— Одного только. Я сунул фонарь прямо ему в лицо. Он похож на ястреба. Нос, как огромный клюв, толстые губы и очень темные глаза. Прямо мурашки по спине бегут от одного вида этой рожи.

— Роста он какого?

— Примерно моего, футов на шесть, но как будто покостлявее.

— Сколько лет ему на вид?

— Трудно сказать. Лет сорока, не больше.

— Вы слышали голоса всех четверых.

Куллен утвердительно кивнул.

— Они хорошо говорят по-английски, у всех у них немецкий акцент, кроме долгоязыго, который как будто за главного. У него акцент не такой сильный, как у остальных.

— Скажите, эти люди — все, кроме высокого, — не производят ли впечатления уроженцев Германии, проживших несколько лет в нашей стране?

— Так мне и показалось. Сейчас, когда вы подсказали эту мысль, я уверен, что это так.

Агент спросил Куллена, сможет ли он опознать кого-нибудь из четверки.

— Безусловно, — ответил Куллен.

— Кого, длинноносого?

Куллен утвердительно кивнул.

— А могли ли бы вы узнать его на фотографии?

— Покажите мне сначала фото.

— Мы так и сделаем. Они уже на пути сюда из Нью-Йорка.

Это были фотографии членов «Германо-американского союза» и других нацистских агентов, которые ФСБ в свое время заказало в большом количестве для своих работников.

К тому времени агент, который поехал на вокзал Лонг-Айлендской железной дороги в Амагансетте, вернулся на берег. Ему пришлось прокладывать себе путь через толпу собравшихся зевак.

— Эти четверо уехали с первым поездом сегодня утром, — сообщил агент своим товарищам. — Кассир продал высокому человеку четыре билета до Ямайки.

Ямайка находится на Лонг-Айленде, примерно часа на два езды ближе к Нью-Йорку, чем Амагансетт, следовательно, в двадцати минутах от города.

Нью-йоркскому отделению ФСБ тоже сообщили о поезде. Так как задержать поезд, который подходил уже к Ямайке, было поздно, то несколько агентов из нью-йоркского филиала выехали ему навстречу. Другие отправились на Пенсильванский вокзал, чтобы встретить поезд там.

Один из агентов посмотрел на часы.

— Сейчас начало десятого, — сказал он. — Поезд придет через несколько минут.

... Дж. Эдгар Гувер сидел в своем кабинете в Вашингтоне и размышлял над известием, которое только что пришло к нему из нью-йоркского филиала по ведомственному телеграфу.

Из двух источников — от кондуктора в поезде из Амагансетта в Нью-Йорк и от шофера такси в Ямайке — агенты выяснили, что двое диверсантов вышли в Ямайке, а двое проследовали до Пенсильванского вокзала в Нью-Йорке, уплатив кондуктору разницу за проезд наличными. Если бы оставалась еще хоть тень сомнения, были ли эти люди в поезде теми, которые высадились с подводной лодки, то и она должна была бы рассеяться. Кондуктор описал наружность одного, и портрет этот совпал с приметам, которые запомнились Куллену. Явно, то был главарь группы, который дал деньги Куллену. Кроме того, когда агенты осмотрели места в вагоне для курящих, где сидели четверо, они обнаружили смятую пустую коробку от папирос. На ней была марка немецкой фирмы, торгующей исключительно в пределах Германии.

Шофер такси на станции Ямайка Лонг-Айлендской железной дороги, который встретил поезд из Амагансетта в 6 часов 45 минут, рассказал федеральным агентам, — а рапорт этих агентов был передан Гуверу по телеграфу, — что два человека вышли из поезда и велели отвезти их в Асторию, в другой части Лонг-Айленда, ближе к Нью-Йорку, чем Ямайка. Когда машина подъезжала к окрестностям Астории, таксометр показывал цифру большую, чем хотелось бы

одному из пассажиров. Он попросил остановить такси. Затем один из пассажиров спросил шофера, как пройти к автобусу или троллейбусу, чтобы попасть на 46-ю улицу в Астории. Шофер объяснил, и они пошли.

Высокого человека с ястребиным профилем не было в такси. Он отправился поездом в Нью-Йорк. Его сопровождал темноволосый хмурый человек, довольно красивой наружности, лет 35—38.

Пассажирам такси можно было дать лет по тридцати с лишним. Один из них, человек с худым лицом, отличался очень высоким лбом; шофер заметил это, когда тот снял шляпу, чтобы стереть выступивший от июньской жары пот. У другого были грубые черты лица, глубоко запавшие глаза и пряди седины в волосах.

Гувера заинтересовало, что из четырех, выехавших из Амагансетта, только у двоих были чемоданы, и это были как раз те двое, которые отправились в Нью-Йорк. Пассажиры такси ехали без багажа.

Начальник ФСБ долго размышлял над рапортом. Затем он перешел в соседнюю комнату и минут двадцать стучал на машинке. Затем подошел к телетайпу и отдал приказ агентам нью-йоркского отделения:

«Оцепить и держать под наблюдением такой-то квартал на 46-й улице в Астории.

Оцепить и держать под наблюдением отель Клинтон, напротив Пенсильванского вокзала в Нью-Йорке.

Взять фотографию бывшего официанта Джорджа Джона Даша, который уехал из Соединенных Штатов в Германию в прошлом году, и попытаться найти этого человека в известных ресторанах Бродвея».

Давая подобные инструкции, Гувер вовсе не был магом. Просто он знал, что эти шпионы бесспорно обучались в «академии» диверсантов в Берлине. Имена многих слушателей «академии» были известны, и даже имелись фотографии большинства из них, так как ФСБ удалось тайно сфотографировать сотни членов «Германо-американского союза» до их возвращения в Германию.

Высокий человек с ястребиным профилем, который думал, что подкупил Куллена, был Джордж Джон Даш — тот самый злоумышленник, который до отъезда в Германию в 1941 году осмотрел среди прочих заводов крупные гидроэлектрические сооружения вдоль канадской границы США.

Даш имел запоминающуюся внешность, вот почему сразу же возникла мысль, что «официант» был одним из тех, кто высадился на пустынном берегу подле Амагансетта.

Если Даш остался таким же чревоугодником, как был до своего отъезда из США, то казалось вполне естественным, что этот высокий, тощий малый обойдет все наиболее известные рестораны Бродвея. Как бывший официант, Даш должен был знать толк в таких местах; как гурман с большим аппетитом, он после года питания эрзацами в Германии, конечно, постарается разыскать эти места тотчас же.

За кварталом 46-й улицы в Астории, который Гувер приказал оцепить, ФСБ уже давно вело наблюдение. Было известно, что в этом квартале живет находящийся под подозрением немец Герман-Генрих Файе; за ним давно уже следили. Узнав, что двое диверсантов, подъехавших в такси к окрестностям Астории, спросили шофера, как найти такой-то квартал на 46-й улице, Гувер обрадовался: как раз там жил Файе!

Гувер приказал агентам наблюдать за отелем Клинтон по многим соображениям. Нужно сказать, что отель этот — один из лучших в Нью-Йорке и пользуется солидной репутацией. Но гостиницы не могут выбрать своих клиентов. Немецкие шпионы в прошлом обнаруживали тяготение к отелю Клинтон. Прежде всего там превосходный ресторан, а немцы любители хорошо поесть. Затем близость к Пенсильванскому вокзалу делает отель идеальным для посетителя, который торопится попасть на поезд. Немцы держали связь между собой, и поэтому Гувер решил, что шпионы могли рекомендовать это заведение один другому.

В это время Куллен из береговой стражи в Лонг-Айленде просматривал пачки снимков; Куллен приближался уже к концу пачки, и агенты с нетерпением ждали результатов. Наконец, он дошел до последнего снимка, воскликнул: «О, о!» и произнес:

— Нет, и это не он.

Федеральные агенты казались разочарованными. Затем из Нью-Йорка, согласно инструкциям Гувера, приехал человек с фото Джорджа Джона Даша. Без ведома Куллена этот портрет сунули в пачку. Фотография была такого же формата и вида, как и остальные; Куллен не мог обратить на нее особого внимания, если только это не было фото чело-

века, который торговался с ним ночью на морском берегу.

— Давайте, — сказал агент, — пересмотрим фотографии еще раз.

— Бесплезно, — ответил Куллен, — того парня здесь нет. Попробуем на всякий случай; может быть, его-то мы и пропустили.

Фото экс-официанта было в самой середине пачки. На этот раз Куллен просматривал снимки с еще большей быстротой. Как ни привыкли агенты ФСБ к такого рода испытаниям, они затаили дыхание. Когда Куллен дошел до портрета Даша, он остановился, всмотрелся в снимок и сказал:

— Этой карточки здесь не было.

— Почему вы думаете?

— Потому что я узнал бы его. Тот самый человек. Это — главарь четверки.

— Уверены ли вы?

— Абсолютно. Я ведь говорил вам, что узнаю моментально.

В Астории специальные агенты были отправлены на слежку за домом Файе. Это был стреляный воробей. Картотека ФСБ показывала, что он родился в Гамбурге в 1906 году, прибыл в США двадцати двух лет и в 1934 году стал американским гражданином. Он работал официантом в различных ресторанах на Бродвее и трансатлантических пароходах, совершающих рейсы между Нью-Йорком и Гамбургом. Начиная с 1940 года агенты ФСБ подозревали, что его используют в качестве курьера для переправки шпионских донесений из США в Германию. Но явных улик не было. Очевидно, Файе еще тогда пронюхал, что над его головой собираются грозовые тучи. Еще за два года до описываемых событий он оставил место судового официанта и теперь работал парикмахером.

Агенты были на посту в Астории меньше чем через четыре часа после появления двух диверсантов в Ямайке. Сыщикам удалось снять комнату в доме на 46-й улице, из окон которой, не возбуждая подозрений соседей, можно было видеть все, что творится у Файе. Впрочем, среди этих соседей у агентов был свой человек — связь давняя и надежная.

Тем временем эксперты по взрывчатым веществам привезли четыре ящика, найденные на побережье у Амагансетта,

в помещение ФСБ в Нью-Йорке. Здесь подтвердились худшие опасения: в ящиках лежало огромное количество ТНТ — тринитротолуола. И все это прекрасно замаскированное: бомбы в виде кусков каменного угля, начиненные только что изобретенными взрывчатыми веществами огромной силы; бомбы в форме ручек и карандашей; всевозможные взрыватели, адские машины и часовые механизмы к ним. Агенты ФСБ не видывали еще ничего подобного. Немцы привезли достаточно взрывчатки для того, чтобы выполнить самую разрушительную программу диверсий, о которой когда-либо слышали в США.

Пачки фотографий нацистов доставили в Ямайку и показали шоферу такси, который вез диверсантов к окраинам Астории. Шоферу почему-то не понравились тогда их лица, и он все время смотрел на своих пассажиров в боковое зеркальце. Схватив пачку фотографий, он сказал:

— Если эти парни здесь, то я уж узнаю их.

Агентам ФСБ повезло. Их свидетели — Куллен из береговой стражи, а теперь и шофер из Ямайки — были уверены в себе.

Шофер просматривал пачку, перебирая фотографии так, словно тасовал колоду карт. Затем внезапно остановился и взглянул на портрет человека лет тридцати с резкими чертами лица, глубоко ввалившимися глазами и седыми прядями в волосах.

— Вот один из них, — сказал шофер.

Агент разглядывал снимок в течение минуты, затем передал товарищу.

— Роберт Квирин, — сказал он. То было имя, значившееся на фотографии. — Механик и чернорабочий. Приехал в США в 1927 году и через два года получил документы, но не натурализовался. Уехал в Германию три года назад.

Вскоре шофер протянул второй портрет:

— А вот и другой фрукт. Он-то как раз и заволновался по поводу таксометра.

На снимке был изображен Генрих Гейнк, в прошлом официант нью-йоркских ресторанов, который в 1939 году, после службы в «Германо-американском союзе», отправился в гитлеровскую Германию.

Агенты поехали в Асторию. Здесь они обратились к осведомителю, который жил по соседству с Файе и видел его ранних гостей. Осведомитель тотчас же опознал по снимкам

Квирина. Затем просмотрел всю пачку до конца, медленно и вдумчиво. Дойдя до портрета Гейнка, он сразу узнал второго гостя.

— Я не так уверен в этом, как в другом, — сказал осведомитель. — Один из гостей Файе — человек обычного вида, а другого вы запомните раз навсегда, как только увидите.

Затем фотографии смотрели железнодорожники. Кондуктор, собиравший билеты в вагоне для курящих, узнал Квирина и Джорджа Джона Даша. Гейнка, как и четвертого диверсанта, красивого, угрюмого парня, который поехал в Нью-Йорк вместе с Дашем, кондуктор не опознал.

Тем временем кассир вокзала в Амагансетте прибыл в Нью-Йорк и тоже посидел над снимками. Он тотчас же опознал Даша, Квирина и Гейнка. И уверенно заявил, что фотографии четвертого из тех, кого он видел на вокзале, здесь нет.

Когда Гувер получил рапорт, он обратил внимание на тот факт, что четвертый диверсант остался неопознанным. Видимо, этот человек вернулся в Германию задолго до того, как ФСБ начало тайком фотографировать членов «Германо-американского союза».

*

Глава пятнадцатая

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, в понедельник, около восьми часов, парикмахер из Астории Файе отправился в закусочную и купил фунт кофе, две пинты сливок, два фунта холодных котлет и картофельного салата. Агента, который, разумеется, тоже оказался в закусочной, удивило пристрастие парикмахера к сливкам. Он решил, что такое количество сливок требуется для гостей, которые собираются выпить не одну чашку доброго американского кофе после тех помоев, которыми их угощали в Германии. И другие покупки Файе могли бы привлечь внимание сыщика, даже если бы парикмахера ни в чем не подозревали. Только человек, который собирается на пикник, покупает закуски с самого утра. Агенты решили, что холодные котлеты предназначены для Квирина и Гейнка, изголодавшихся на германских эрзац-продуктах.

Гувер просматривал агентурные донесения, которые были результатом слежки, начавшейся в 1939 году, после того как Эдуард Керлинг, вместе с шестью другими немцами был задержан на баркасе у побережья Лонг-Айленда. Начальник ФСБ видел, что и Даш, приехавший в Нью-Йорк днем раньше и увлекшийся осмотром столицы, и Квириг, который укрывался теперь в доме Файе в Астории, оба были связаны с Керлингом и его друзьями — Германом Нейбауэром и Гербертом Хауптом. Но если двое из десантников так дружны с Керлингом, Нейбауэром и Хауптом, то не был ли кто-либо из этой тройки еще неизвестным членом группы, высадившейся в Амагансетте? Гувер дал просмотреть фотографии кассиру, шоферу такси в Ямайке, осведомителю в Астории и железнодорожникам. Ответ был отрицательный. Ни Керлинг, ни Хаупт, ни Нейбауэр не были в десантной группе.

Но Гувер знал, что бывший метрдотель — подходящий человек для такой экспедиции. Таковы же были и Нейбауэр, в прошлом повар чикагского отеля, и Хаупт, скромный чикагский оптик, год назад покинувший подругу сердца, девушку из косметического кабинета — Герду Меланд.

Чем больше Гувер думал о Керлинге, Нейбауэре и Хаупте и о тесной дружбе между ними, замеченной агентами ФСБ еще до отъезда этого трио в Германию, тем более убеждался, что они окажутся участниками второго десанта с подводной лодки. Гувер считал, что будет сделана по крайней мере еще одна попытка высадить диверсантов где-нибудь на атлантическом побережье Америки. Он знал немецкую психологию: немцы не станут класть все яйца в одну корзину и, конечно, пока выжидают где-нибудь, чтобы посмотреть, что произойдет с первой группой диверсантов. Гувер решил также, что вторую попытку они сделают как можно дальше от Амагансетта. Флорида, по всей вероятности, покажется гитлеровцам чрезвычайно заманчивым местом для высадки. Там много людей из «пятой колонны».

Гувер не претендовал ни на какую особую проницательность. Он просто сделал некоторые здравые выводы, основанные на давно уже собранной информации. Было бы вполне естественно, если бы руководители «академии» диверсантов в Берлине, намечая состав второй группы, подбирали людей, у которых дружеские отношения с участниками первой высадки.

Но как повлияет столкновение на берегу с Кулленом на возможность второго десанта? Гувер решил, что если бы

даже Даш и компания сочли свою авантюру провалившейся, то они все равно умолчали бы об этом из самолюбия и просто из чувства самосохранения. Значит, происшедшее на пляже в Амагансетте ни в какой мере не может изменить уже начавшие осуществляться планы берлинской «академии». Было дано указание, чтобы на дюнах вокруг места высадки первой группы в Лонг-Айленде дежурило достаточно агентов на случай, если кто-нибудь из диверсантов пожелает поглядеть, целы ли ящики.

В ночь на 15 июля 1942 года не произошло никаких новых событий. Агенты ФСБ убедились, что Квири и Гейнк укрываются у Файе. Разумеется, можно было бы войти в дом и арестовать их, но Гуверу хотелось посмотреть, начнут ли действовать Гейнк и Квири и куда приведут их следы. Был отдан приказ не задерживать и Даша. Кроме того, Гувера беспокоил человек, которого не удалось опознать. Начальник ФСБ надеялся, что кто-нибудь из диверсантов наведет агентов на след этого незнакомца. Затем возник вопрос, у кого укрываются остальные диверсанты? Гувер заподозрил, что, кроме явки Файе, существует немало людей в Лонг-Айленде, Нью-Йорке и особенно в Йорквилле, немецком квартале на 80-й Восточной улице. Кроме того, агенты ФСБ не знали, сколько еще задумано десантов: их могла быть и целая дюжина. Определенно, лучше выждать: аресты или гласность в печати послужили бы только предупреждением для немцев.

К полуночи во вторник, 16 июня, через семьдесят два часа после высадки диверсантов в Амагансетте, официант в Бродуэйском ресторане просматривал пачку фотографий. Это был очень наблюдательный малый. Вот почему агент ФСБ показывал ему снимки.

Официант быстро нашел портрет Даша с его характерным ястребиным профилем.

— Вот он! Еще не прошло и часа, как этот человек был здесь. Он заказал два ростбифа и пять бутылок пива. Он запомнился мне потому, что пожирал ростбиф и глотал пиво так, как если бы не ел и не пил целую неделю.

Через тридцать шесть часов после разговора в Бродуэйском ресторане, в четверг утром, 18 июня, во Флоридское отделение ФСБ в Джексонвилле пришло известие, что на берегу у Понте-Верде, к югу от Джексонвилля, рыбаки нашли зарытые в песке ящики.

В мгновение ока на берегу оказались агенты ФСБ. Они нашли точно такие же четыре ящика, как в Амагансетте. Следы на песке свидетельствовали, что ящики были зарыты не позднее прошлой ночи.

На железнодорожной станции в Джексонвилле тотчас же произвели расследование: не садились ли в поезд между полночью и утренними часами четверо подозрительных незнакомец, говорящих по-английски с немецким акцентом? Но в Джексонвилле агентам ФСБ не повезло: вокзал был переполнен, никто не заметил подозрительных людей, и теперь они могли ехать в одном из поездов на север.

Агенты ФСБ наводнили все поезда, которые отправлялись на север из Джексонвилля, начиная с прошлой ночи и вплоть до момента, когда были найдены ящики; они начали обход вагонов, разглядывая пассажиров. Другие агенты остались в Джексонвилле на случай, если четверо диверсантов еще бродят здесь. Не было сомнения, что высадились именно четыре человека: один ящик на каждого, как и в первом десанте.

Обстоятельства складывались именно так, как рассчитывал Гувер. Но теперь условия расследования были неблагоприятны. Никто не видел диверсантов из последней группы, поэтому опознать их было невозможно.

Что-то подсказывало Гуверу, что дом Файе — это главный козырь слежки. Парикмахер жил тогда один и все-таки регулярно закупал пищу на троих. Однако, беспрепятственно наблюдая за домом и даже заглядывая изредка в одну из комнат нижнего этажа, агенты ФСБ не видели внутри никого, кроме Файе.

В субботу 20 июня ночью, как раз через неделю после высадки в Амагансетте, Файе посетил гость. То был угрюмый молодой человек, немногим старше тридцати лет. Он казался очень взволнованным, когда шел по улице и стучался в дверь. Он оставался в доме недолго и ушел вместе с парикмахером.

Файе и его гость прошли к дому на 37-й улице. Вскоре агенты выяснили, что здесь живет молодой немец, по имени Гельмут Лейнер, который давно уже связан с «Германо-американским союзом». Он оказался зарегистрированным в архивах ФСБ, и его прошлое было доподлинно известно.

Рано утром Файе отправился домой. Затем появились Лейнер с женщиной. Почему-то она показалась агентам

знакомой. Лейнер проводил женщину до метро и вернулся.

В метро агенты заметили, что женщина сильно расстроена. Они следовали за ней до квартиры в корпусе 300 на 51-й Восточной улице в Манхаттане и там поняли, почему она показала столь знакомой: то была Мария Керлинг, жена метрдодела. Муж ее дружил с теми тремя диверсантами, которые ныне высадились на Лонг-Айленде! Значило ли это, что сам Керлинг был среди высадившихся во Флориде?

На следующий день агенты обеспечили себе надежное местечко в здании напротив дома Лейнера, друга миссис Керлинг. Перед вечером сыщики заметили двух молодых людей, подходивших к дому Лейнера. Один из них, человек с квадратным лицом и нагло самоуверенными манерами, ожидал на 37-й улице, в то время как другой звонил. Лейнер отпер, и на лице его выразились восторг и страх одновременно.

Гость вошел в дом, а его товарищ остался бродить по улице. Через некоторое время Лейнер с гостем вышли. Все трое отправились в Нью-Йорк, на 44-ю Западную улицу, в ресторан «Синяя лента», который уже давно специализировался на немецкой кухне. Пока Лейнер и молодые люди оставались в ресторане, снятые агентами в Астории фотографии были проявлены в нью-йоркском филиале ФСБ. С помощью фототеки выяснили, что это Эдуард Керлинг и Вернер Тиль, молодые натурализовавшиеся в Америке немцы, которые репатриировались в Германию для обучения в «академии» диверсантов. Итак, Тиль был одним из четырех диверсантов из Флориды.

Покинув «Синюю ленту», Лейнер вернулся в Асторию, а оба диверсанта направились в отель Коммодор, рядом с Центральным вокзалом. Здесь они сняли номер на имя Эдварда Келли (инициалы, совпадавшие с инициалами Эдуарда Керлинга). Агенты ФСБ обратили внимание, что немец выбрал ирландское имя — незначительный, но характерный психологический штрих.

Таким образом, к понедельнику 22 июня — всего через девять дней после высадки первых диверсантов у Амагансетта и через пять дней после десанта у Понте-Верде (Флорида) — ФСБ обнаружило пятерых из восьми.

Однако, несмотря на эти успехи Гувера и его подчиненных, оставались нерешенными еще несколько важнейших

вопросов. Кто был четвертый, который высадился у Амагансетта вместе с Дашем, Квирином и Гейнком? И кто были те двое, которые высадись во Флориде с Керлингом и Тилем? Агенты ФСБ укрылись в наблюдательных пунктах вокруг берега у Понте-Верде. Никто не видал Керлинга и Тилиа и их двух неопознанных товарищей, когда они высаживались на берег в резиновой лодке, и ФСБ держало в строгой тайне всю эту историю. Гувер считал, что рано или поздно диверсанты вернутся к пескам Флориды, где они зарыли четыре ящика со взрывчаткой. В полной тайне была сохранена и высадка десанта в Амагансетте, хотя Гувер не ожидал прибытия еще одной партии диверсантов, ибо немцы должны были знать, что береговая стража подняла тревогу.

Утром в понедельник 22 июня Лейнер отправился в Нью-Йорк из своего дома в Астории и на Центральном вокзале встретился с Керлингом. Друг Керлинга, Тиль, очевидно, упорно оставался в своем номере в Коммодоре, так как агенты ФСБ не видали, чтобы он выходил оттуда, хотя к тому времени сыщики уже занимали смежные номера с обеих сторон, а также номер через коридор напротив. Пообещавшись некоторое время, Керлинг и Лейнер разошлись, и Керлинг вернулся в отель.

Лейнер зашел в бакалейную лавку на 86-й Восточной улице, в центре «Малого Берлина». Продавщица, старая дева лет сорока, видимо, была его приятельницей. Он вручил деньги, она дала сдачу. Агенты, наблюдая эту сделку с улицы, предположили, что Лейнер разменял несколько крупных банкнот, очевидно, полученных от Керлинга, который перед тем передал ему конверт. Возникло предположение, что Керлинг прибыл с большими деньгами, но опасался навлечь на себя подозрение разменом крупных банкнот: в нью-йоркских банках обращали внимание на каждого, кто приходил менять банкнот в пятьдесят долларов или крупнее.

Лейнер оставался в бакалейной лавке более часа. Затем он вместе с женщиной, которую звали Геди Энгеман, направился в Центральный парк по соседству с 86-й улицей. В этом пункте скрестились пути агентов ФСБ: туда пришли те, кто выслеживал Керлинга. Наблюдая встречу в парке, агенты решили, что у Геди Энгеман, сколь ни была непривлекательна ее внешность, роман с Керлингом. Тем временем была взята под наблюдение и жена диверсанта Мария в своей квартире на 51-й Восточной улице, но Керлинг не пытался увидеться с ней.

Встреча в Центральном парке была недолгой. Однако в тот вечер Лейнер и Геди Энгеман встретились с Керлингом в ресторане «Два дуба» на Лексингтон-авеню, недалеко от отеля Коммодор. Тиль все еще оставался у себя в номере.

Тем временем парикмахер Файе, который укрывал Квирина и Гейнка, поехал в Манхаттан. Был поздний ночной час. Он остановился у киоска и купил ранний утренний выпуск газеты, а затем отправился в пивную на Бродвей.

Агенты не зашли в пивную: это привлекло бы внимание. Но они следили за Файе при помощи сильных binokлей, направленных на окна пивной. Они увидели, как нацист из Астории присоединился к группе, которая, видимо, уже ожидала его.

Очевидно, у Файе было важное сообщение, ибо остальные придвинулись к нему поближе. Файе говорил почти полчаса, время от времени оглядываясь, не подслушивает ли кто. Затем каждый вернулся к пиву и шнапсу. Во время этой передышки кто-то из сидевших за столом взял купленную Файе газету и стал просматривать. Агентам ФСБ казалось, что он пробегает первую страницу, как бы торопясь поскорее добраться до раздела спорта. Но тут нечто поразило его. Восклицание читавшего, видимо, встревожило других: все перестали пить и разговаривать и слушали, пока он читал газету вслух. Затем газета пошла по рукам. Было ясно, что они глубоко потрясены.

Один из агентов ФСБ достал из кармана смятый экземпляр той самой газеты, которую принес Файе. Он тоже купил ее в киоске.

— Ну-ка, поглядим, — сказал он, листая газету.

Агент быстро нашел то, что ему требовалось. Не могло быть сомнения, что немцев взволновала коротенькая репортерская заметка, сообщавшая о высадке диверсантов во Флориде.

Тем временем подошли другие агенты из нью-йоркского отделения ФСБ, готовые начать слежку за каждым, кто присутствовал на «совещании» в пивной. К утру Гувер знал личность каждого из этих людей. Оказалось, их имена знакомы ему уже давно: все они были членами «Германо-американского союза» и давно находились под наблюдением ФСБ, исходявшего из предположения, что если до сих пор они еще не совершили ничего преступного, то не преминут сделать это в благоприятный момент. А момент, казалось, наступил. Гувер не сомневался, что нацисты в Йорквилле,

Лонг-Айленде и других местах были извещены о предстоящем прибытии диверсантов и готовились всячески содействовать им.

В Чикаго была установлена слежка за миссис Гердой Меланд, невестой Герберта Хаупта, скромного чикагского оптика, который оставил ее год назад, объяснив, что «уезжает на некоторое время». Впрочем, миссис Меланд, хорошенькую девушку, работавшую в косметическом кабинете, не подозревали в симпатиях к нацистам. Но агенты предполагали, что Хаупт постарается повидаться с ней и в объяснение своего отсутствия сочинит какую-нибудь историю. Вряд ли Хаупт, если только он был одним из четырех, высадившихся во Флориде, — а это предположение было обосновано его связями с Керлингом, — не захотел бы повидаться с такой хорошенькой молодой женщиной, как миссис Меланд.

Считая, что женщина не выдаст своего возлюбленного, агенты решили к ней не обращаться. Они достали список клиенток косметического кабинета, где работала Меланд, и нашли подходящую особу. Миссис Меланд причесывала ее уже больше года. Этой женщине, как было известно ФСБ, можно верить безоговорочно. Поэтому ее попросили при случае осведомиться у миссис Меланд о ее друге.

В полдень 22 июня клиентка делала себе прическу и маникюр. Герда была, казалось, в хорошем настроении и во время работы даже что-то напевала.

— Вы кажетесь очень счастливой сегодня, Герда, — сказала клиентка. — Неужели вернулся ваш друг сердца? Или вы встретились с кем-нибудь другим?

Герда улыбнулась.

— Мадам, вы угадали. Он вернулся.

Женщина, тщательно проинструктированная, какие вопросы задавать, понятия не имела, зачем нужны эти сведения: иначе она могла бы невзначай выдать себя.

— Что же он, все такой же?

— О, я с ним еще не виделась, — сказала Герда. — Мне позвонила его мать.

Родители диверсанта, мистер и миссис Хаупт, считались порядочными людьми, и соседи их уважали. Если сын вернулся и остановился дома, — рассуждали агенты, — то родители, вероятно, не станут скрывать его присутствия, тем более, что сын вряд ли открылся им во всем. Агенты навод-

нили весь район вокруг дома Хауптов. Подойдя к дому, они заметили отъезжавший новенький автомобиль. У них не было возможности последовать за машиной, и оставалось только записать номер.

Агент подошел к двери и нажал кнопку звонка. Если бы Герберт оказался дома, у агента была наготове безобидная отговорка.

Старик Хаупт, почтенный человек с холеными усиками, отпер дверь. На лице его было вызывающее выражение.

— Что вам угодно? — рявкнул он.

— Я хотел бы поговорить с вашим сыном Гербертом.

— Его здесь нет! Его и не было здесь! — вызывающее выражение на лице старого Хаупта сменялось страхом. — С чего вы взяли, что Герберт здесь?

Агент пожал плечами с таким смущенным видом, что старик несколько смягчился. Затем агент изложил свое вымышленное дело.

— А, — сказал, старик, — войдите. Можете оставить то, что у вас есть для Герберта. Если он когда-нибудь вернется, я передам.

В гостиной агент почувствовал запах только что выкуренной папиросы. Он вынул портсигар и предложил старику закурить.

— Я курю трубку, — ответил отец диверсанта. — Не люблю папирос.

Затем агент извинился за неожиданный визит, словно спохватившись, что нужно быть вежливым.

— Не помешал ли я вам, мистер Хаупт? — сказал он. — Может быть, у вас гости?

— Нет, — сказал старик. — Никого, кроме меня и старухи. Она готовит ужин на кухне.

— Мне показалось, что кто-то вышел как раз, когда я входил, — рискнул заметить агент.

— Вышел отсюда? О, нет! Здесь не было никого.

Агент пожал старику руку и ушел. За время короткого визита ему удалось установить интересные факты: старик не курил папирос; значит, их курил кто-то другой, находившийся в доме. В деле молодого диверсанта, как вспомнил агент, упоминалось, что Герберт курил папиросы. Значит, старик солгал: в доме безусловно был гость. Десять шансов против одного за то, что диверсант уехал в автомобиле как раз в тот момент, когда к дому подошел первый агент.

Еще важнее было то, что, судя по поведению Ганса Хаупта, считавшегося лояльным американским немцем, сын рассказал ему о готовящихся диверсионных актах. Если это так, то старый Ганс сознательно укрывал врага США.

В Нью-Йорке агенты все еще следили за отелем Клинтон. Они с первого же дня расследования не пропускали ни одного человека, появлявшегося в вестибюле, но не заметили никого, хотя бы отдаленно напоминавшего Даша и его сообщников. Наконец, появился человек, обративший на себя внимание агентов. Он был зарегистрирован как Петер Мюллер из Филадельфии. То был человек тридцати восьми лет, среднего роста, красивый, но угрюмый. Агенты, вероятно, не смогли бы даже сказать, почему этот Мюллер обратил их внимание. Он был хорошо одет и держался в вестибюле и гостиных отеля, как у себя дома, с персоналом был вежлив и, конечно, ничем не вызывал подозрений. Он казался кем угодно, но только не преступником, скрывающимся от властей. И все же. . .

Агенты ФСБ вспомнили рассказы кассира в Амагансетте, и кондуктора, который проверял билеты четырех диверсантов в поезде на пути в Нью-Йорк. Агентам пришла в голову мысль, не является ли четвертый спутник Даша и Петер Мюллер одним и тем же лицом. Поэтому кондуктору было велено сменить железнодорожную форму на штатское платье, приехать с Пенсильванского вокзала и взглянуть на Мюллера. Кондуктор сидел в холле вместе с агентом ФСБ, когда Мюллер выходил из лифта.

— Это он, — шепнул кондуктор на ухо агенту, — это он.

Агент сделал неприметный жест, которого не заметил в холле никто, кроме двух его товарищей. Они поднялись и хладнокровно последовали за угрюмым человеком, который называл себя Петером Мюллером.

За Мюллером следили, когда он взял такси и поехал в ресторан Динти Мура. Там он уселся за мраморный столик в глубине. Официант спросил заказ. Агент, сидевший за столиком неподалеку, услышал, как тот ответил: «Я жду знакомого». Он говорил по-английски в совершенстве, но с заметным немецким акцентом.

Через некоторое время появился человек с ястребиным профилем, снял шляпу и, помахав ею Петеру Мюллеру, подошел к его столику. Это был Джордж Джон Даш, официант

с большим аппетитом. Он сел рядом с Мюллером, и оба заказали завтрак. Затем он взглянул в зеркало на стене и сделал вид, что поправляет галстук и приглаживает волосы. Но ему не удалось обмануть агентов ФСБ: те поняли, что диверсант оглядывает их очень осторожно.

Вскоре появились пиво и еда для Даша. Агенты сделали заказ, как если бы не существовало ни Даша, ни Мюллера. Они решили, что встать и уйти до ухода диверсантов было бы глупо, а потому вытащили колоду карт и затеяли игру.

Время от времени Даш повторял свой маневр с зеркалом, но агенты и виду не подавали, что замечают его. Наконец, они услышали, как Мюллер сказал: «Пойдем отсюда». Агенты ФСБ продолжали играть в карты: они не хотели рисковать, выслеживая эту коварную пару. Там, на улице, другие агенты продолжают слежку.

Слежка привела к пивной, где парикмахер Файе ночью беседовал с членами «Германо-американского союза». Один из этой группы, с которой встречались Файе и Лейнер, — любитель кислой капусты, по имени Антони Крамер, — ожидал в пивной Даша и Мюллера. Тем временем агенты выяснили, кто такой Крамер. Он жил на 83-й Восточной улице, в центре «Малого Берлина», и, подобно многим другим, работавшим на Гитлера, стал американским гражданином в 1936 году, через 11 лет после того, как приехал в США двадцатипятилетним юношей. Крамер служил инженером на конфетной фабрике. То был холостяк с тонкими губами и узкими светлоглубыми глазами, в которых застыла спокойная наглость. Он был самоучкой и особенно гордился этим.

Даш и Мюллер (ФСБ еще не было известно, кто такой Мюллер, ибо фото его не оказалось в архивах) беседовали с Крамером около получаса, выпили, а затем разошлись в разные стороны. Даш отправился к дому в Йорквилле. Выяснилось, что он живет здесь под чужим именем; еще одна забота свалилась с плеч ФСБ: теперь известно, где его найти. Мюллер вернулся в отель Клинтон. Крамер, преследуемый агентом, отправился в другую пивную, где встретился с диверсантом Тилем. Тот подал конверт. Крамер заглянул внутрь, кивнул и сунул пакет в карман. Похоже было, что в конверте лежали деньги.

РАЗВЯЗКА

ТЕПЕРЬ, в начале второй недели слежки, события стали разворачиваться с необычайной быстротой. Всего выследилось восемь диверсантов. ФСБ определенно выследило шестерых, напало на след седьмого (Хаупт из Чикаго) и было твердо уверено, что теперь в любой момент в орбиту расследования может попасть и восьмой.

В Чикаго выяснили, кто владеет машиной, отъехавшей от дома старого Ганса Хаупта, когда агент собирался войти. Машину купил сам старый Ганс.

Стали перебирать фирмы, торгующие автомобилями. Продавца машины нашли меньше чем через два часа. Тот вспомнил сделку, состоявшуюся всего сорок восемь часов назад. Старый Ганс явился и заплатил наличными деньгами. Что это были за деньги? Новенькие двадцатидолларовые банкноты.

Был ли еще кто-нибудь со стариком? Да, с покупателем приходил еще один, по имени Отто Вергин. Он подписал акт о продаже в качестве свидетеля сделки.

Немного времени потребовалось, чтобы напасть на след Отто Вергина, человека сорока с лишним лет, ревностного члена «Германо-американского союза» в Чикаго. В архивах было обнаружено, что в прошлую войну он служил в германском флоте. Подобно большинству остальных, стал американским гражданином. Гитлер любит, когда немцы переходят в американское гражданство; ему кажется, что так легче шпионить и заниматься диверсиями.

Выследить Вергина оказалось весьма легким делом. Слежку удалось начать в тот самый момент, когда Вергин выехал из дому в автомобиле. Он жил недалеко от Хауптов.

Ехал Вергин недолго. Он направился не к Хауптам, как ожидали агенты, а к человеку по имени Вальтер-Вильгельм Фрелинг. Старая история! Вальтер-Вильгельм покинул «фатерланд» более десяти лет назад и сделался американским гражданином, но остался членом гитлеровского «Германо-американского союза».

ФСБ выяснило прошлое старого Хаупта, Вергина и Фрелинга. Их биографии вскоре стали сплетаться в причудливый узор, приковывавший внимание агентов. Ганс Хаупт появился в США в 1923 году в возрасте двадцати девяти лет. Он оставил в Германии жену Эрну с трехлетним сыном

Гербертом, которых позднее, в 1925 году, привез в Америку. Старый Ганс во время первой мировой войны служил в германской армии в Польше, Бельгии, Франции и Румынии; в Чикаго он стал рабочим и в 1930 году гражданином США. Жена его перешла в американское подданство только в 1941 году. Мальчик Герберт до отъезда в Германию был квалифицированным рабочим фирмы оптических приборов Симпсона в Чикаго; фирма эта, между прочим, занималась производством телескопов, танковых и авиационных прицелов для Управления артиллерийского и технического снабжения и для войск связи армии США.

Миссис Хаупт была урожденная Эрна Фрелинг, и расследование ФСБ показало, что ее брат работал шофером на грузовой машине в одной электротехнической фирме. Вергин, муж и жена, были близкими друзьями и Хауптов и Фрелингов. Отто Вергин, родившийся в 1896 году в Арнсвальде (Германия), приехал в Америку в 1926 году. Годом раньше он женился, а через год после его приезда в Америку пересела и его жена Кет. Отто стал американским гражданином в 1933 году, а жена год спустя. Отто Вергин проводил ночи большей частью в «Хаус фатерланд», пивной на Борд-Сайд, которая была местом сборищ нацистов в США, а когда-то и главным штабом шпиона Виллумеита.

Вальтер Фрелинг, брат Эрны Хаупт и дядя диверсанта, приехал в США в 1926 году в возрасте 25 лет. Он жил с сестрой Эрной и ее мужем до 1930 года, пока не женился на немецкой девушке. Американским гражданином Фрелинг стал в 1931 году, а жена его — в 1935 году.

Эрна Хаупт, мать Герберта, поехала в Германию в гости в 1939 году и вернулась влюбленной в «фюрера». Время от времени, будучи по-немецки скаредной, она работала прислугой и после возвращения из страны нацистов поступила служанкой и кухаркой в одно семейство в Гленко, северном предместье Чикаго. Агенты разыскали ее прежних хозяев и узнали, что их бывшая служанка не стеснялась в выражении своих чувств к Гитлеру. Ганс Хаупт обычно заходил по вечерам за своей женой. Иногда, когда у хозяев бывали гости, Ганс помогал жене мыть посуду, чтобы она могла пораньше закончить работу.

Однажды хозяйка зашла на кухню, где Ганс помогал мыть посуду. Она сказала:

— Кажется, ваша жена считает Германию чудесной страной?

— Да, — отвечал Хаупт. — Это самая замечательная страна на всем земном шаре! — Глаза старика загорелись; это было как раз после вторжения Гитлера в Норвегию.

— Да, — продолжал он, — если фюрер решит захватить Соединенные Штаты, это будет для него столь же легким делом, как и все остальное. Ведь повсюду в стране имеется тайная армия, готовая повиноваться любому приказу, исходящему из отечества. Армия эта завоеует всю страну, как Германия завоевала Норвегию.

Агентам, выслеживавшим других нацистов, было известно, что американские немцы буквально безумствовали от восторга, когда Гитлер захватил Бельгию и Голландию, и с типично немецкой наглостью во всеуслышание выражали свои чувства. Эта самая наглость, это слепое доверие к пропаганде Берлина сильно облегчили ФСБ его задачи, когда настала пора обшарить все крысиные норы и вытащить оттуда тысячи потенциальных и действующих предателей.

Одновременно ФСБ обратило внимание на телеграф. Ему удалось напасть на две телеграммы, представлявшие значительный интерес. Одна была радиограммой, переданной через почтово-телеграфное ведомство 24 августа 1941 года из Токио и адресованной мистеру и миссис Хаупт. Телеграмма гласила:

«Дорогие, чувствую себя хорошо, нахожусь в Токио, отель Дейтите. Надеюсь, что вы здоровы. Напишу, как только смогу. Герберт».

7 декабря 1941 года, в тот самый час, когда в Америке стало известно о нападении японцев на Пирл-Харбор, миссис Хаупт явилась в местное почтово-телеграфное отделение и отправила сыну, который все еще находился в отеле Дейтите в Токио, телеграмму:

«Поздравляем с днем рождения. Желаем весело провести рождество; с новым годом, с новым счастьем и любовью. Твои родители».

Тем временем агенты ФСБ работали и в Джексонвилле. Им стало известно, что в отеле Семинол, в 40 минут первого в ту ночь, когда диверсанты высадились во Флориде, остановился человек из Нью-Йорка, зарегистрировавшийся под именем Эдварда Дж. Келли. Он выехал из отеля в половине восьмого, то-есть меньше чем через семь часов после приезда. В регистратуре отеля было обнаружено, что он уплатил вперед пять долларов за номер 402; это указывало, что он был с кем-то: пять долларов плата за номер для двоих.

Ночной дежурный и портье припомнили мистера Келли и его товарища. Они просмотрели пачки фотографий и узнали Эдуарда Керлингга. Да, Керлинг был тот самый Келли, который останавливался в номере 402. Спутником Келли они признали Нейбауэра, друга Герберта Хаупта из Чикаго.

В отеле Мейфлауэр, расположенном в полутора кварталах от Семинола, книга записи приезжающих показала, что в две минуты второго в ночь высадки десанта с подводной лодки человек, назвавшийся Уильямом Томасом из Нью-Йорка, вошел с товарищем и уплатил деньги за два номера — 716 и 718. Оба выбыли в 7 часов 37 минут утра. За номер 718 было уплачено еще дополнительно десять центов за разговор по телефону в 7 часов утра. Выяснилось, что разговор происходил с тем номером отеля Семинол, где остановились Керлинг и Нейбауэр.

Просмотрев фотографии, служащие отеля узнали много Уильяма Томаса: то был Вернер Тиль, а спутником его оказался Герберт Хаупт.

Керлинг, как и пятеро остальных диверсантов, находился в Нью-Йорке, поэтому агенты ФСБ были уверены больше чем когда-либо, что в Чикаго скрывается не только Хаупт, но и Нейбауэр.

Между тем в Чикаго обнаружилось другое обстоятельство. Когда Хаупт покинул город год назад, он, как американский гражданин, не имеющий иждивенцев, подлежал мобилизации. Когда пришла очередь Герберта и призывная комиссия обратилась к его родителям, те заявили, что он бродит золотоискателем где-то в горах Мексики. А теперь выяснилось, что 22 июня Герберт Хаупт явился в призывную комиссию. Молодой Хаупт вошел как ни в чем не бывало и объявил, что около года искал золото в горах Мексики и не имеет ни малейшего представления о том, что комиссии от него нужно. Конечно, члены комиссии не могли знать, что Хаупт разыскивается ФСБ как один из диверсантов, они приняли эти объяснения за чистую монету.

Улики накапливались. Родители Герберта явно солгали представителям призывной комиссии, заявив, что не имеют известий о сыне и что он находится в Мексике, тогда как им был известен его адрес в Токио. Единственный разумный вывод был тот, что Токио — одна из остановок на пути в Германию.

На этой стадии дела появился молодой и хладнокровный прокурор Дж. Альберт Уолл. Его заинтересовал тот факт,

что родители Хаупта, а возможно, и Фрелинги и Вергины оказывают помощь и поддержку Герберту, зная, что он диверсант с подводной лодки. Если это может быть доказано, то Хаупты, Фрелинги и Вергины окажутся виновными в преступлении, в котором обвиняются граждане лишь в военное время, да и то крайне редко. То было обвинение в государственной измене, и обвинительный приговор означал смерть.

Параграф 3-й третьей статьи Конституции гласит:

«Государственная измена против США заключается в ведении войны против них или в содействии неприятелю, оказании ему помощи и поддержки».

Параграф 1-й уголовного кодекса США подтверждает формулировку статьи Конституции:

«Тот, кто, принеся присягу в верноподданничестве Соединенным Штатам, провоцирует войну против них, содействует их врагам, оказывает им помощь и поддержку внутри Соединенных Штатов или где-либо в другом месте, виновен в государственной измене».

Прокурор Уолл серьезно обдумывал эти положения. Обвинение в государственной измене трудно доказать. Во-первых, необходимы свидетели, которые видели бы Герберта Хаупта в обществе своих родителей и их друзей Фрелингов и Вергинов. Необходимо также установить, что в высказываниях этих людей замечались нацистские тенденции еще до появления Герберта Хаупта с подводной лодки. Ко всему этому прокурор должен будет доказать, что они знали, к чему готовится Герберт Хаупт.

Агенты ФСБ начали усиленно следить за тремя домами, уже находившимися под наблюдением. Они узнали от соседей Фрелингов, Хауптов и Вергинов, что молодой человек, опознанный окончательно как Герберт Хаупт, посетил все три дома в течение этой недели. Вергин, огромный мужчина, ростом в шесть футов и свыше двухсот фунтов весом, давно уже выражал пронацистские симпатии в разговорах со своими товарищами — рабочими на предприятии «Эдисон Компани». Фрелинг, служивший в той же фирме, высказывал подобные же взгляды. Соседи сообщили агентам, что и миссис Вергин и более скромная миссис Фрелинг часто восхищались Гитлером и Германией.

В среду, 24 июня, после полудня, через одиннадцать дней после высадки первых диверсантов в Амагансетте, в доме Фрелинга заметили человека, который проник туда через заднюю дверь и направился в гараж. Это был Герберт Хаупт. Насколько агенты могли установить, он еще не виделся с невестой. Впрочем, это не имело значения: теперь он попал в их поле зрения.

Хаупт вывел машину из гаража, новую машину, купленную его отцом, затем выехал из ворот и укатил. Он производил впечатление настоящего ковбоя за рулем: делал повороты на большой скорости, внезапно тормозил, давал задний ход, поворачивал и вновь ехал своей дорогой. Выслеживать его, не вызывая подозрений, было немалым испытанием для агентов ФСБ, и все же они неотступно следовали за Хауптом по пятам, как тени, несмотря на то, что его маневры с машиной явно изобличали стремление обнаружить, нет ли преследования.

Хаупт отправился в отель Никербокер. Он вышел оттуда в сопровождении своего старого друга Нейбауэра. Таким образом, все восемь диверсантов очутились в поле зрения агентов.

Оба направились в кинотеатр, куда зашли посмотреть кинофильм «Вторжение», тот самый, который когда-то взволновал жителей маленького Амагансетта.

Агенты ФСБ выждали еще сорок восемь часов. За это время, пока Нейбауэр все еще оставался в отеле Никербокер, Герберт Хаупт зашел к себе домой, а также к Фрелингам. Когда он находился у Фрелингов, пришли Вергины. Этого было достаточно. Хаупт свел вместе шесть подозреваемых в государственной измене.

Хаупт и Нейбауэр были арестованы одновременно на улицах Чикаго утром в пятницу, 27 июня. Они держались довольно нагло, когда их привели в управление ФСБ.

В бумажниках у диверсантов было достаточно подложных документов, чтобы вызвать к себе известное доверие. Берлин позаботился обо всем. Молодых людей снабдили воинскими билетами на случай, если их задержат где-нибудь в связи с воинской повинностью. Были у них и подложные пропуска на оборонные заводы. Все было сделано так, чтобы в случае, если их задержит какой-нибудь полисмен за нарушение правил уличного движения, ему и в голову не пришло, что перед ним опаснейшие преступники и враги американского народа.

В Нью-Йорке происходило то же, что и в Чикаго: Керлинг и Тиль были арестованы на улице в то время, как жена Керлинга Мария и его любовница Геди Энгеман, которые оказались подругами, поджидали диверсантов в ресторане Брука на Лексингтон-авеню. Гейнк и Квириг были задержаны в Астории. Даш, бывший официант с ястребиным профилем, которого выдали его нос и аппетит, был арестован подле отеля Клинтон, так же как и Мюллер.

Хаупта и Нейбауэра срочно на самолете переправили из Чикаго в Нью-Йорк и всю восьмерку диверсантов в строгой тайне доставили в ФСБ. Гувер лично взялся допрашивать их. Допрос длился всю ночь напролет. Несмотря на бессонную ночь, наутро Гувер выглядел удивительно свежо. Диверсанты чувствовали себя значительно хуже. Особенно верзила Даш. Он ворчал, что голоден. Гувер сказал, что он может заказать себе, что угодно — огромный бифштекс с грудой жареного картофеля и подливкой, кофе и десерт.

— Вы хотите сказать, что я могу получить все это сейчас? — спросил Даш. — Раньше, чем вы узнали от меня что-либо?

Гувер улыбнулся. Он объяснил, что сейчас так или иначе время завтрака, и все люди, даже арестованные, нуждаются в пище. Даш принялся за завтрак, который напоминал скорее пару плотных обедов, чем утреннюю закуску. Покончив с едой, он сказал:

— Что же, придется рассказывать. . .

И рассказал все начистоту.

Вскоре к Дашу присоединился и «Мюллер», действительное имя которого оказалось Бургер. Рассказ Бургера о событиях, происшедших до, во время и после высадки десантов с подводных лодок, представляет большой интерес, чем история Даша.

Восемь человек, которые должны были высадиться с подводной лодки в Лонг-Айленде и Флориде, были собраны в Берлине. Семь из них только что репатрировались из США, а Бургер, восьмой, жил в Германии уже несколько лет. В Берлине их основательно обучили, а затем привезли в большое поместье, расположенное на расстоянии более часа езды поездом от центра города. Там, на берегу большого озера, они практиковались в высадке с резиновых лодок, экспериментировали с различными детонаторами, приборами, регулирующими время взрыва, адскими машинами и взрывателями. Их обучали тонкостям диверсионного дела и

для практики даже дали взорвать несколько пассажирских вагонов настоящего поезда, проходившего через поместье.

Им показывали разные детали железнодорожной сигнализации, фермы мостов и рельсы, учили, как выводить из строя паровозы. Им показывали чертежи главных вокзалов и депо крупных крупнейших военных заводов и верфей в США. Время от времени их водили по тем из военных заводов Германии, которые были копиями таких же заводов в Америке, и учили, как добиться наибольшего разрушения с наименьшей затратой энергии и материала. На этих же заводах их учили, как прорываться сквозь охрану, причем даже во время этого натаскивания им вменялось в обязанность рисковать своей жизнью. Делалось это потому, что подобная практика могла пригодиться позднее во время диверсионной деятельности в США.

22 мая 1942 года восемь диверсантов встретились в Берлине и подготовились к отъезду в Лориан, крупнейшую базу германского подводного флота в оккупированной Франции. Лейтенант Вальтер Каппе, один из инструкторов в школе диверсантов, поехал с ними, чтобы дать последние наставления. Их разделили на две группы. Каждый взял с собой ящик с взрывчатыми веществами, приборами, адскими машинами, детонаторами, взрывателями и другими материалами.

Бургеру, главарю той четверки, которая должна была отправиться первой и высадиться в Амагансетте, дали 85 тысяч долларов в американской валюте для распределения между участниками группы. Такую же сумму вручили Керлингу, главарю группы, которая должна была выехать на день позже и высадиться во Флориде.

27 мая группа Бургера отплыла из Лориана в Лонг-Айленд, 28 мая группа Керлинга отправилась во Флориду. Вместе с Бургером были Даш, Гейнк и Квирин. С Керлингом — Хаупт, Тиль и Нейбауэр. Нацисты хорошо изучили американские законы, прежде чем послать этих людей. Диверсанты должны были оставаться в германской военной форме во время высадки и закапывания ящиков с взрывчатыми веществами. Затем, если их не обнаружат, они должны были переодеться в штатское и зарыть свои мундиры в песок. Ведь если диверсант будет арестован в военной форме, он — военнопленный и подлежит отправке в лагерь. Без нее — шпион и предатель, и его ждет смертный приговор.

По прибытии в США обе группы предполагали разделиться. Четверка Бургера собиралась оперировать к западу от Чикаго, а группа Керлинга — к востоку от него. Нацисты дали диверсантам указания, как маскироваться. Хаупту было велено вернуться на свое старое место в фирме оптических приборов Симпсона, Нейбауэру — открыть маленький ресторан, Керлингу — купить ферму в окрестностях Нью-Йорка, Бургеру — поступить на оборонный завод где-нибудь к западу от Чикаго. Он, как главарь западной группы, должен был держать постоянную связь с Керлингом, главарем восточной группы, при помощи писем или шифрованных телеграмм и телефонограмм. Обе группы должны были изредка встречаться, чтобы совместно обсуждать свои успехи. Первая встреча была назначена в отеле Цинциннати 4 июля.

Показания Бургера и Даша совпадали во всех своих деталях с выводами, ранее сделанными ФСБ. Откровенные признания спасли жизнь Бургеру и Дашу. Военный трибунал отправил Керлинга, Хаупта, Гейнка, Квирина, Тиля и Нейбауэра на электрический стул. Они были казнены 15 августа 1942 года. Бургер отделался тридцатилетним, а Даш пожизненным тюремным заключением. У американских властей были кое-какие соображения относительно Бургера.

Следующим шагом властей был арест старых Хауптов, а также Вергинов и Фрелингов. В доме у Вергинов нашли деньги, те самые, которые, как впоследствии признал Вергин перед прокурором, Хаупт передал ему на хранение. Ганс Хаупт, отец казненного диверсанта, признал, что ему было известно, к чему готовится сын. Благодаря этому признанию, а также признаниям некоторых других обвиняемых, которые, стремясь облегчить свою участь, начали сознаваться, прокурор получил материалы, уличающие Хауптов, Вергинов и Фрелингов в сознательном содействии диверсанту. Бургер был свидетелем на этом процессе.

Прокурор Уолл вместе со своими помощниками Ричардом Г. Финном и Эрл К. Херли выступал на этом сенсационном шпионском процессе перед судьей Уильямом Дж. Кенибейлом и присяжными в душном, битком набитом публичной зале. Суд признал обвиняемых виновными: трое мужчин и три женщины были приговорены к смерти. Исполнение приговора было отложено в связи с апелляцией, ответа на

которую еще не последовало в момент, когда эта книга пошла в печать.

Между тем повсюду в стране шли массовые аресты шпионов и диверсантов. В Нью-Йорке фрау Керлинг, жена одного из казенных диверсантов, была изолирована на длительный срок, против других сообщников возбуждали судебное преследование. Антони Крамер получил сорок пять лет тюрьмы за государственную измену. Во многих случаях не оказывалось достаточных формальных улик, как, например, в деле Геди Энгеман и других, переданных суду по обвинению в государственной измене; но было достаточно улики моральных, чтобы изолировать немцев по крайней мере на время войны. Многие подследственные были лишены американского гражданства.

Тысячи нитей в десятках городов прямо или косвенно оказались связаны с историей Себольда. В результате было арестовано множество немцев от Майна до Калифорнии и от канадской границы до Мексиканского залива. У многих нашли подпольные коротковолновые радиостанции, у других — фотографии стратегических военных пунктов и подобные материалы. Сколько именно гитлеровцев было арестовано — останется секретом вплоть до окончания войны. В феврале 1943 года аресты достигли кульминационного пункта.

Вы видите, что это была подлинная война в пределах США. И она далеко еще не кончилась. В тот самый момент, когда пишутся эти строки, ФСБ разыскивает трех диверсантов. Известно, что они сейчас в нашей стране, по всей вероятности, вооруженные до зубов для выполнения своей преступной программы. Эти трое только ждут случая прокрасться где-нибудь мимо охраны и совершить преступление, которое затмит взрыв «Черного Тома» и пожар в Кингсленде во время первой мировой войны.

Надо принять во внимание психологию немцев. Немцы уверены, что если они будут побеждены, им не будет пощады, как и они не давали пощады побежденным. По мере приближения часа окончательного поражения они становятся все отчаяннее. Вредители и «пятая колонна» в нашей стране не остановятся ни перед чем. Отравленные водопроводы, отравленное молоко для малюток, чудовищные взрывы в школах и магазинах, бомбы в домах высших государственных деятелей, яды, применяемые в широких масштабах

в военных и морских школах и лагерях, массовые убийства рабочих на крупнейших оборонных заводах — все это входит в программу германского вредительства.

Нет, война со шпионами и диверсантами еще не кончена. Может быть, она только еще начинается.

В подполье скрывается сейчас, избегая мести нацистов, Вильям Себольд.

— Этот вопрос мы пока оставим без ответа, — вот что отвечают в Вашингтоне на запросы о судьбе его семьи.

Сам же Себольд не выйдет на свет до тех пор, пока не пробьет час победы.

1943 год, февраль

.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
От автора	14
Глава первая. Методы гестапо	15
Глава вторая. Гамбургская школа шпионов	27
Глава третья. Секретное радио	36
Глава четвертая. Жертва уличного движения	43
Глава пятая. Блондинка из Маспета	50
Глава шестая. Заокеанская разведка	59
Глава седьмая. Продавец из книжной лавки	68
Глава восьмая. Печь на Баттери-Плейс, 17	79
Глава девятая. Турне	86
Глава десятая. Гестапо подозревает	97
Глава одиннадцатая. Усадьба в Томпсоне	106
Глава двенадцатая. Конец шайки Людвиг	117
Глава тринадцатая. История одного предателя	126
Глава четырнадцатая. Десант в Амагансетте	137
Глава пятнадцатая. По горячим следам	146
Глава шестнадцатая. Развязка	157

Переплет художника А. А. Толоконникова

Редактор Л. И. Соловейчик

*

Отпечатано с матриц под наблюдением майора Костюк К. Я.

Технический редактор Коповалова Е. К.

Корректор Васильев Б. К.

*

Г 124303.

Подписано к печати 11. 6. 46. Изд. № 2073/Л.

Объем 10 1/2 п. л. Зак. № 147.

Цена 5 руб.